

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА»

На правах рукописи

Давиденко Алексей Анатольевич

**АНГЛИЙСКОЕ ДЖЕНТЛЬМЕНСТВО
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ
(1820—1890-е годы)**

Специальность 07.00.03 – «Всеобщая история»
(новая и новейшая история)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук,
доцент Дементьев И. О.

Калининград

2019

Содержание

Введение	3
Глава 1. История понятия <i>джентльмен</i>	51
§ 1. Истоки понятия <i>джентльмен</i> (XI—XVI века)	51
§ 2. Понятие <i>джентльмен</i> в XVII — начале XIX века	65
Глава 2. Английское джентльменство как социальное явление 1820—1890-х годов	75
§ 1. Джентльмен в системе социальных связей	75
§ 2. Гендерные аспекты джентльменства	98
Глава 3. Английское джентльменство как культурное явление 1820—1890-х годов	111
§ 1. Между этикой и этикетом	111
§ 2. Досуг и бытовая культура	146
Заключение	178
Список источников и литературы	181

Введение

Актуальность темы исследования. Антропологический поворот в историографии обострил интерес к сюжетам, которые ранее не вызывали большого интереса ученых. В фокусе внимания современных исследователей находится широкий набор тем, в рамках которых изучению подлежат как классические политические или военные, так и социальные и культурные аспекты прошлого. Исследования охватывают разные стороны частной и публичной жизни человека — от культурной истории предметов и телесности до различных проявлений реакции на окружающую повседневность¹. Исторические сведения выходят за пределы статей и монографий и становятся доступны широкой публике². Изучение социальных и культурных практик джентльменства, таким образом, органично вписывается в исследовательское поле современной историографии.

Основную оптику исследования представляет социокультурный подход, рассматривающий общество как совокупность влияющих друг на друга социальных и культурных характеристик. Представление о социокультурном явлении возможно на основе комплексного изучения всех его составляющих. При этом разделение на социальную и культурную сферы во многом условно в силу глубокой зависимости культурных и социальных аспектов человеческой жизни — социальное положение индивида во многом определяет свойственные ему культурные практики, в то же время последние

¹ См., например: *История частной жизни*: под общей ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Т. 4: от Великой французской революции до I Мировой войны / под. ред. М. Перро; пер. с фр. О. Панайотти. М., 2018; *Кулиничева Е.* Кроссовки. Культурная биография спортивной обуви. М., 2018; *Emotions in the History of Witchcraft* / ed. by L. Kounine and M. Ostling. L., 2016.

² Типичными (применительно к теме диссертации) являются телепродукты начала этого столетия: на канале ВВС в 2001 году вышел документальный сериал «Что для нас сделали викторианцы», в 2009 году — документальный фильм о бытовой стороне жизни на викторианской ферме, а в 2013 году — документальный фильм «Скрытые угрозы викторианской эпохи».

играют важную роль в поддержании социального статуса. Для удобства в настоящей работе под социальными характеристиками понимается то, что предзадано человеку прежде всего общественными обстоятельствами. Такими характеристиками являются происхождение, а также социально (в большей степени, чем культурно) детерминированные гендерная модель поведения и характер образования. Культурные характеристики представляют собой сферу деятельности человека, которой присуща некоторая свобода выбора поведенческих стратегий. В диссертации к таким характеристикам отнесены совокупность моральных принципов и связанных с ними норм поведения, а также досуг и другие формы повседневной жизни.

В научной литературе распространены различные характеристики повседневности джентльмена в XIX веке, сформулированы разные точки зрения на образ джентльмена в беллетристике и в общественном сознании. Альтернативность оценок социокультурного контекста английской истории позапрошлого столетия отражена, в частности, в позициях Дж. Э. Адамса, который констатирует преобладание в викторианскую эпоху образа джентльмена-буржуа, и Э. Милн-Смит, показывающей равнозначное сосуществование в этот период образов джентльмена-аристократа и джентльмена-буржуа³.

Особенностью российской историографии является то, что к тематике джентльменства как самостоятельной области исследований специалисты обратились гораздо позже своих зарубежных коллег — только в последние годы. При этом исследованиями разных аспектов джентльменства занимались преимущественно филологи, а не историки. В отечественной исторической науке отсутствует комплексное исследование джентльменства.

Объект исследования — общество и культура Англии в XIX веке (в частности, в 1820—1890-х годах).

³ *Adams J. E. Gentleman, Dandy, Priest: Manliness and Social Authority in Pater's Aestheticism // English Literary History. 1992. Vol. 59, No. 2. P. 459; Milne-Smith A. Queensberry's Misrule: Reputation, Celebrity, and the Idea of the Victorian Gentleman // Canadian Journal of History. 2013. Vol. 48, No. 2. P. 280.*

Предмет исследования — феномен джентльменства в его социальных и культурных (социокультурных) характеристиках.

Хронологические рамки диссертационного исследования трудно определить однозначно. Возможный вариант ограничения хронологии викторианской эпохой был бы небесспорным: не вызывают сомнений только, собственно, рубежные даты правления королевы Виктории (1837—1901). Границы *викторианской эпохи* в культурном отношении, напротив, достаточно нестабильны⁴. Кроме того, использование термина *викторианский*, как доказывают К. Бойд и Р. МакУильям, обычно является упрощением, поскольку он не раскрывает все многообразие отношений в рамках английского общества⁵. Выделение календарного XIX века непродуктивно, потому что социальные и культурные явления не возникают одновременно. Спецификой явлений и процессов, протекающих в обществе, можно признать их несводимость к конкретной дате.

В работе хронологические рамки определены временем между 1820-ми и 1890-ми годами. Начало периода связано с ростом активности представителей буржуазии в приобретении джентльменского статуса. В этот период среднему классу приходится преодолевать сопротивление высших

⁴ См. об этом, напр.: Price R. Should We Abandon the Idea of the Victorian Period? // *The Victorian Studies Reader* / ed. by K. Boyd and R. McWilliam. L.; N. Y., 2007. P. 51—66. Существуют сложности как с общей периодизацией викторианской эпохи, так и с определением длительности внутренних периодов. Традиционно всю эпоху принято разделять на три периода — ранне-, средне- и поздневикторианский: Best G. *Mid-Victorian Britain 1851—75*. L., 1989; Harrison J.F.C. *Early Victorian Britain, 1832—1851*. Glasgow, 1988; *Idem*. *Late Victorian Britain*. Abingdon, 1991; Mitchell S. *Daily life in Victorian England*. Westport, 2009; Theodore Hoppen K. *The Mid-Victorian Generation, 1846—1886*. Oxford, 1998. Длительность периодов различается в зависимости от фокуса внимания исследователей. Например, в монографии С. Митчелл ранневикторианский период датируется 1837—1851 годами, средневикторианский — 1851—1875 годами, а поздневикторианский — 1875—1901 годами. Mitchell S. *Op. cit.* В то же время обобщающая работа по ранневикторианской Англии под редакцией Дж. М. Янга охватывает период 1830—1865 годов. *Early Victorian England, 1830—1865* / ed. by G.M. Young. L., 1934. Еще один вариант предлагает «Антология английской литературы Нортон», где начальный период эпохи представлен 1830—1848 годами, средний — 1848—1870 годами, а заключительный — 1870—1901 годами *The Norton Anthology of English Literature* / ed. by S. Greenblatt. N.Y.; L., 2006.

⁵ Boyd K., McWilliam R. Introduction: Rethinking the Victorians // *The Victorian Studies Reader* / ed. by K. Boyd and R. McWilliam. L.; N. Y., 2007. P. 2.

кругов общества, и в 1820-е годы в прессе появляются публикации о первой такой победе — признании официальным институтом (судом) обвиняемого джентльменом исключительно на основе его личных качеств. Упрощенный доступ в категорию джентльменов сказывается на ослаблении общественного интереса к вопросу о статусе джентльмена, что в целом отражается и в газетных публикациях, в которых к 1890-м годам эта тема уже практически не звучала. Если подобные материалы и появлялись, то они были единичными и показывали, что обсуждение статуса джентльмена уже не было вопросом для серьезных дискуссий, что отражало некоторый консенсус, сложившийся в обществе по поводу этого понятия. С учетом вышесказанного хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период с 1820-х до 1890-х годов.

Географические рамки ограничены территорией Англии, так как джентльменство как социокультурный феномен зародилось именно в Англии и представляло собой проявление исконно английской культуры.

В работе используются полисемантические понятия: под *повседневной жизнью* понимается совокупность сфер деятельности, самой деятельности и объектов, с которыми человек сталкивается в окружающей среде на протяжении определенного периода жизни; под *повседневными практиками* — конкретные проявления человеческой деятельности в повседневной жизни; под *художественным образом* — явление, отображенное в художественном произведении на основе характерных черт. Термин *средний класс* используется в диссертации как синоним термина *буржуазия*. В диссертации различаются категории *понятие* и *слово*. Понятие представляет собой идею, связанную с каким-либо предметом или явлением, тогда как слово является звуковым или графическим отображением понятия.

Особого внимания заслуживает специфика использования синонимов при обозначении социальной категории джентльменов. В отечественной историографии термин *дворянство* является традиционным для описания всего английского землевладельческого общества (и аристократии, и

джентри)⁶, а слово *дворянин* нередко выступает синонимом слова *джентльмен*. Такой подход имеет определенные основания, потому что оба понятия относятся к высшим социальным слоям. Однако они не вполне совпадают по объему значения: уже в Средневековье, не говоря о более поздних этапах развития английского общества, не все джентльмены в социальном отношении были исключительно джентри и аристократами, хотя, по всей видимости, все аристократы и джентри считались джентльменами⁷.

Лишь в некоторых публикациях прослеживается строгое терминологическое различие *джентльмена* и *дворянина*. Например, в статье о делении людей на разряды в тюдоровской и стюартовской Англии К. Райтсон пишет о классической для того времени социальной иерархии, куда помимо всех прочих входили высшая знать (*nobility*) и джентльмены (*gentlemen*) как представители низшей знати⁸. В русском переводе статьи дворянами названа только высшая знать, за которой в иерархии следуют джентльмены⁹. Очевидно, поиск предельно точных аналогов в разных историко-культурных традициях чреват разными рисками. В частности, этимология русского слова *дворянин* имеет национальную специфику. М. Т. Яблочков указывал, что дворянами в XIII веке назывались низшие слуги князя, жившие в его доме и выполнявшие разные домашние работы¹⁰. В то же время нахождение на службе у вышестоящего лица не было

⁶ См., например: *Браун Е. Д.* Джентри и античное наследие. Казус Уильяма Уорчестера // Шаги. 2018. № 4 (2). С. 23—37; *Винокурова М. В.* Мир английского манора (на материалах земельных описей графств Ланкашир и Уилтшир второй половины XVI — первой трети XVII вв.). М., 2004; *Дмитриева О. В.* Английское дворянство в XVI — начале XVII в.: границы сословия // Европейское дворянство XVI — XVII вв.: границы сословия / под ред. В. А. Ведюшкина. М., 1997. С. 11—34; *Лавровский В. М., Барг М. А.* Английская буржуазная революция. Некоторые проблемы Английской буржуазной революции 40-х годов XVII века. М., 1958; *Чернова Л. Н.* Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV—XVI вв. М.; СПб., 2016.

⁷ См., например: *Gilmour R.* The Idea of the Gentleman in the Victorian Novel. L., 1981.

⁸ См.: *Wrightson K.* 'Sorts of People' in Tudor and Stuart England // The Middling Sort of People: Culture, Society and Politics in England, 1550—1800 / ed. by J. Barry and Chr. Brooks. Basingstoke; N. Y., 1994. P. 28.

⁹ См.: *Райтсон К.* «Разряды людей» в Англии при Тюдорах и Стюартах // Средние века. 1994. № 57. С. 46.

¹⁰ *Яблочков М. Т.* История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. XXV.

основным значением слова *джентльмен* в Англии. Слова *дворянин* и *джентльмен* сложно считать взаимозаменяемыми еще и потому, что первое исторически обозначало сословие с четко очерченными правами и привилегиями в России, тогда как второе относилось к менее однородному, даже неформальному конструкту английского социума¹¹. Затруднения в поиске аналогий в других культурах были понятны уже британским лексикографам: в английском словаре первой трети XIX века, например, в качестве русского аналога английского джентльмена предлагался *боярин*, но не *дворянин*¹². С учетом этого в диссертации во избежание путаницы, обусловленной коннотациями понятия *дворянин* в русском языке, в качестве синонима слова *джентльмен* используется нейтральное словосочетание *знатный человек*. Для обозначения аристократии, представители которой были титулованными особами, и джентри — часто имевших герб, но не обладавших титулами, применяется общий термин *знать*.

Теоретическая и методологическая основа исследования.

Диссертационное исследование носит междисциплинарный характер, что обусловлено комплексностью предмета изучения. В основу исследования положен принцип историзма, способствующий рассмотрению джентльменства в его динамике на протяжении большей части XIX века.

Помимо общенаучных методов (анализа, синтеза, обобщения) в исследовании применены специальные исторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный и типологический.

Историко-генетический метод позволяет проследить процесс формирования этических норм джентльменства и трактовать условный кодекс джентльмена как конструкт элитарной культуры, который впоследствии становится нормой поведения более широких слоев общества. Историко-сравнительный метод используется при реконструкции этических норм по так называемым косвенным свидетельствам, то есть реакции в

¹¹ См.: *Беккер С.* Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 23.

¹² *Knowles J.* A Pronouncing and Explanatory Dictionary of the English Language. L., 1835.

обществе на поступки лиц, имевших статус джентльмена. Типологический метод использован при анализе художественного образа джентльмена в XIX веке, показывающем существование в литературе *идеального типа* джентльменов и альтернативных ему вариантов. Этот анализ снабжает дополнительными аргументами для идентификации культурной однородности джентльменства.

Автор работы также опирался на теоретические установки социальной и культур(аль)ной истории. В 1970—1980-е годы исследователи стали воспринимать совокупность представлений и ценностей, которыми руководствовались люди в обыденной жизни, как ключ к более глубокому пониманию социальной системы и как связующее звено социальной среды с деятельностью индивидов¹³. Дискуссии о статусе джентльмена и степени его зависимости от социального положения человека раскрывают представления самих англичан XIX века о своем обществе, что позволяет рассматривать социальную систему как бы изнутри. Следствием сближения истории и антропологии в 1960—1990-е годы стало утверждение в исторических исследованиях представления ученых о сложности и многосоставности культуры. Различные ее аспекты начали восприниматься как точка входа при анализе, например, политических событий прошлого¹⁴. Такое понимание культуры позволяет рассматривать в диссертации различные практики людей, именуемых джентльменами, для анализа культурной целостности или однородности джентльменства в том числе как социального явления Англии 1820—1890-х годов.

Большая теоретическая и практическая работа с понятиями была проделана в рамках *истории понятий* (Begriffsgeschichte) — направления в исторической науке, возникшего в ФРГ. Исследователи социального и политического языка (О. Бруннер, В. Конце и Р. Козеллек) считали, что путем анализа понятий, характерных для разных периодов истории,

¹³ Ретина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009. С. 29.

¹⁴ Бёрк П. Что такое культуральная история? М., 2015. С. 57.

достигается более точное понимание исторической действительности в ее развитии¹⁵. Р. Козеллек в рамках изучения немецкого социально-политического языка считал необходимым «рассмотреть процесс исчезновения старого мира и возникновение современного через призму истории его осмысления в категориях определенных понятий»¹⁶. Для понимания процесса «осовременивания» английского общества важно обратить внимание на нюансы использования англичанами в XIX веке и ранее понятия *джентльмен* — одного из основополагающих концептов английской культуры. С учетом принципов этого подхода в диссертации проанализированы значения слова *джентльмен* на материале широкого круга текстов — публицистических и художественных произведений, законодательных актов и словарей — на протяжении XI—XIX веков и отмечены возможные причины динамики значений.

Другим подходом к анализу социальных и культурных характеристик джентльменства выступает теория И. Гофмана о представлении себя другим. Согласно ей, вся активность человека, желающего добиться какой-либо цели в ходе контактов с окружающими, представляет собой процесс коммуникации, состоящий из двух частей. Первой частью является вербальная коммуникация, а второй — физическая посредством действий (проявления непроизвольного самовыражения индивида). Исследователь отмечает, что вербальная сторона коммуникации чаще всего легко контролируется, а значит, человеку относительно просто добиться желаемого благодаря продуманной речи¹⁷. В то же время поведенческой стороне коммуникации нередко уделяется меньше внимания, что приводит к вероятности того, что даже незначительные действия человека могут

¹⁵ См., например: *Козеллек Р.* Введение // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. М., 2014. Т. 1. В диссертации также использована его статья о темпоральных структурах в истории понятий: *Козеллек Р.* К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета: сб. ст. под ред. Х. Э. Бёдекера. М., 2010. С. 21—33.

¹⁶ *Козеллек Р.* Введение. С. 24.

¹⁷ См.: *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000. С. 38.

вступать в противоречие с его образом, созданным вербальным путем, в результате чего окружающие могут узнать об истинных намерениях того, кто вступает с ними в коммуникацию. В этом, по мнению И. Гофмана, «проявляется фундаментальная асимметрия, присущая процессу коммуникации»¹⁸. Однако коммуникация станет симметричной, если поведение человека осознанно будет поддерживать созданный им вербальным способом образ. С другой стороны, особенно внимательное наблюдение действий индивида со стороны позволяет уловить в осознанности действий некоторую искусственность, которая вызывает у наблюдателей подозрения и вновь делает коммуникацию действующего лица асимметричной. Теория коммуникации может способствовать лучшему пониманию мотивов поведения в различных ситуациях лиц, обладающих статусом джентльмена или претендующих на него.

Основной вектор в изучении повседневной жизни джентльменов в рассматриваемый период задает раздел «Милый дом»¹⁹ по истории частной жизни англичан в конце XVIII — начале XX века, написанный К. Холл для четвертого тома «Истории частной жизни». В исследовании очерчен широкий круг вопросов, включающий религиозное влияние на повседневность, семейную мораль, гендерные отношения, воспитание и т. д. Диссертационное исследование также опирается на принцип рассмотрения многообразия явлений прошлого сквозь призму дихотомии *норма / аномалия*, который в том числе применяет историк Н. Б. Лебина²⁰ при анализе явлений советской повседневной жизни. Несмотря на очевидную разницу между английским обществом 1820—1890-х годов и раннесоветским, они оба представляют варианты социума современного типа со сходными механизмами нормирования повседневности, что позволяет строить анализ по одному алгоритму.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Холл К. Sweet Home // История частной жизни. Т. 4. С. 51—82.

²⁰ Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.

Цель работы — выявление специфики английского джентльменства как социокультурного явления 1820—1890-х годов. Для достижения цели необходимо решить ряд **исследовательских задач**:

во-первых, изучить историю понятия *джентльмен* в английском обществе от Средних веков до начала XIX века — в период формирования первоначальных представлений о том, что делает человека джентльменом;

во-вторых, рассмотреть социальные характеристики джентльменства в XIX веке с акцентом на значимости связи статуса джентльмена с социальным положением и на специфике английской системы образования, а также роль джентльменства в рамках гендерного порядка;

в-третьих, проанализировать культурные аспекты джентльменства, в частности этические установки джентльменства, особенности характера представителей английского общества и повседневной культуры джентльменства, а также изучить художественное отображение этого явления в английской литературе XIX столетия.

Источники по теме исследования разделяются на несколько групп. Первая группа источников охватывает разнообразный лексикографический материал, позволяющий проследить динамику значений слова *джентльмен* на широком промежутке времени (XVII — начало XX века). Привлеченные словари подразделяются на несколько групп: толковые и этимологические, исторические и словари неформальной лексики.

Первым моноязычным толковым словарем, пришедшим на смену двуязычным, стал словарь Р. Каудри 1604 года²¹. Несмотря на то что Каудри создавал словарь для толкования сложных или незнакомых слов²², в нем отсутствовали значения иностранного с точки зрения этимологии слова *джентльмен*, однако фиксировалось однокоренное слово *gentlemanship*, что говорит о том, что лексикограф знал значение слова *джентльмен*.

²¹ Cawdrey R. A Table Alphabeticall. 4th ed. L., 1617.

²² См.: Robert Cawdrey's A Table Alphabeticall. URL: <https://www.bl.uk/collection-items/robert-cawdreys-a-table-alphabeticall>

Следующим стал словарь Дж. Буллокара (1616)²³, где толкование слова *джентльмен* также отсутствовало, но встречалось словосочетание *gentlemanlike courage*. В 1656 году увидел свет словарь «Глоссография Англикана Нова» Т. Блаунта²⁴, дававший толкование словам, которые появились в английском языке из латинского, греческого, иврита, французского и других языков, с указанием в скобках на происхождение слова. Можно полагать, что слово *джентльмен* не имеет такого указателя по той причине, что уже к тому времени оно активно использовалось и стало маркером английской культуры.

В 1735 году вышел «Новый общий словарь английского языка»²⁵ Т. Дайча и У. Пардона, которые сознательно пренебрегли этимологией слов и указанием на их происхождение, потому что значительная часть этой информации им была неизвестна, а также потому, что, по их мнению, эти сведения не представляли пользы для тех, кому предназначался словарь²⁶. Вместо этого он содержал набор грамматических правил. К этой же группе относится ряд работ лексикографов XVIII века — «Новый классический словарь английского языка»²⁷ Дж. Керси, «Словарь английского языка»²⁸ С. Джонсона и «Общий словарь английского языка» Т. Шеридана²⁹. Этимологию слова *джентльмен* давали специализированный словарь Н. Бэйли³⁰ и словарь под редакцией Дж. Скотта³¹.

В 1828 году значения слова *джентльмен* фиксировал общий словарь английского языка американского лексикографа Н. Вебстера³², описывавшего

²³ *Bullockar J. An English Expositor: Teaching the Interpretation of the Hardest Words Used in Our Language. L., 1656.*

²⁴ *Blount Th. Glossographia Anglicana Nova. L., 1707.*

²⁵ *A New General English Dictionary. L., 1735.*

²⁶ *A New General English Dictionary (The Introduction).*

²⁷ *Kersey J. A New Classical English Dictionary. 7th ed. Dublin, 1757.* По причине недоступности первого издания в диссертации использовано седьмое издание 1757 года с указанием значений, актуальных для этого времени.

²⁸ *Johnson S. A Dictionary of the English Language. Dublin, 1768.*

²⁹ *Sheridan Th. A General Dictionary of English Language. L., 1780.*

³⁰ *Bailey N. The New Universal Etymological English Dictionary. 4th ed. L., 1756.*

³¹ *A New Universal Etymological English Dictionary / ed. by J. N. Scott. L., 1772.*

³² *Webster N. An American Dictionary of the English Language. N.Y., 1828. Vol. 1.*

английский феномен джентльменства, орфоэпический и толковый словарь Дж. Ноулса³³, а также словарь А. Рида³⁴.

В работе использован также четвертый том «Нового исторического словаря английского языка»³⁵ 1901 года, в котором содержится перечень значений слова *джентльмен* с примерами его использования в текстах разных столетий.

Если указанные выше типы словарей фиксировали формальную сторону словоупотребления, то связь слова *джентльмен* с неформальными практикам англичан в XIX веке отражали словари сленга³⁶, позволяющие и с этой стороны взглянуть на явление джентльменства. В диссертации приведена оригинальная орфография и пунктуация лексикографического материала. Словари XVII—XVIII веков и даже отдельные экземпляры XIX века не имели пагинации, поэтому в подобных случаях в диссертации приводится ссылка на словарь в целом.

Вторую группу составляют публицистические произведения. Отдельное положение занимает речь Дж. Болла³⁷, которая традиционно датируется 1381 годом и связывается с восстанием крестьян под руководством У. Тайлера. Значение этого короткого текста (четверостишия) тем не менее позволяет реконструировать одно из значений слова *джентльмен*, использованного для обозначения противников простого народа в период социальной борьбы на этапе позднего Средневековья. Тексты XVI—XIX веков, привлеченные в диссертационном исследовании для изучения процесса формирования джентльменской этики, представлены трактатами «Герб джентри» (1586)

³³ Knowles J. A Op. cit.

³⁴ Reid A. A Dictionary of the English Language. Edinburgh; L., 1844.

³⁵ A New English Dictionary on Historical Principles / ed. by J. A. H. Murray. Oxford, 1901. Vol. 4.

³⁶ *The Slang Dictionary*, Etymological, Historical, and Anecdotal. L., 1874; Barrere A., *Leleland Ch. A Dictionary of Slang, Jargon and Cant*. L., 1889. Vol. 1; Farmer J. S., Henley W. E. *A Dictionary of Slang and Colloquial English*. L., 1905; Redding Ware J. *Passing English of the Victorian Era*. L.; N.Y., 1909.

³⁷ *Medieval English Political Writings* / ed. by J. M. Dean. URL: <http://d.lib.rochester.edu/teams/publication/dean-medieval-english-political-writings>

Дж. Ферна, «Совершенный джентльмен» (1622)³⁸ Г. Пичема, «Английский джентльмен» (1631) Р. Брэтвейта, «Философские основания учения о гражданине» Т. Гоббса (1642), «Призвание джентльмена» (1660) Р. Аллестри, «Опыт о добродетели или достоинстве» (ок. начала XVIII века, точная дата неизвестна) Э. Эшли Купера (графа Шефтсбери), «Совершенный джентльмен» (написан в 1729 году, издан только в 1890 году) Д. Дефо, «Теория нравственных чувств» (1759) А. Смита и «Письма к сыну» (1774) Ф. Дормера Стэнхоупа (графа Честерфилда)³⁹. Некоторые произведения являются анонимными⁴⁰. Кроме того, рассуждения о качествах джентльмена содержатся в сочинениях “De Republica Anglorum” (1583) Т. Смита⁴¹ и “The State of England Anno Dom. 1600” (1600) Т. Вильсона⁴². В них представлены взгляды на английское общество в целом и место в нем джентльмена.

В XIX веке советы о том, что должен представлять собой джентльмен, были также актуальны и содержались в разных сочинениях. В качестве общего термина для обозначения совокупности этих произведений в диссертационном исследовании используются термины *назидательная литература* или *поучающая литература*, отражающие целевую направленность текстов. В Англии поучения и руководства существовали уже на закате Средних веков, однако, как показывает Ш. К. Митчелл, изложенные в них идеи общественного развития имели французские корни — английские руководства представляли собой в действительности

³⁸ Здесь и далее указаны даты первых изданий произведений.

³⁹ *Allestree R.* The Gentleman's Calling. L., 1673; *Anthony Ashley Cooper*, Third Earl of Shaftesbury. An Inquiry Concerning Virtue or Merit // *Anthony Ashley Cooper*, Third Earl of Shaftesbury. Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times / ed. by L. E. Klein. Cambridge, 2003; *Brathwait R.* The English Gentleman and the English Gentlewoman. L., 1641; *Defoe D.* The Compleat English Gentleman / ed. by K. D. Bülbring. L., 1890; *Hobbes Th.* De Cive or the Citizen / ed. by St. P. Lamprecht. N.Y., 1949; *Peacham H.* The Compleat Gentleman. Oxford, 1906; *Principles of Politeness and of Knowing the World by the Late Lord Chesterfield* / ed. by J. Trusler. L., 1775; *Smith A.* The Theory of Moral Sentiments. L., 1853; *The Best Letters of Lord Chesterfield* / ed. by E.G. Johnson. Chicago, 1890.

⁴⁰ *The Gentleman's Library: Containing Rules for Conduct in all Parts of Life.* 4th ed. corrected and enlarged. Written by a Gentleman. L., 1744; *The Gentlemans Companion: or, a Character of True Nobility, and Gentility: in the Way of Eſſay.* By a Person of Quality. 2nd ed. L., 1719.

⁴¹ *Smith Th.* De Republica Anglorum / ed. by L. Alston. Cambridge, 1906.

⁴² *Wilson Th.* The State of England Anno Dom. 1600 / ed. by F.J. Fisher. L., 1936.

адаптированные переводы с французского языка⁴³. Исследовательница выдвигает тезис о том, что подобная литература появилась как ответ на общественные волнения в конце XIV — начале XV века. Авторы руководств, таким образом, стремились перенаправить активность публики в русло самосовершенствования через обращение к морали⁴⁴.

В число публицистических произведений в XIX веке входили морализаторские трактаты о джентльменстве. В 1849 году в Лондоне было издано анонимное сочинение «Английский джентльмен: его принципы, ощущения, манеры, занятия»⁴⁵, излагавшее принципы настоящего джентльмена. Тираж трактата установить не удастся, но, судя по предисловию, произведение не предназначалось для широкой публики, так как было адресовано родственникам автора. Автор перечисляет ряд признаков джентльмена, среди которых главным, по его мнению, является религиозность. Кроме того, в трактате представлен персональный взгляд на границы применения термина *джентльмен*. Настольной книгой многих представителей среднего класса стало изданное в 1859 году сочинение С. Смайла «Самопомощь»⁴⁶, провозглашавшее приоритет моральных качеств в определении человека как джентльмена. Параллельно с английскими трактатами появлялись аналогичные американские произведения. В 1846 году американским юристом Фр. Либером был написан трактат «Характер джентльмена» (вышел под чужим именем в 1862 году). В настоящей работе используется третье издание, выверенное его автором⁴⁷. В 1863 году было издано сочинение Дж. Г. Калверта «Джентльмен»⁴⁸. Совокупность этих источников раскрывает представления самих англичан о

⁴³ *Mitchell Sh. C. Moral Posturing: Body Language, Rhetoric, and the Performance of Identity in Late Medieval French and English Conduct Manuals. PhD diss. [Columbus], 2007. P. 245.*

⁴⁴ *Ibid. P. II.*

⁴⁵ *The English Gentleman: His Principles, His Feelings, His Manners, His Pursuits. L., 1849.*

⁴⁶ *Smiles S. Self-Help; with Illustrations of Character and Conduct. L., 1859.*

⁴⁷ *Lieber F. The Character of the Gentleman. Philadelphia, 1864.*

⁴⁸ *Calvert G. H. The Gentleman. Boston, 1863; Nares E. Heraldic Anomalies. L., 1823. Vol. 2.*

сути джентльменства и позволяет уточнить образ джентльмена в восприятии иностранцами.

Основной массив публицистических произведений о джентльменстве представлен руководствами по поведению (*conduct books*) и справочниками по этикету (*etiquette books*). Условно эти сочинения можно разделить на отдельные группы, и сходство названий не должно вводить в заблуждение, так как замысел авторов произведений обеих групп различался. Основная идея текстов первой группы заключалась в побуждении к улучшению нравов, что естественным образом должно отражаться на поступках людей. Ключевую роль здесь играет понятие морали как совокупности универсальных представлений людей о правильном и неправильном. В этом смысле действия индивида, чтобы быть социально приемлемыми, должны были согласовываться с общими для всего общества позитивными принципами, задающими норматив поведения в обществе. О таких универсальных позитивных принципах шла речь в руководствах по поведению, датируемых XVI—XVIII веками. К этому типу произведений относилась, например, изданная в Англии книга Т. Л. Николса «Как себя вести»⁴⁹, освещавшая не только частные вопросы этикета, но и принципы морали.

Пришедшие им на смену в конце первой трети XIX века руководства по этикету также были ориентированы на нормирование поведенческих моделей, но при этом акцент содержащихся рекомендаций был узконаправленным — регламентации подлежали сами действия в конкретной повседневной ситуации. Среди текстов XIX века выделяются «Карманная книга этикета» А. Фрилинга (1837)⁵⁰, «Привычки хорошего общества» (автора установить не удалось, 1859)⁵¹ и «Руководство по этикету Рутледжа» (1860)⁵². Правила этикета в них нередко разделялись на мужские и женские.

⁴⁹ *Nichols Th.* How to Behave: a Manual of Manners and Morals. L., 1873.

⁵⁰ *Freeling A.* The Pocket Book of Etiquette. Liverpool, 1837.

⁵¹ *The Habits of Good Society: a Handbook of Etiquette for Ladies and Gentlemen.* L., 1859.

⁵² *Routledge's Manual of Etiquette.* L., 1860.

Подобно остальным руководство «Привычки хорошего общества» создавалось для среднего класса — в признаках хорошего общества, обозначенных в виде списка, первые места занимали хорошее воспитание, образование, рассудительность, тогда как такие традиционные аристократические критерии, как знатность, богатство, титул, находились внизу списка. Британский литературовед Кр. Берберич указывает, что в XIX веке книги по этикету помогали среднему классу соответствовать манерам традиционного правящего класса⁵³.

К публицистическим произведениям относятся также и рассуждения о джентльменстве, опубликованные в известных журналах и рассчитанные на широкую читательскую аудиторию. Так, в 1862 году в популярном литературном журнале «Корнхил Мэгэзин» вышла статья английского юриста Дж. Ф. Стивена «Джентльмены»⁵⁴, в которой он обращал внимание читателей на изменение критериев, по которым в XIX веке определяли джентльмена. В 1888 году в «Скрибнерс Мэгэзин» в статье с аналогичным названием английский писатель шотландского происхождения Р. Л. Стивенсон подводил итоги социальных изменений в английском обществе, отмечая, что к концу викторианской эпохи аристократическая культура стала сдавать свои позиции⁵⁵.

Третья группа источников представлена преимущественно английской периодикой 1820—1890-х годов за исключением нескольких ирландских и шотландских газет. Общей тенденцией в развитии этого вида источников в Англии в XIX веке был стабильный рост тиража и значительное удешевление газетной продукции. Фактором этого стали государственные реформы в области печати, которые привели к отмене введенных в первые десятилетия после войны с Наполеоном «налогов на знание». В 1855 году был упразднен

⁵³ *Berberich Chr.* The Image of the English Gentleman in Twentieth-Century Literature: Englishness and Nostalgia. Aldershot, 2007. P. 18.

⁵⁴ *Gentlemen* // The Cornhill Magazine. L., 1862. Vol. 5. P. 327—342.

⁵⁵ *Stevenson R. L.* Gentlemen // Scribner's Magazine. N.Y.; L., 1888. Vol. 3, No. 5. P. 635—640.

налог на газетные номера, а в 1861 году — на бумагу⁵⁶. Это привело к появлению доступной прессы для всех слоев общества, позволившей реализовать потребность в информации. О существовании такой потребности в Англии писала, в частности, американская газета «Хобарт Таун Дэйли Курьер» в 1857 году⁵⁷.

Нередко одни и те же статьи выходили в газетах разных частей Англии с небольшим перерывом или даже в один и тот же день, чему способствовало использование железнодорожного транспорта и телеграфа для передачи информации. Газетные статьи печатались, как правило, без указания авторов, но иногда ставилась подпись газеты-первоисточника, откуда перепечатан материал.

Случалось, что газеты меняли название, что было связано, как правило, с изменением судьбы печатного органа — газеты перекупались или происходило их слияние. Эти процессы, по всей видимости, были порождены изменениями конъюнктуры рынка или финансовым состоянием владельца.

В 1820—1890-е годы появлялись публикации с описаниями происшествий с участием лиц, обозначенных как джентльмены, в таких газетах, как «Уилтс энд Глостершир Стандарт» (1854), «Норфолк Кроникл энд Норвич Газетт» (1861), «Инглишмэн» (1864), «Шеффилд Дэйли Телеграф» (1870) и «Вустершир Кроникл» (1881)⁵⁸. Некоторые серьезные происшествия, получавшие огласку, рассматривались в дальнейшем в судах, поэтому отдельные публикации представляли собой очерки судебных заседаний. Так, в ряде газетных публикаций авторы поднимали проблему

⁵⁶ Wiener J. H. The Dawn of the Cheap Press in Victorian Britain: The End of the “Taxes on Knowledge”, 1849—1861 by Martin Hewitt (review) // *Victorian Periodicals Review*. 2016. Vol. 49, No. 3. P. 523.

⁵⁷ См.: *The Penny Press in England* // *The Hobart Town Daily Courier*. 1857. 23 May. P. 2.

⁵⁸ *Cowardly Conduct towards a Young Lady* // *Worcestershire Chronicle*. 1881. 17 Dec.; *The Disgraceful Conduct towards Ladies in a Railway Carriage* // *The Englishman*. 1864. 9 Jan.; *Summary Chastisement of an Officer* // *The Norfolk Chronicle and Norwich Gazette*. 1861. 6 Apr.; *Ungentlemanly Conduct* // *The Sheffield Daily Telegraph*. 1870. 12 Apr.; *Ungentlemanly Conduct* // *Wilts and Gloucestershire Standard*. 1854. 4 Nov.

неджентльменского поведения по отношению к женскому полу, где лица, носившие статус джентльмена, каким-либо образом оскорбляли женщин.

Другая серия публикаций, освещавших случаи обмана с участием джентльменов или лиц, выдававших себя за них, выходила в «Иллюстрэйтэд Полис Ньюс» (1870), «Дэйли Телеграф» (1871), «Стандарт» (1874), «Манчестер Курьер» (1881) и «Вестерн Таймс; Эксетер» (1895)⁵⁹. В ряде статей слово *джентльмен* помещалось в кавычки, так что читатели должны были уловить авторскую иронию. Этот материал позволяет понять, что представляло собой *аномалию* джентльменской этики и что, соответственно, расценивалось как *норма*. В газетах печатались статьи, направленные и на поддержание в обществе имиджа джентльменов. Примером тому является статья с описанием образцового джентльменского поведения, вышедшая в «Бристоль Дэйли Пост» в 1860 году⁶⁰. На страницах «Карлайл Пэтриот» (1823), «Вестморлэнд Газетт» (1823, 1834), «Лестер Кроникл» (1835), «Стар» (1879), «Уитстэйбл Таймс» (1888) и «Линкольншир Эхо» (1894) обсуждался вопрос о том, в какой мере статус джентльмена был связан с социальным положением человека⁶¹. Публикации подобного содержания чаще всего носили морализаторский характер и, скорее всего, были призваны формировать общественное мнение. В некоторых случаях направленность газеты коррелировала с ее позицией в данном вопросе. Ценным источником сведений об английском обществе является газетная реклама викторианской

⁵⁹ *Serious Charge of Fraud against a Gentleman* // The Illustrated Police News. 1870. 10 Dec.; *Charge of Fraud* // The Daily Telegraph. 1871. 25 Dec.; *Charge of Fraud against a Gentleman* // The Standard. 1874. 30 July; *Charge of Fraud by a French Gentleman* // The Manchester Courier, and Lancashire General Advertiser. 1881. 26 May; *Charge of Fraud against a Gentleman* // The Western Times; Exeter. 1895. 22 Oct.

⁶⁰ *Honesty Singularly Rewarded* // Bristol Daily Post. 1860. 26 Dec.

⁶¹ *What is a Gentleman?* // The Carlisle Patriot. 1823. 7 June; *What is a Gentleman?* // The Westmorland Gazette. 1823. 14 June; *What is "A Gentleman?"* // The Westmorland Gazette. 1834. 1 March; *What Makes a Gentleman?* // The Leicester Chronicle. 1835. 7 Nov.; *What is a Gentleman?* // The Star. 1879. 2 Sep.; *What is a Gentleman?* // Whitstable Times and Herne Bay Herald. 1888. 5 May; *What is a Gentleman?* // Lincolnshire Echo. 1894. 2 May.

эпохи⁶², расцвет которой начинается с отменой в 1853 году налога на газетную рекламу⁶³. Эти материалы демонстрируют практику использования понятия *джентльмен* в коммерческих кругах. Наконец, пресса выступает источником описаний быта джентльменов, например их внешнего облика или домашнего убранства⁶⁴. Цитаты из газетных публикаций приводятся с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации.

Четвертая группа источников — это английская художественная литература. Средневековый период отмечен сочинениями Дж. Чосера⁶⁵, представляющими особую ценность для английской культуры, потому что в XIV веке, когда основными литературными языками были французский и латинский, а английским пользовались простолюдины, Чосер писал свои произведения на родном языке. «Кентерберийские рассказы», его самое известное произведение, представляет собой сборник историй, которые рассказывают в пути участники паломничества, принадлежащие к разным рангам общества и профессиям. В его рассказах уже заметно, что джентльменство определялось не только знатностью происхождения, но и соответствующей этому происхождению моделью поведения, хотя последнее не было широко распространенным средневековым критерием джентльменства.

Образ джентльмена как знатного человека на рубеже Средневековья и раннего Нового времени изображен У. Шекспиром и его современником Кр. Марло⁶⁶, а позднее — классиками английской литературы XVIII века —

⁶² *A Gentleman, residing...* // The Liverpool Mercury and Double Supplement. 1853. 11 Nov.; *Douceur* // The Liverpool Mercury and Double Supplement. 1853. 11 Nov.

⁶³ Wiener J. H. Op. cit. P. 523.

⁶⁴ *The Decayed Old Gentleman, a Sketch* // The Irish Penny Journal. 1841. 13 Mar.; *A Gentleman's Secretary and Toilet Cabinet* // The Decorator and Furnisher. 1886. Vol. 8, No. 2; *Poley E. W. Odd Bits of Furnishing: The Study, or Gentleman's Room* // The Decorator and Furnisher. 1884. Vol. 4, No. 4.

⁶⁵ Chaucer G. The Knight's Tale / ed. by J. A. W. Bennett. L., 1954; *The Wife of Bath's Tale* // The Canterbury Tales. URL: <https://quod.lib.umich.edu/c/cme/CT/1:3.2?rgn=div2;view=fulltext>

⁶⁶ Shakespeare W. King Lear. N.Y., 1901; *Shakespeare's Hamlet* / ed. by J. L. Lowes. N. Y., 1914; Марло К. Эдуард II // Марло К. Сочинения. М., 1961; *Marlowe Chr. The Tragical*

Дж. Свифтом, Л. Стерном и Г. Филдингом⁶⁷. Основную массу произведений составляют романы Э. Бульвера-Литтона⁶⁸, Б. Дизраэли⁶⁹, Э. Гаскелл⁷⁰, У. Теккерея⁷¹, Ч. Диккенса⁷², Ч. Кингсли⁷³, А. Конан Дойла⁷⁴ и др.⁷⁵ Их сочинения формируют золотой фонд литературы XIX века, восприимчивой к переменам в обществе и отражавшей быт и нравы англичан. Джентльмены зачастую выступают действующими лицами произведений. Источники этого вида содержат противоречивые характеристики джентльменов, что позволяет более глубоко изучить отражение этого образа в общественном сознании. Викторианская художественная литература, в отличие от периодики, фокусируется, скорее, на типичных чертах общества, которые ложатся в основу произведений. Однако в литературе велика роль художественного вымысла, что требует применения специального подхода в работе с этим видом источников и сводит ее использование к иллюстрированию уже известных фактов или описанию сфер, которые не покрываются другими источниками (особенности речи, жестов, мимики и пр.). К тому же, несмотря на большую по сравнению с другими видами источников свободу изложения мыслей, литература последних двух третей XIX века испытывала

History of Doctor Faustus / ed. by I. Gollancz. L., 1897; *Marlowe's Edward II* / ed. by W. D. Briggs. L., 1914.

⁶⁷ *Swift J. Gulliver's Travels into Several Remote Nations of the World*. L., 1939; *Sterne L. The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman*. L., 1903; *Fielding H. The History of Tom Jones, a Foundling*. L.; N.Y., 1904.

⁶⁸ *Бульвер-Литтон Э. Кенелм Чиллингви, его приключения и взгляды на жизнь*. М., 1985; *Бульвер-Литтон Э. Последние дни Помпей. Пелэм, или Приключения джентльмена*. М., 1988; *Bulwer Lytton E. Pelham or Adventures of a Gentleman*. L.; N. Y., 1848.

⁶⁹ *Disraeli B. Vivian Grey*. L., 1826. Vol 1.

⁷⁰ *Gaskell E. North and South*. L., 1934.

⁷¹ *Теккерей У. Ярмарка тщеславия: Роман без героя*. М., 2013.

⁷² *Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба*. СПб., 2013; *Dickens Ch. Bleak House*; *Dickens Ch. Dealing with the Firm of Dombey and Son, Wholesale Retail and for Exportation*; *Dickens Ch. Oliver Twist or the Parish Boy's Progress*.

⁷³ *Kingsley Ch. Alton Locke, Tailor and Poet. An Autobiography*. In 2 vols. 2nd ed. L., 1851. Vol. 1.

⁷⁴ *Дойл А. К. Малое собрание сочинений*. СПб., 2012.

⁷⁵ Произведения Э. Троллопа, Дж. Элиот, Дж. Мередита, А. Моррисона и А. Конан Дойла доступны на языке оригинала на сайте электронной универсальной библиотеки «Гутенберг». URL: <https://www.gutenberg.org>

определенные ограничения, наложенные викторианской моралью. Это не всегда позволяло писателям точно передавать реалии повседневной жизни.

Вспомогательную роль в исследовании играют еще несколько групп источников — материалы личного происхождения, в том числе мемуары представителей разных социальных слоев⁷⁶, переписка королевы с британскими политиками и ее личные записи⁷⁷, в которых раскрываются различные аспекты быта англичан в XIX веке (воспоминания о школьных годах учеников публичных школ, описания приема пищи или случаев ненормативного мужского поведения и пр.), а также законодательные акты⁷⁸, предоставляющие возможность реконструировать практику применения

⁷⁶ *Harris J. H.*, 3rd Earl of Malmesbury. *Memoirs of an ex-minister. An autobiography.* L.; N. Y., 1885; *Derby E. H.* *Disraeli, Derby, and the Conservative Party: journals and memoirs of Edward Henry, Lord Stanley, 1849—1869.* L., 1978; *Dahl R.* *Boy: Tales of Childhood.* L., 1986; *Черчилль У.* *Мои ранние годы: 1874—1904.* М., 2012; *Knight P.* *A Victorian Gentleman.* Middletown, 2016.

⁷⁷ *Leaves from the Journal of Our Life in the Highlands, from 1848 to 1861* / ed. by A. Helps. L., 1868; *The Letters of Queen Victoria. A Selection from Her Majesty's Correspondence between the Years 1837 and 1861* / ed. by A. C. Benson. 1837—1843. L., 1907. Vol. 1; *The Letters of Queen Victoria. A Selection from Her Majesty's Correspondence between the Years 1837 and 1861* / ed. by A. C. Benson. 1844—1853. L., 1907. Vol. 2.

⁷⁸ CAP. II (здесь и далее сокращение “CAP.” обозначает главу). *An Act for the Attainder of Diverse Offenders in the Late Most Barbarous, Monstrous, Detestable and Damnable Treasons // The Statutes at Large, of England and of Great Britain: From Magna Carta to the Union of the Kingdoms of Great Britain and Ireland.* In *Twenty Volumes.* L., 1811. Vol. 4. From 1 Mary. A.D. 1553 — To 16 Charles I. A.D. 1640; CAP. V. *An Act that in every original Writ in which an Exigent should be awarded shall be written certain Additions // The Statutes at Large, of England and of Great Britain: From Magna Carta to the Union of the Kingdoms of Great Britain and Ireland.* In *Twenty Volumes.* L., 1811. Vol. 2. From 1 Ric. II A.D. 1377 — To 19 Hen. VII A.D. 1504; CAP. V. *For Regulating Apparel // The Statutes at Large, of England and of Great Britain: From Magna Carta to the Union of the Kingdoms of Great Britain and Ireland.* In *Twenty Volumes.* L., 1811. Vol. 2. From 1 Ric. II A.D. 1377 — To 19 Hen. VII A.D. 1504; CAP. VII. *What Sort of Men shall be Choosers, and who shall be chosen Knights of the Parliament // The Statutes at Large, of England and of Great Britain: From Magna Carta to the Union of the Kingdoms of Great Britain and Ireland.* In *Twenty Volumes.* L., 1811. Vol. 2. From 1 Ric. II A.D. 1377 — To 19 Hen. VII A.D. 1504; CAP. XI. *An Act Against Destruction of Wild-Fowl // The Statutes at Large, of England and of Great Britain: From Magna Carta to the Union of the Kingdoms of Great Britain and Ireland.* In *Twenty Volumes.* L., 1811. Vol. 3. From 1 Hen. VIII A.D. 1509-10 — To 7 Edw. VI. A.D. 1553; CAP. XVIII. *For Punishment of Captains detaining any part of their Soldiers Wages // The Statutes at Large, of England and of Great Britain: From Magna Carta to the Union of the Kingdoms of Great Britain and Ireland.* In *Twenty Volumes.* L., 1811. Vol. 2. From 1 Ric. II A.D. 1377 — To 19 Hen. VII A.D. 1504; Chap. 93. *An Act to amend the Law relating to the Property of Married Women // The Public General Statutes Passed in the Thirty-Third and Thirty-Fourth Years of the Reign of Her Majesty Queen Victoria, 1870.* L., 1870.

официальными институтами (монархом и парламентом) понятия *джентльмен* на этапе перехода от Средневековья к раннему Новому времени.

Степень изученности темы. Колоссальная историография темы ставит объективные трудности для ее освещения. Ниже будет дан общий обзор исследований проблематики джентльменства с акцентом на основные аспекты темы диссертации: история понятия *джентльмен*, а также социальные и культурные практики, формировавшие эту специфическую общественную категорию. Структура обзора обусловлена хронологическим принципом, типичным для историографического анализа.

В первом приближении историография XIX—XXI веков прошла три основных этапа в своем развитии. Первый этап охватывает время приблизительно до Первой мировой войны; второй начинается в межвоенный период и длится примерно до 1970-х годов; третий начинается в 1980-х годах и продолжается до сих пор. Эта периодизация отвечает общей логике развития исторической науки: первый этап — это доминирование позитивизма, время накопления фактов и производства нарративов; второй — постепенное утверждение принципов социальной истории и, позднее, ее обновления, разработка проблемного подхода к прошлому; третий — переосмысление прошлого в свете новой культурной истории, развитие междисциплинарных подходов. Границы между этапами во многом условны, но эта периодизация позволяет уловить общий вектор развития историографии. В рамках каждого этапа будет рассматриваться историография в целом, без деления на национальные традиции как в силу понимания единства науки, так и по причине возможной принадлежности автора одновременно к разным национальным историографическим школам

На первом этапе (XIX — начало XX века) английская историография ориентировалась во многом на школу Л. Ранке (особая заслуга в этом

принадлежала историку Дж. Актону)⁷⁹. В это время проблема аутентичного значения понятия *джентльмен* или исторически обусловленной его эволюции практически не ставилась⁸⁰. Историки разделяли сложившееся в обществе представление о джентльмене как о человеке благородного происхождения, который отличается от престолярда также в силу своих качеств или рода деятельности⁸¹. Так, Т. Б. Маколей в «Истории Англии» (1848) под джентльменом прямо подразумевал человека, принадлежавшего к знати⁸². В «Истории цивилизации в Англии» (1857) Г. Т. Бокля джентльмен описывался как типичный вельможа, содержавший слуг и заседавший в Палате общин⁸³. Такие землевладельцы (*country gentlemen*), согласно Боклю, были ничем не приметны, кроме богатства и количества голосов, которые их богатство позволяло им иметь⁸⁴. Для уточнения термина, обозначающего в российской истории социальную группу, соответствовавшую категории джентльменов в Англии, привлечены работы по истории русского дворянства⁸⁵.

Определенное внимание джентльменству уделялось в исследованиях по истории британской знати. В 1902 году Дж. Ситуэлл произвел критический обзор предшествующей историографии средневековой истории понятия *джентльмен*, указав на ошибки предшественников в трактовке значения словосочетания *gentil homme*, которое встречалось в документах ранее начала XV века, как представителя английской знати⁸⁶.

⁷⁹ См.: Шарифжанов И. И. Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. Казань, 2004. С. 16—17.

⁸⁰ Исключением, пожалуй, являются сведения о происхождении слова *джентльмен*, указанные К. Д. Бюлбригом во введении к изданию трактата Д. Дефо «Совершенный джентльмен» в 1890 году. *Bülbring K. D. Introduction [sic!] // Defoe D. The Compleat English Gentleman. L.: D. Nutt, 1890. P. XIII—LXXXIV.*

⁸¹ Knowles A. Op. cit.

⁸² *Macaulay's History of England from the Accession of James II. In Four Volumes. L.; N.Y., 1953. Vol. 1. P. 28.*

⁸³ *Buckle H. Th. History of Civilization in England. N.Y., 1884. Vol. 1. P. 323.*

⁸⁴ *Ibid.* P. 325.

⁸⁵ Яблочков М. Т. Указ. соч.; Беккер С. Указ. соч.

⁸⁶ См.: *Sitwell G. R. The English Gentleman // The Ancestor. L., 1902. № 1. P. 58—103. P. 61.* О средневековом статусе джентльмена см. также: *Denton W. England in the Fifteenth Century. L., 1888.*

В целом первый этап может быть охарактеризован как время накопления фактического материала без глубокой теоретической разработки. К типичным работам такого рода можно отнести книги Дж. Г. Ньюмана «Идея университета, определенная и продемонстрированная в девяти беседах, переданных католикам Дублина» (1852), в которой обобщались представления того времени о викторианском джентльмене, или А. Смита-Палмера «Идеал джентльмена»⁸⁷ (1908) — дайджест разных источников, освещавших историю джентльменства в Средние века и Новое время.

Второй этап развития историографии (1920—1970-е годы) — это время проблематизации истории понятия *джентльмен*, а также интенсивных исследований социально-экономической природы явления джентльменства в британской истории. В этот период в историографии происходит антропологический поворот, который существенно повлиял на изменения тематики исследований, обсуждаемой в диссертации.

Для понимания социальной природы джентльменства XIX века историкам неизбежно приходилось обращаться к материалу предшествующих столетий⁸⁸. В ряде работ уже ставились вопросы о **происхождении понятия**, корни которого обнаруживались в средневековых и даже античных представлениях об обществе. Так, американская исследовательница Р. Келсо в монографии «Доктрина английского джентльмена в шестнадцатом веке» (1929) отмечала, что идея джентльменства основывалась на распространенной в средневековой Англии

⁸⁷ Newman J. H. The Idea of a University Defined and Illustrated in Nine Discourses Delivered to the Catholics of Dublin. URL: <http://www.gutenberg.org/files/24526/24526-pdf.pdf>; Smythe-Palmer A. The Ideal of a Gentleman, or a Mirror for Gentlefolks, a Portrayal in Literature from the Earliest Times. L., 1908.

⁸⁸ Обзор касается в первую очередь англосаксонской и российской историографии, но выявленные тенденции характерны и для других национальных традиций. См., напр., работу польской исследовательницы М. Оссовской, посвятившей идее джентльменства у публицистов позднего Средневековья и раннего Нового времени главу в монографии «Рыцарский этос и его разновидности» (Ossowska M. Ethos Rycerski i Jego Odmiany. Warszawa, 1973; Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. М., 1987; Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2017).

аристократической теории, предполагавшей, что одни рождены управлять, а другие подчиняться⁸⁹. Именно в XVI веке сложился идеализированный образ джентльмена, который, унаследовав от средневекового рыцарства воинские качества — мужество, выносливость, милосердие, тяготел к мирной жизни. Такие представления сохранились вплоть до викторианской эпохи.

Генеалогии понятия уделили внимание и другие авторы. Г. Д. Седжвик в книге «Восхваляя джентльменов» (1935) рассмотрел античные истоки представлений о джентльмене и проследил эволюцию представлений англичан об этом феномене, показав, что высокое положение джентльмена в обществе было связано не только с его происхождением, но и с ролью лидера в военное время или государственного деятеля⁹⁰. У. Ч. Корфмахер (1946) обратился к отразившимся в языке представлениям древних римлян о достоинствах человека высокого происхождения⁹¹. Отождествление личных достоинств с благородным происхождением, присущее античной культуре, получило распространение в дальнейшем в Англии, где отголоски этих взглядов звучали еще и в XIX веке.

Для общих работ по британской истории была характерна постепенная утрата строгости в использовании понятия *джентльмен*. Хотя многие историки продолжали говорить о джентльменах как об особах знатного происхождения⁹², становилось понятно, что для XIX века нужны и другие критерии. К. Пиль в сборнике «Ранневикторианская Англия» (1934), например, применяла понятие для описания как аристократов, так и мужской части высшего общества, показав, что для получения статуса джентльмена требовался годовой доход не менее 150 фунтов⁹³. Еще один вариант

⁸⁹ *Kelso R.* The Doctrine of the English Gentleman in the Sixteenth Century. Urbana, 1929. P. 33.

⁹⁰ *Sedgwick H. D.* In Praise of Gentlemen. Boston, 1935. P. 12.

⁹¹ *Korfmacher W. Ch.* The 'Gentleman' as the Romans Knew Him // The Classical Weekly. 1946. Vol. 39, No. 18. P. 139.

⁹² *Trevelyan G. M.* English Social History: a Survey of Six Centuries, Chaucer to Queen Victoria. L.; N.Y.; Toronto, 1946. P. 59, 61, 224. Ср. также: *Sampson A.* The New Anatomy of Britain. L., 1971.

⁹³ *Peel C. S.* Homes and Habits // Early Victorian England, 1830—1865. L., 1934. Vol. 1. P. 82, 88, 91, 104.

предложил Дж. Бест, посвятивший отдельный параграф книги «Средневикторианская Британия, 1851—1875» (1971) понятию *джентльмен* в XIX веке. Исследователь обратил внимание на важность общественного мнения в вопросе определения человека как джентльмена⁹⁴. Таким образом, идентификация джентльмена зависела не столько от его объективных характеристик, сколько от общественного мнения.

Историки этого периода переносят акцент с политической истории на историю социальную и экономическую. Эта тенденция отразилась и на исследовании *социальных и экономических аспектов джентльменства* в Новое время. Р.Г. Тоуни, изучавший экономический подъем джентри во второй половине XVI — первой половине XVII века, констатировал, что уже тогда было трудно определить социальный состав категории джентльменов⁹⁵. Различные аспекты истории джентльменов как общественной группы в тюдоровской Англии охарактеризованы в работах Л. Стоуна и Х. Тревор-Ропера (последний подверг резкой критике выводы Стоуна о масштабах разорения елизаветинской аристократии)⁹⁶.

Парадоксально, но по мере интенсификации социальной истории интерес к такой специфической общественной группе, как джентльмены, снижался. Британский историк Дж. М. Тревельян в объемном труде «Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории» (1942) тщательно исследует викторианскую повседневность, однако особого внимания джентльменству уже не уделяет. Автор связывает изменения, произошедшие в образе жизни населения в викторианскую эпоху, с экономической политикой, проводившейся государством: в контексте темы настоящей диссертации важным представляется замечание Тревельяна о том,

⁹⁴ Best G. Op. cit.

⁹⁵ Tawney R. H. The Rise of the Gentry, 1558—1640 // The Economic History Review. 1941. Vol. 11, No. 1. P. P. 4.

⁹⁶ Stone L. The Anatomy of the Elizabethan Aristocracy // The Economic History Review. 1948. Vol. 18, No. 1/2. P. 1—53; Trevor-Roper H.R. The Elizabethan Aristocracy: An Anatomy Anatomized // The Economic History Review, New Series. 1951. Vol. 3, No. 3. P. 279—298. См. также работы советских авторов: Лаверовский В. М., Барг М. А. Указ. соч.

что вследствие упадка земледелия сельские джентльмены, традиционно имевшие доход от своей земли, в конце XIX века имели уже другие источники дохода⁹⁷.

Ближе к концу периода, впрочем, появляются и работы, посвященные непосредственно джентльмену в XIX веке. Ярким примером стала монография М. Брандера «Викторианский джентльмен» (1975)⁹⁸. Исследование строится на источниках личного происхождения и публицистике викторианской эпохи. Джентльмен для Брандера — прежде всего представитель элиты. Так, он пишет, что Билль о реформе 1884 года, предоставивший право голоса всему взрослому мужскому населению, многие джентльмены воспринимали как предзнаменование революции⁹⁹. Брандер обращает внимание на то, что понятие применяется для разделения населения на привилегированное и незнатное, которое на протяжении большей части XIX века было лишено политических прав. В том же значении он использует понятие, характеризуя род деятельности, традиционно считавшийся престижным и подходивший для сыновей родовитых англичан. Например, в георгианскую эпоху и ранневикторианский период сыновья священника из графства могли характеризоваться как дети типичного джентльмена, а вот биржевые торговцы, городские предприниматели, пивовары и промышленники, юристы и доктора, а также зажиточные торговцы — нет¹⁰⁰. Исследователь также характеризует гендерные аспекты джентльменства в контексте патриархального порядка, поколебленного нараставшей к концу XIX века женской эмансипацией¹⁰¹. В полной мере гендерные исследования будут развернуты уже на третьем этапе историографии обсуждаемого вопроса.

⁹⁷ *Тревельян Дж. М.* Социальная история Англии. М., 1959. С. 572.

⁹⁸ *Brander M.* The Victorian Gentleman. L., 1975.

⁹⁹ *Ibid.* P. 19.

¹⁰⁰ *Ibid.* P. 30, 62.

¹⁰¹ *Ibid.* P. 92—119.

Вторая половина XX века отмечена активным развитием мировой исторической науки, сопровождавшимся переосмыслением исторических процессов и механизмов работы историков, результатом чего стало принятие новых принципов в разработке тематики исследований. Под влиянием школы «Анналов» историография пережила антропологический поворот; в том же контексте начал развиваться междисциплинарный подход — тематика джентльменства, в частности, потребовала дополнения результатов работы историков достижениями филологии, истории литературы, *cultural studies*.

Одним из самых популярных направлений в исследованиях стала *историческая антропология*¹⁰². Одной из первых работ о викторианском обществе в свете антропологической проблематики стала монография британского историка Э. Бриггса «Викторианцы: переоценка личностей и вопросов» (1954), в которой представлены выдающиеся фигуры викторианской эпохи. Полезным для исследования оказался экскурс в тему публичных школ и их роли в формировании характера джентльменов¹⁰³. По мнению британского исследователя, джентльменами не являются от рождения и не становятся в естественных условиях, поэтому особое значение приобретает система воспитания в соответствии с моральными нормами¹⁰⁴.

Ту же тему продолжает компаративное исследование американского историка Р. Уилкинсона «Идеал джентльмена и утверждение политической элиты» (1963), посвященное сопоставлению конфуцианской системы образования в императорском Китае и системы публичных школ в викторианской Англии. Автор указывает, что джентльменский идеал реализовывался в фигуре государственного деятеля, прошедшего через систему публичных школ, колледжей Оксфорда и Кембриджа, прививавших

¹⁰² М.М. Кром отмечает, что особой проблематики у исторической антропологии нет, но на основе тематик изучаемых вопросов можно сделать вывод, что в центре внимания исторической антропологии сосредоточены все виды человеческих практик на различных уровнях и в разных проявлениях — от культуры телесной до культуры политической. См.: Кром М. М. Историческая антропология. СПб., 2004. С. 90.

¹⁰³ Briggs A. Victorian People: a Reassessment of Persons and Themes, 1851—1867. Chicago, 1955. P. 143. См. также: Briggs A. Victorian Things. L., 1988.

¹⁰⁴ Ibid.

ему такие корпоративные ценности, как верность товарищам, ощущение собственного классового достоинства¹⁰⁵.

Историко-антропологические исследования стимулировали также *изучение повседневной жизни* джентльменов XIX века и тесно связанной с нею тематики этикета поведения. Эти сюжеты привлекают все большее внимание исследователей с 1930-х годов¹⁰⁶. В двухтомном коллективном труде «Ранневикторианская Англия, 1830—1865» (1934, переизд. 1951), вышедшем под руководством британского историка Дж. М. Янга, представлено исследование повседневной жизни викторианцев указанного времени¹⁰⁷. Авторы рассмотрели виды работ и зарплаты, жилищные условия и привычки людей, жизнь в городах и в сельской местности, а также значение спорта. Джентльмен в статьях сборника, впрочем, не выделен как отдельная фигура, а вписан в общую картину викторианского общества. Статус *джентльмена* был обусловлен благородным происхождением и финансовой состоятельностью. В то же время в работе не поднимается проблема важности моральных качеств для джентльмена.

Историком Дж. Уилдблад в монографии «Вежливый мир: руководство по английским манерам и поведению с тринадцатого до девятнадцатого века» (1965) скрупулезно исследованы нормы поведения викторианского времени во всей их строгости и детальной регламентированности. Соответствие действий мужчины этикету, принятому в обществе равных ему, считалось обязательным, если только он хотел быть признанным в качестве джентльмена¹⁰⁸.

¹⁰⁵ *Wilkinson R. H.* The Gentleman Ideal and the Maintenance of a Political Elite. Two Case Studies: Confucian Education in the Tang, Sung, Ming and Ching Dynasties; and the Late Victorian Public Schools (1870—1914) // *Sociology of Education*. 1963. Vol. 37, No. 1. P. 9—26.

¹⁰⁶ О более ранних периодах см.: *Lee P.-A.* Play and the English Gentleman in the Early Seventeenth Century // *The Historian*. 1969. Vol. 31, No. 3. P. 360—380.

¹⁰⁷ *Early Victorian England, 1830—1865* / ed. by G. M. Young. L., 1934. Vol. 1.

¹⁰⁸ *Wildeblood J.* The Polite World. A Guide to English Manners and Department from the Thirteenth to the Nineteenth Century. L., 1965.

Иные аспекты повседневности Нового времени охарактеризованы в работах П.-Э. Ли (1969), Д. Сатерлэнда (1978) и др.¹⁰⁹

Определенный интерес представляют также *биографии джентльменов*. Одним из пионеров биографики стал британский писатель и критик Л. Стрэчи. В его книге «Выдающиеся викторианцы» (1918)¹¹⁰ собраны биографии четырех знаменитых фигур эпохи: кардинала Г.Э. Мэннинга, общественного деятеля Великобритании Ф. Найтингейл, реформатора образовательной системы Англии Т. Арнольда и генерала Ч. Дж. Гордона. Работа Л. Стрэчи интересна с точки зрения биографий викторианцев, чьи поприща считались традиционно подходящими для джентльмена — карьеры священнослужителя и военного.

На втором этапе развития историографии отчетливо проявились две тенденции. Во-первых, в общих работах по британской истории понятие *джентльмен* потеряло четкость, стало применяться по отношению к разным категориям, а идентификация джентльменов стала происходить по разным критериям. Это требовало усиления внимания к семантическим аспектам истории понятия, что и выразилось во второй тенденции — появлении специальных работ по отдельным аспектам истории зарождения и развития джентльменства. Однако авторы этих работ действовали в русле прежних методологических подходов и не ставили задачу комплексно исследовать феномен как общественной жизни, так и языка. Исторической науке на следующем этапе предстояло осуществить ревизию понятия на новом теоретическом уровне.

Характерно, что в первой половине XX века историки почти не уделяют внимания джентльменам как общественной группе, обращаясь вместо этого к изучению викторианского общества в целом, что в целом отвечает общим тенденциям в развитии исторической науки того времени.

¹⁰⁹ Lee P.-A. Op. cit.; Sutherland D. The English Gentleman. L., 1978; см. также: Gloag J. Victorian Comfort: a Social History of Design from 1830—1900. L., 1961.

¹¹⁰ Strachey L. Eminent Victorians. Garden City, 1918.

Третий период в развитии историографии (с 1980-х годов по настоящее время) ознаменован как сменой интереса от социальных практик к культурным, так и возрождением специального интереса к феномену джентльменства вообще и в XIX веке в частности на новом теоретическом уровне¹¹¹. Следует констатировать, что история джентльменов Средних веков и раннего Нового времени, которой так много внимания уделялось на первых двух этапах, теряет популярность, что можно объяснить узостью источниковой базы¹¹². Средневековый материал привлекался по случаю, усилия историков были сфокусированы на изучении феномена джентльмена в британском обществе XIX века¹¹³.

История понятия джентльмен по-прежнему вызывает исследовательский интерес. Происхождение слова рассматривает американский литературовед Д. Кастроново в монографии «Английский джентльмен» (1987)¹¹⁴. В английской истории он выделяет несколько типов джентльменов на основе различных признаков. По Кастроново, представления англичан о джентльмене были тесно связаны с понятием чести как неотъемлемого качества джентльмена. В отличие от предыдущих признаков, имевших определенные социальные барьеры, нормативное

¹¹¹ По-прежнему в исследованиях доминируют работы английских и американских историков. В историографии за пределами англосаксонского мира надо выделить работу немецкого историка М. Шерера, посвященную разным сторонам «искусства жизни» джентльмена: *Scherer M. Der Gentleman: Plädoyer für eine Lebenskunst. München, 2003.*

¹¹² См., напр., монографии Т. Джонса (*Jones T. Chaucer's Knight. The Portrait of a Medieval Mercenary. Methuen, 1994*) и Д. Моргана «Индивидуальный стиль английского джентльмена» (*Morgan D. A. L. The Individual Style of the English Gentleman // Gentry and Lesser Nobility in Late Medieval Europe. N.Y., 1986*), а также статьи (*Gillingham J. Thegns and Knights in Eleventh-Century England: Who Was Then the Gentleman? // Transactions of the Royal Historical Society. 1995. Vol. 5. P. 129—153; Wrightson K. Op. cit.; Райтсон К. Указ. соч.*).

¹¹³ За пределами обзора остаются общие работы по истории викторианской Англии, использованные в диссертации. См.: *Boyd K., McWilliam R. Op. cit.; Harrison J. F. C. Early Victorian Britain; Lieven D. C. B. The Aristocracy in Europe. N. Y., 1992; Paxman J. The English. A Portrait of a People. L., 1999; Perkin H. The Origins of Modern English Society. L.; N.Y., 2005; Price R. Op. cit.; Theodore Hoppen K. Op. cit.; Александр Ф., де Л'Онуа Б. Королева Виктория. М., 2007.*

¹¹⁴ *Castronovo D. The English Gentleman: Images and Ideals in Literature and Society. N. Y., 1987.*

поведение в XIX веке выступало наиболее доступным критерием джентльменства для людей из любых слоев общества.

Различные аспекты становления понятия в Средние века и Новое время уточняют в своих работах британские медиевисты М. Кин, П. Косс и др.¹¹⁵

Российские исследователи только на третьем этапе начали обращаться к истории понятия *джентльмен*. Частично этот вопрос освещен в диссертации историка Н. Д. Крючковой (2004). В средневикторианский период среди политического руководства Британской империи были распространены взгляды, согласно которым важнейшая роль в армии отводилась джентльменам, которые в силу своей финансовой независимости должны были поддерживать высокий уровень организованности вооруженных сил¹¹⁶. Образ жизни джентльмена в сельской местности привлекал разбогатевших англичан часто незнатного, покупавших там поместья¹¹⁷ (этот процесс получил название джентрификации¹¹⁸).

Отечественные историки английского языка также изучают развитие значения слова *gentleman*, рассматривая богатый лексический материал, важный для понимания истории понятия и реконструкции картины мира англичан. В этом направлении (прежде всего на основе средневекового английского языка) работают сегодня Н. С. Аристова, Г. Т. Безкоровайная и др.¹¹⁹

¹¹⁵ Keen M. *Origins of the English Gentleman: Heraldry, Chivalry and Gentility in Medieval England, c. 1300—c. 1500*. Stroud, 2002; Coss P. *The Origins of the English Gentry*. Cambridge, 2003. Косс уточняет нижнюю временную границу истории английских джентльменов как отдельной группы в составе джентри, что, безусловно, важно в изучении этой социальной категории. Из недавних работ см. также: Mitchell Sh. *С. Op. cit.*

¹¹⁶ Крючкова Н. Д. *Образ жизни британской элиты в третьей четверти XIX века: дис. ... канд. ист. наук*. Ставрополь, 2004. С. 45.

¹¹⁷ Там же, с. 63.

¹¹⁸ Thompson F. M. L. *Gentrification and the Enterprise Culture: Britain 1780—1980*. N. Y., 2003.

¹¹⁹ Аристова Н. С. К этимологии лингвокультурного понятия «джентльмен» // Вестник ТГГПУ. 2010. Вып. 22. С. 154—158; Безкоровайная Г.Т. Эволюция концепта «джентльмен»: становление «английскости» // Вестник ЦМО МГУ. 2009. № 4. С. 41—46; Киселёва М. П. Особенности лингвокультурного типажа «джентльмен» // Труды РГУПС. 2013. № 1. С. 55—62.

По-прежнему историография занимается *социально-экономическими аспектами* джентльменства. Как зарубежные¹²⁰, так и отечественные¹²¹ исследователи продолжают разрабатывать тематику позднего Средневековья и раннего Нового времени, в то же время растет число работ, посвященных XIX веку.

В рамках *новой социальной истории* исследуются внутреннее состояние общества, его отдельные группы и взаимоотношения между ними. В книге «Поздневикторианская Британия. 1870—1901» (1990)¹²² английского историка Дж. Харрисона дан детальный обзор структуры общества того времени, включая высшие круги, средний класс и рабочих. Наиболее полезным для диссертационного исследования стал параграф «Элита»¹²³, в котором Дж. Харрисон приводит статистические данные о количестве землевладельцев из числа аристократов и джентри, размерах их доходов с земли, сословном составе кабинетов министров от У. Ю. Гладстона до Г. Г. Асквита. П. Загер в монографии «Оксфорд и Кембридж. Непреходящая история» (2012)¹²⁴ особое внимание уделяет системе высшего образования в Англии.

Резкий рост *гендерных исследований* Великобритании XIX века стал заметной чертой историографии третьего периода. С. Дентит (1998) анализирует викторианские представления, в которых доминировала идея о том, что различия в чертах характера между мужчинами и женщинами

¹²⁰ Stone L., Fawtier Stone J. C. An Open Elite? England, 1540—1880. Oxford, 1984; Carpenter Chr. Locality and Polity: A Study of Warwickshire Landed Society, 1401—1499. Cambridge, 2009; James A. 'To Knowe a Gentilman': Men and Gentry Culture in Fifteenth-Century Yorkshire. PhD diss. University of York [York], 2012.

¹²¹ Для тематики диссертации полезными оказались следующие работы российских медиевистов: Винокурова М. В. Указ. соч.; Дмитриева О. В. Указ. соч.; Чернова Л. Н. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV—XVI вв. М.; СПб., 2016; Браун Е. Д. Войны Роз: История. Мифология. Историография. М.; СПб., 2016; Браун Е. Д. Джентри и античное наследие. Казус Уильяма Уорчестера; Золотов В. И. Сквайры и джентльмены в меняющемся обществе английской монархии XV века // Вестник Брянского гос. ун-та. 2012. Вып. 2. С. 103—107.

¹²² Harrison J. F. C. Late Victorian Britain. 1870—1901. Glasgow, 1990.

¹²³ Ibid. P. 29—48.

¹²⁴ Загер П. Оксфорд и Кембридж. Непреходящая история. М., 2012.

предопределяют их принадлежность к разным сферам. Историк пишет, что согласно распространенной в викторианскую эпоху среди мужчин позиции мужской характер лучше подходил для активной деятельности публичного характера (торговли, работы в политической сфере и пр.), тогда как женский характер, в котором преобладали забота и самопожертвование, больше тяготел к домашней сфере¹²⁵. А. Янг (1999) рассматривает отражение гендерных устоев в викторианских романах, где героини обычно подконтрольны мужчинам — отцам, мужьям или обольстителям¹²⁶. На всех уровнях повседневной жизни викторианской Британии доминировали освященные традицией и подкрепляемые практически всеми социальными институтами представления о мужском доминировании в общественной жизни.

Дж. Ховарт (2000) описывает и другие проявления викторианского патриархата. Так, в беллетристике еще в начале XIX века большой популярностью пользовалось творчество английской писательницы Х. Мор, продвигавшей идею подчиненности женщин мужчинам. Роль церкви, влияние гендерных различий на повседневность и материальную культуру, правовые аспекты гендерного порядка — все эти темы очень важны для понимания гендерного статуса джентльменов в Англии XIX века¹²⁷.

Маскулинность как видовой признак джентльмена стала предметом внимания исследователей только в последние годы. Из новейших работ выделяется статья Р. Антинуччи «Герой в развитии: викторианский джентльмен как переосмысленная парадигма маскулинности» (2012)¹²⁸. Предшественником викторианского джентльмена представляется образ рыцаря у Чосера: даже в литературе XIX века слова *джентльмен* и *рыцарь*

¹²⁵ Dentith S. Society and Cultural Forms in Nineteenth Century England. L., 1998. P. 129.

¹²⁶ Young A. Culture, Class and Gender in the Victorian Novel: Gentlemen, Gents and Working Women. N. Y., 1999. P. 119.

¹²⁷ Howarth J. Gender, Domesticity and Sexual Politics // The Nineteenth Century: The British Isles, 1815—1901 / ed. by C. Matthew. N. Y., 2000.

¹²⁸ Antinucci R. A Hero in Transition: the Victorian Gentleman as a Revisited Paradigm of Masculinity // Figures in the Carpet: Studi di Letteratura e Cultura Vittoriana. Sassari, 2012. P. 75—89.

используются как взаимозаменяемые, потому что одинаково полно раскрывают такие качества, как верность, скромность, почтительное отношение к нижестоящим. Антинуччи рассматривает расцвет образа джентльмена в викторианской Англии как одно из проявлений общего падения престижа аристократии в Европе¹²⁹.

Этикету и повседневности джентльменов на третьем этапе уделяется заметно больше внимания, чем ранее. Изменения в повседневной жизни англичан в поздневикторианскую эпоху рассмотрены в монографии Р. Энсора «Англия. 1870—1914» (1985)¹³⁰. В фокусе внимания находится процесс сближения форм досуга высших кругов и среднего класса. Показано его влияние на разные частные аспекты повседневности джентльменов, в том числе на изменение костюма. Викторианской повседневности посвящен иллюстрированный сборник статей «Викторианское видение: изобретая новую Британию» (2001)¹³¹, вышедший под редакцией британского историка Дж. МакКензи. Авторский коллектив сосредоточивается на описании повседневной жизни викторианцев, включая досуг и, в частности, спорт.

Среди других важных для тематики диссертации работ — монография «Повседневная жизнь в викторианской Англии» (2009) С. Митчелл, содержащая анализ неписаного кодекса правил джентльменского поведения и его значение в жизни джентльмена¹³². Исследовательница также отдельно описывает бытовую сторону джентльменства, в том числе типы домов, их планировку, особенности интерьера и пр.; статья М. Макинтайра «Шансы, известия и предсказания: новости скачек в грошовой прессе, 1855—1914»

¹²⁹ Ibid. P. 79. Гендерные аспекты рассматриваются и в других публикациях: Carr R. The Gentleman and the Soldier: Patriotic Masculinities in Eighteenth-Century Scotland // Journal of Scottish Historical Studies. 2008. Vol. 28, No. 2. P. 102—121; Barrow R. J. Rape on the Railway: Women, Safety, and Moral Panic in Victorian Newspapers // Journal of Victorian Culture. 2015. Vol. 20, Issue 3. P. 287—307.

¹³⁰ Ensor R. C. K. England. 1870—1914. Oxford, 1985.

¹³¹ MacKenzie J. M. The Victorian Vision. L., 2001. См. также о восприятии викторианской культуры в более поздние периоды: Sweet M. Inventing the Victorians. L., 2002.

¹³² Mitchell S. Op. cit. О роли Темзы в повседневной жизни англичан в XIX веке см.: Акرويد П. Темза: Священная река. М., 2009.

(2008)¹³³, в которой проанализирована роль скачек в жизни викторианского общества и связанных с этим спортом повседневных практик викторианцев; монографии Дж. Фландерс «Внутри викторианского дома: Портрет домашней жизни в викторианской Англии» (2004) и «Викторианский город: Повседневная жизнь в диккенсовском Лондоне» (2012)¹³⁴, посвященные изучению как частной, скрытой от посторонних глаз, так и публичной сторон повседневной жизни англичан в викторианскую эпоху. История повседневности Лондона диккенсовского времени пересекается с новейшими подходами урбанистической истории.

Определенный интерес представляет новейшая работа Е. Коути «Недобрая старая Англия» (2013)¹³⁵, в которой также охарактеризована повседневность жителей Лондона и, что особенно важно, периферийных районов города, что позволяет расширить топографические границы повседневности джентльменов. Используются и другие публикации по отдельным аспектам повседневности викторианского джентльмена¹³⁶.

В отечественной литературе последних десятилетий также выделяется несколько работ. В. В. Овчинников в книге «Сакура и дуб» (1983) анализирует черты английского характера, разные стороны британской жизни, в том числе систему образования¹³⁷. Отдельные аспекты

¹³³ *McIntire M.* Odds, Intelligence, and Prophecies: Racing News in the Penny Press, 1855—1914 // *Victorian Periodicals Review*. 2008. Vol. 41, No. 4. P. 352—373.

¹³⁴ *Flanders J.* Inside the Victorian Home: A Portrait of Domestic Life in Victorian England. N. Y.; L., 2004; *Flanders J.* The Victorian City: Everyday Life in Dickens' London. L., 2012.

¹³⁵ *Коути Е.* Недобрая старая Англия. СПб., 2013. См. также популярную работу: *Коути Е., Харса Н.* Суеверия викторианской Англии. М., 2012. Кроме того, обзор английского образования в XIX веке: *Коути К.* Английское воспитание. URL: http://samlib.ru/k/kouti_k/englishvice_1.shtml

¹³⁶ *Black B.* Room of His Own: A Literary-Cultural Study of Victorian Clubland. Athens, 2013; *Collins T.* A Social History of English Rugby Union. L.; N. Y., 2009; *Dettmar K. J. H.* Bookcases, Slipcases, Uncut Leaves: The Anxiety of the Gentleman's Library // *NOVEL: A Forum on Fiction*. 2005. Vol. 39, No. 1, Victorian Structures of Feeling. P. 5—24; *Tosh J.* Gentlemanly Politeness and Manly Simplicity in Victorian England // *Tosh J.* Manliness and Masculinities in Nineteenth-Century Britain. Harlow, 2005.

¹³⁷ *Овчинников В. В.* Сакура и дуб. М., 2011.

джентльменства рассмотрены в рамках викторианской повседневности Е. В. Зброжек¹³⁸.

В работе О.Б. Вайнштейн «Денди» (2006; переизд. 2012) джентльменство описывается как близкое к дендизму явление. Обзор истории понятия *джентльмен* Вайнштейн начинает с позднего Средневековья, отмечает демократизацию понятия под влиянием европейских революций XIX века, в результате чего главное место в определении джентльмена занимают личные качества, определенные кодексом поведения. Описывая изменение статуса джентльмена в XIX веке, она предлагает модель поступательной трансформации из аристократа в горожанина под влиянием буржуазных революций в Европе. Изучая отдельные компоненты джентльменства в XIX столетии, О. Б. Вайнштейн пишет: «При всей эволюции общественных норм менее всего, пожалуй, изменился джентльменский кодекс чести»¹³⁹. Автор разделяет распространенное мнение, что кодекс джентльмена восходит к идеалам поведения рыцаря в Средние века. В то же время в исследовании указываются возможности несоблюдения положений кодекса по отношению к людям низших слоев.

Образ жизни джентльмена в контексте английской повседневности также охарактеризован в книге «Повседневная жизнь викторианской Англии» (2007)¹⁴⁰ российского историка Т. В. Диттрич, поддержавшей волну интереса к викторианской Англии в 2000-е годы. Культура высшего класса периода Регентства освещена в диссертации М. А. Карпухиной¹⁴¹. Многочисленные детали быта викторианской Англии описаны в книге

¹³⁸ Зброжек Е. В. Викторианство в контексте культуры повседневности // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. 2005. №35. Вып. 9. С. 28—44.

¹³⁹ Вайнштейн О. Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М., 2012. С. 171.

¹⁴⁰ Диттрич Т. В. Повседневная жизнь викторианской Англии. М., 2007.

¹⁴¹ Карпухина М. А. Британское высшее общество эпохи Регентства и казус Браммела: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2012.

С. Чернова «Бейкер-стрит и окрестности. Эпоха Шерлока Холмса» (2012)¹⁴², построенной на обширном источниковом материале. Чернов одним из первых в современной российской историографии английской повседневности XIX века привлек в исследовании периодику.

Культурный поворот в гуманитарных науках обусловил переосмысление художественной литературы в качестве исторического источника¹⁴³. Практически в каждом исследовании, затрагивающем образ викторианского джентльмена, авторы апеллируют к ярким примерам из художественных произведений. К специальным работам этого направления относится монография «Представления о джентльмене в викторианском романе» Р. Гилмора (1981)¹⁴⁴. В ней анализ художественной литературы сопровождается определением комплекса установок и ценностей, характерных для викторианского джентльмена. Причину популярности понятия *джентльмен* в викторианскую эпоху Гилмор объяснял тем, что, с одной стороны, оно обозначало открытую категорию людей, занимавших высокое положение в обществе благодаря происхождению, а с другой — предоставляло простым людям возможность стать частью этой социальной категории через соблюдение культурных норм в поведении. Еще в первой половине XIX века в определении джентльмена важной была комбинация генеалогического признака и соответствующих ему норм поведения, однако во второй половине столетия, как показывает Гилмор, роль происхождения снижалась, а главным становился поведенческий аспект.

Историк литературы М. Уилер в монографии «Английская художественная литература викторианской эпохи 1830—1890 годов»¹⁴⁵ анализирует творчество английских писателей. Эта работа ценна тем, что позволяет сориентироваться в колоссальном объеме викторианской

¹⁴² Чернов С. Бейкер-стрит и окрестности. Эпоха Шерлока Холмса. М., 2012.

¹⁴³ Эта тенденция закладывается уже на предыдущем этапе: М. Оссовская уже в 1973 году анализировала произведения У. Теккерея для характеристики образа викторианского джентльмена. См.: Оссовская М. Рыцарь и буржуа. 1987. С. 127—155.

¹⁴⁴ Gilmour R. Op. cit.

¹⁴⁵ Wheeler M. English Fiction of the Victorian Period 1830—1890. L.; N. Y., 1985.

литературы, однако она не сосредоточивает внимание на образе джентльмена. Иное дело — монография Ф. Мэйсона «Английский джентльмен: расцвет и упадок идеала» (1982, переизд. 1993), в которой на основе изучения художественной литературы рассмотрены нормативные рамки поведения джентльмена¹⁴⁶. Объяснение Мэйсоном популярности понятия *джентльмен* в Англии очень близко к данному Гилмором: и до XIX века, и в викторианскую эпоху оно не относилось к закрытой касте и могло применяться по отношению к разным людям¹⁴⁷.

Мэйсон также по сложившейся в историографии традиции рассматривает истоки представлений англичан о джентльменстве в античной традиции (не столько в римской рецепции варваров, как это трактовал Смит-Палмер, сколько в греческой философии — в учении Платона об идеальном государстве)¹⁴⁸. Понятие джентльменства, по Мэйсону, формировалось «сверху» на основе антагонизма по отношению к «Другому», т. е. к социальным группам, занимавшим более низкое положение.

Исследование не лишено спорных тезисов: одним из них является утверждение автора о том, что не существовало закрытой касты джентльменов. При этом не указывается, изменялся ли когда-либо данный статус на протяжении истории категории джентльменов. В историографии встречается противоположная точка зрения на этот вопрос. Историк Д. Ливен показывает, что высшие круги отличались «стремлением сохранить недоступность высшего общества и заставить его новых членов, как молодых аристократов, так и тех, кто пробился из более низких слоев, сообразовываться с его кодексом»¹⁴⁹. Если принимать в расчет положение, которое занимали джентльмены как представители джентри, становится очевидным, что приобретение этого статуса требовало определенных усилий. В целом работа Ф. Мэйсона представляет собой удачную попытку

¹⁴⁶ *Mason Ph.* The English Gentleman: The Rise and Fall of an Ideal. N. Y., 1982.

¹⁴⁷ *Ibid.* P. 9.

¹⁴⁸ *Ibid.* P. 22.

¹⁴⁹ *Ливен Д.* Аристократия в Европе. 1815—1914. СПб., 2000. С. 169.

критически осмыслить традиционные позиции, сложившиеся в историографии этой темы в XX веке, некоторые из которых можно обнаружить и в современных работах.

Художественная литература как источник для изучения истории понятия *джентльмен* используется и другими авторами: Дж. Э. Адамс в статье «Джентльмен, денди, священник: мужественность и общественный авторитет в эстетизме Пэйтера» (1992), опираясь на творчество английского писателя викторианской эпохи Уолтера Пэйтера, рассматривает трансформацию основы концепта *джентльмен* в ходе демократизации понятия и расширения круга лиц — представителей среднего класса, стремившихся обрести статус джентльмена к концу правления Виктории. Основой поведенческой стратегии соискателя статуса из среднего класса, который у У. Пэйтера получил название *aspiring gentleman*, викторианский писатель выделяет самопрезентацию в обществе¹⁵⁰. Идеал (точнее, идеалы) джентльмена и его соотношение с действительностью на примере творчества писателя Артура Моррисона анализирует Дж. Гринфилд (2002)¹⁵¹.

Приемы изучения образа джентльмена в художественной литературе содержатся в монографии Кр. Берберич «Образ английского джентльмена в литературе XX века: английскость и ностальгия» (2007)¹⁵². Она обращается к литературе не только XX века, как это следует из заглавия, но и викторианской эпохи, когда понятие *джентльмен* было тесно связано с поведенческими стратегиями¹⁵³. Берберич показывает, что в викторианскую эпоху среди представителей среднего класса обращение *джентльмен* относилось к людям, обладавшим изысканными, аристократическими манерами.

¹⁵⁰ Adams J. E. Op. cit. P. 442.

¹⁵¹ Greenfield J. Arthur Morrison's Sherlock Clone: Martin Hewitt, Victorian Values, and London Magazine Culture, 1894—1903 // Victorian Periodicals Review. 2002. Vol. 35, No. 1. P. 19.

¹⁵² Berberich Chr. Op. cit.

¹⁵³ Ibid. P. 6.

Ш. Уилкинсон в диссертации (2014), посвященной отображению джентльмена в романах «Эмелина» Шарлотты Смит, «Гордость и предубеждение» и «Доводы рассудка» Джейн Остен и «Север и Юг» Элизабет Гаскелл, отмечает, что писательницы создавали образ джентльмена-буржуа как новый образ маскулинности, занимавший промежуточное положение между аристократической джентльменской идентичностью и идентичностью выходца из профессиональной среды средних классов¹⁵⁴. В данном случае изучение истории литературы тесно соприкасается с гендерной историей, активно использующей художественные тексты в качестве источников.

Российские историки литературы также занимаются феноменом джентльменства в контексте исследований тематики английской литературы. С. В. Кончакова в диссертации о проблемах национальной идентичности в творчестве Ч. Диккенса предпринимает исследование языковой картины мира англичан. Базовым концептом в данном случае выступает «английскость» как совокупность всех черт, определяющих английскую идентичность, элементом которой выступает идея джентльменства. С. В. Кончакова отмечает, что представления о джентльмене трансформируются из социальных в культурные (главную роль играют личные качества) и ставит проблему имитации джентльменства в произведениях Диккенса, приходя к выводу, что внешнее благородство мнимых джентльменов диссонирует с негативными качествами их характера¹⁵⁵.

¹⁵⁴ См.: *Wilkinson Sh. (Re)Making the Gentleman: Genteel Masculinities and the Country Estate in the Novels of Charlotte Smith, Jane Austen, and Elizabeth Gaskell*. PhD diss. [Milwaukee], 2014. В диссертации также использованы и другие работы, посвященные литературному образу джентльмена: *Richards J. Sir Henry Irving: a Victorian Actor and His World*. Hambleton; L.; N. Y., 2005.

¹⁵⁵ *Кончакова С. В.* Проблема национальной идентичности в позднем творчестве Ч. Диккенса («Большие надежды», «Наш общий друг», «Тайна Эдвина Друда»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. С. 18. См. также: *Абилова Ф. А.* Образ викторианского джентльмена в романе Т. Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» // Вестник Дагестанского гос. ун-та. 2013. Вып. 3. С. 78—83. Джентльменство в литературе XX в. как проявление ностальгии по аристократизму рассматривается в статье: *Демурова Н. М.*

Культурный поворот в историографии привел к интенсивному развитию еще одного направления — *имагологии* (изучения существовавших в истории образов и стереотипов восприятия окружающей действительности). Среди значимых для настоящего исследования работ следует обратить внимание на монографию историка Д. Лоримера «Цвет, класс и викторианцы: отношение англичан к неграм в середине девятнадцатого века» (1978)¹⁵⁶, который рассматривает не получавший ранее освещения в историографии вопрос об отношении викторианцев к представителям негроидной расы. Исследование, построенное на обширном материале мемуарного характера, свидетельствует о том, что англичанам как нации были присущи разнообразные модели отношений к темнокожим на территории Англии — от неприязненного и враждебного до нейтрального и даже дружественного. Работа привлекает внимание к разным моделям поведения джентльменов в этом вопросе и открывает возможность более детального изучения механизмов поведения викторианских джентльменов.

Представляют интерес также *биографии* конкретных джентльменов¹⁵⁷, а также исследования, построенные на анализе поведенческих моделей джентльменов, использованные в настоящей диссертации. К числу последних относятся работы Э. Милн-Смит о клубной культуре поздневикторианской Британии и различных возможных типах поведения аристократов в этот период¹⁵⁸. Центральной фигурой, на примере которой Милн-Смит анализирует поведенческие практики аристократии, является скандально известный шотландский аристократ маркиз Куинсберри, который был хорошо известен в Лондоне и за его пределами.

Портрет английского джентльмена между двумя мировыми войнами (Рассказ У.С. Моэма «В львиной шкуре») // Одиссей. Человек в истории. 1994. М., 1994. С. 219—231.

¹⁵⁶ Lorimer D. A. Colour, class and the Victorians. Leicester; N. Y., 1978. Любопытные наблюдения имагологического характера содержит монография советского историка: Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. М., 1982.

¹⁵⁷ См., в частности: Kronenberger L. Oscar Wilde. Boston, 1976; Hyde H. M. Lord Alfred Douglas: a Biography. N.Y., 1985.

¹⁵⁸ Milne-Smith A. London Clubland: a Cultural History of Gender and Class in Late Victorian Britain. N. Y., 2011; Milne-Smith A. Queensberry's Misrule: Reputation, Celebrity, and the Idea of the Victorian Gentleman (о маркизе Куинсберри).

К особенностям третьего этапа следует отнести расширение географии изучаемого объекта. В частности, феномен джентльменства анализируется не только на британском, но и на американском материале. Эти исследования также позволяют прояснить некоторые аспекты британского джентльменства через анализ трансфера культурных практик (см. диссертацию Р. Л. Райнарда о происхождении и развитии джентльменского идеала на юге США в период с начала XVII века до начала Гражданской войны¹⁵⁹ или статью П. Дж. Боурсира о практике использования живой изгороди американскими джентльменами на своих земельных участках в конце XVIII — первой половине XIX века, мода на которую пришла из Англии¹⁶⁰).

На третьем этапе история феномена джентльменства в Англии XIX века раскрывается во всей своей многоплановости:

1) история понятия приобретает характер самостоятельного предмета исследования на широком источниковом материале, включающем художественную литературу;

2) изучение нормативности и идеала историография дополняет анализом других сторон образа джентльмена — от повседневных практик до его места в коллективном воображаемом;

3) в гендерной истории Англии XIX века рассматриваются вопросы маскулинности и эмансипации при этом механизмы контроля джентльменского поведения в отношении женщин пока изучены недостаточно.

Эволюция исследовательского интереса к тематике джентльменства протекает в согласии с общей логикой развития исторической науки. На первом этапе понятие джентльмен было в центре внимания многих исследователей, обращавшихся к истории XIX века. В сочинениях викторианцев прослеживаются многочисленные примеры употребления

¹⁵⁹ *Rainard R. L.* The Origins and Development of the Gentlemanly Ideal in the South: 1607—1865. PhD diss. [Baton Rouge], 1981.

¹⁶⁰ См.: *Bourcier P. G.* “In Excellent Order”: The Gentleman Farmer Views His Fences, 1790—1860 // *Agricultural History*. 1984. Vol. 58, No. 4. P. 546—564.

понятия *джентльмен* в самых разных значениях, что позволяет утверждать, что в ту эпоху единообразного представления о джентльмене не существовало. Зачастую отсутствие критического взгляда авторов в их исследованиях приводило к созданию идеализированного образа, основой которого выступали моральные качества, делавшие джентльмена не представителем отдельной категории общества, но *личностью в обществе*. Тем не менее комплекс представлений викторианцев о джентльмене, существовавший и менявшийся в XIX веке, необходимо учитывать, поэтому обращение современного историка к публикациям первого этапа неизбежно.

В рамках второго этапа, и особенно это характерно для работ первой половины XX века, акцент плавно перемещается с личности на викторианское общество, исследователи сосредоточились на наиболее значимых процессах, происходивших в государстве и обществе викторианской Англии. Парадоксально, но среди явлений, отражающих суть викторианской эпохи, джентльменство упоминается редко.

Ситуация меняется во второй половине XX века — в эпоху обновления исторической науки и нарастания междисциплинарности. Исследователи проанализировали традиционные императивы и установки, особенности повседневной жизни викторианского джентльмена, изучили на многочисленных примерах художественный образ джентльмена. К концу XIX века викторианский джентльмен — и как реальность, и как образ в общественном сознании — имел характерные черты и аристократа, и буржуа. Новая культурная история позволила установить границы нормального и аномального поведения викторианского джентльмена.

При всех достижениях мировой историографии остаются актуальными задачи исследования истории понятия *джентльмен* в его метаморфозах от Средних веков к XIX веку, а также взаимодействия социальных и культурных аспектов джентльменства. Джентльмен XIX столетия — одновременно субъект повседневных практик и герой художественной литературы — пока не стал таким объектом для исследования. В этом

отношении диссертационное исследование стремится и продолжить лучшие традиции современной историографии, и предложить авторский взгляд на сложное социокультурное явление британского общества позапрошлого столетия.

Научная новизна диссертации обусловлена несколькими факторами:

1. Впервые в российской историографии проводится комплексное междисциплинарное исследование феномена английского джентльменства 1820—1890-х годов на основе широкого круга источников.

2. Исследование культурных аспектов джентльменства осуществляется с привлечением источников, которые практически не были использованы в работах предшественников по данной теме, в частности в диссертации значительное внимание уделяется материалам британской периодики XIX века и руководствам по этикету.

3. В диссертации подробно исследованы сюжеты, которые ранее не получали специального освещения в историографии, в частности аспекты гендерного этикета джентльменства и проблематика джентльменской честности.

Структура диссертации обусловлена поставленными задачами. Главы выделены на основе комбинированного принципа: материал первой главы организован хронологически, во второй и третьей главах в основу изложения материала положен проблемный принцип. В первой главе рассмотрена эволюция понятия *джентльмен* от момента его появления в английском языке до XIX века. Вторая глава посвящена социальным характеристикам джентльменства и охватывает дискуссии о связи джентльменства с разными слоями английского общества, бытовую культуру, гендерный порядок в Англии 1820—1890-х годов. В третьей главе джентльменство той эпохи рассмотрено как культурное явление эпохи — проанализированы этический кодекс, нормы поведения, особенности повседневных практик.

Положения, выносимые на защиту:

1. Ранняя история понятия *джентльмен* охватывает период (XI—XVI века), когда слово *джентльмен* встречается в английских источниках разных видов, но еще не получает строгой дефиниции. Уже тогда это понятие фактически становится многозначным и приобретает социокультурный характер, так как принадлежность человека к категории джентльменов определяется как минимум по двум критериям — происхождению и поведению. На раннем этапе доминировала социальная характеристика джентльменства, в XVII — начале XIX века постепенно усиливался культурный компонент понятия, предполагавший повышение роли *джентльменского* поведения как идентифицирующего признака, что в конечном итоге создавало основу для неустойчивости определения статуса джентльмена в более поздний период.

2. В 1820—1890-е годы происходит окончательная демократизация понятия *джентльмен*, на что указывает расширение сфер его применения (использование в сленге и в коммерческой деятельности). В последней четверти XIX века значимость признака принадлежности к знатной семье как определяющего в содержании понятия *джентльмен* исчезает практически полностью.

3. Джентльменство представляло собой специфическое социокультурное явление в английской истории. Оно, с одной стороны, опиралось на исторически сложившиеся социальные критерии, в частности происхождение и род деятельности, с другой — на альтернативный культурный критерий — особую манеру поведения, выдвигавшуюся на первый план на протяжении 1820—1890-х годов средним классом. Особенностью этого явления в изучаемый период является то, что в социальном отношении джентльменство становилось менее однородным (в последней четверти XIX века джентльменами считались и знатные лица, и буржуа), а в культурном, напротив, тяготело к единообразию.

4. В 1820—1890-е годы происходил процесс постепенной демократизации английского общества, в ходе которого знать и буржуазия, стремившаяся повысить свой статус, сближались по социальному положению. На этом фоне статус джентльмена, понимание которого высшим и средним классами до последней четверти XIX века не было единым, к концу столетия приобрел стабильность. Поскольку дети высшего и частично среднего классов совместно обучались в публичных школах, компромиссным критерием джентльменства для обеих категорий общества стало получение образования в этих учреждениях. Демократизация джентльменства вписывалась в общий контекст демократизации общества. В гендерном порядке, однако, эволюция джентльменства привела к противоречивым последствиям: требование соблюдения этических норм в отношении женщин, обеспечиваемое механизмами общественного контроля, способствовало сохранению подчиненного положения женщин, тогда как логика демократизации общества вела, наоборот, к их эмансипации.

5. Сближение английской знати и буржуазии в рассматриваемый период способствовало формированию общего культурного фона. Его стержнем выступали этические нормы, изначально формировавшиеся в среде аристократии и усваиваемые в виде правил этикета буржуазными кругами. Реальное поведение людей, обладавших статусом джентльмена, было разным, что подтверждают материалы прессы и художественная литература. В повседневной жизни англичан к концу XIX века досуг и быт аристократии и джентри утрачивал эксклюзивность по мере роста уровня жизни среднего класса, что уравнивало доступность развлечений и материальных ценностей для знати и буржуазии. Таким образом, джентльменство как культурное явление 1820—1890-х годов тяготело к однородности.

Апробация результатов исследования. Основные положения, результаты и выводы данного диссертационного исследования были представлены и обсуждены на ряде конференций и семинаров, в том числе:

- на ежегодных аспирантско-студенческих научных конференциях (Калининград, БФУ им. И. Канта, 2016 и 2017 годы);
- на III Чтениях памяти В.Н. Брюшинкина (Калининград, БФУ им. И. Канта, 8 октября 2016 года);
- на научной конференции «Человек и общество в потоке времени, пространстве слова, культуры, просвещения» (Калининград, БФУ им. И. Канта, 3 марта 2017 года);
- на IV Чтениях памяти В. Н. Брюшинкина (Калининград, БФУ им. И. Канта, 14 декабря 2018 года).

За время подготовки диссертации автору удалось поработать с фондами российских и зарубежных библиотек, в том числе Государственной публичной исторической библиотеки и Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино (Москва, РФ, февраль 2017 года и ноябрь 2018 года), библиотеки университета им. Христиана Альбрехта (Киль, ФРГ, ноябрь 2015 года и апрель 2017 года) и библиотеки Центра британских исследований в Берлинском университете имени Гумбольдтов (март 2017 года). Эти стажировки были поддержаны из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта, а также из средств стипендии Кильского университета.

Результаты исследования обсуждались в ходе стажировок с профессором доктором Кр. Айзенберг (Christiane Eisenberg), заместителем директора Центра британских исследований в Берлинском университете имени Гумбольдтов и с профессором, доктором исторических наук И. М. Савельевой, директором ИГИТИ НИУ «Высшая школа экономики» (Москва).

Глава 1. История понятия *джентльмен*

§ 1. Истоки понятия *джентльмен* (XI—XVI века)

Впервые прочитав описание одного из героев в прологе «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера, британский писатель и популярный историк Т. Джонс задумался: «Я чувствовал, что упустил что-то. Мне так и не удавалось увидеть Рыцаря как реального человека. Наконец я понял, что главная проблема была в том, что я не знал, кем был “рыцарь”. <...> Мне показалось, что я мог и не надеяться понять созданный Чосером портрет Рыцаря в “Кентерберийских рассказах” до тех пор, пока не получу представления о том, что представлял собой рыцарь в то время, когда писал Чосер»¹⁶¹. Похожая ситуация возникает и при попытке рассмотреть портрет джентльмена в английском обществе, ограничившись XIX столетием. Многие вещи остаются непонятными без обращения к историческому контексту, в котором формируются представления самих англичан о том, кто такой джентльмен, поэтому в данной главе предпринят экскурс в историю понятия *джентльмен*.

Отправной точкой рассуждений, изложенных в этой главе, является тезис Р. Козеллека о том, что понятие обладает разными временными наслоениями, смысл которых имеет силу на протяжении различных промежутков времени¹⁶². С учетом этого в параграфах главы рассматривается процесс трансформации смыслов понятия *джентльмен* на протяжении периода от своего возникновения в языке до начала XIX века. Изучение этого процесса позволяет приблизиться к пониманию тех смыслов, которые англичане в XIX столетии вкладывали в свои рассуждения о джентльменстве. Для этого необходимо проанализировать контексты использования слова

¹⁶¹ Jones T. Op. cit. P. 4.

¹⁶² Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий. С. 25.

джентльмен. В первом параграфе внимание сосредоточено на происхождении и ранних значениях понятия *джентльмен* в английском языке.

Установление обстоятельств появления в английском языке слова *джентльмен* сопряжено с рядом трудностей. Исследователи сходятся в том, что оно было заимствовано из старофранцузского языка и произошло от словосочетания *gentilz hom* (более поздняя форма — *gentilhomme*), обозначавшего человека благородного человека, или аристократа¹⁶³.

В отношении времени начала словоупотребления взгляды ученых расходятся. Появление слова *джентльмен* в английском языке У. Харрисон в «Описании Англии» (1577) связывает с норманнским завоеванием Британии в XI веке.¹⁶⁴ К.Д. Бюлбринг указывал даже точную дату — 1066 год¹⁶⁵. Самый поздний вариант предложила Кр. Берберич (1413 год)¹⁶⁶. Многие, однако, указывали на конец XIV века, цитируя известное двустишие:

When Adam delved and Eve span,
Who was then the gentleman?¹⁶⁷

¹⁶³ См.: *Аристова Н.С.* Указ. соч. С. 154; *Безкоровайна Г.Т.* Указ. соч. С. 41; *Киселёва М.П.* Указ. соч. С. 57; *Berberich Chr.* Op. cit. P. 8; *Dictionnaire Culturel en Langue Française.* Paris, 2005. T. 2. P. 1321.

¹⁶⁴ Первоначально этим словом обозначался человек, чей предок был норманном, пришедшим вместе с Вильгельмом Завоевателем. Цит. по: *Mason Ph.* Op. cit. P. 26—27.

¹⁶⁵ *Bülbring K. D.* Op. cit. P. XXXII.

¹⁶⁶ Кр. Берберич приводит данные на основе статьи Дж. Ситуэлла. *Berberich Chr.* Op. cit. P. 15. К сожалению, исследовательница не называет конкретных документов, ссылаясь в общем на публичные акты (public records), где слово *джентльмен* впервые прозвучало наряду с названиями таких категорий населения, как земледельцы (husbandmen), йомены (yeomen) и др. Если речь идет о Статуте о дополнениях 1413 года, тогда это утверждение ошибочно, поскольку текст Статута не содержит искомого слова.

¹⁶⁷ «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда был джентльменом?» (англ.). См. главу о джентльменах в кн.: *Ossowska M.* Op. cit. S. 157. В русском переводе книги М. Оссовской, как и в недавнем переиздании, допущена ошибка, отсутствующая в оригинале: двустишие датировано XII в. *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. 1987. С. 127; *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. 2017. С. 128.

Эти строки традиционно воспроизводят по проповеди английского священнослужителя Дж. Болла, произнесенной во время крестьянского восстания под предводительством Уота Тайлера в 1381 году¹⁶⁸. Стихотворная форма контрастирует с прозаическим текстом проповеди, так что Болл мог цитировать более ранний и, вероятно, известный его слушателям текст, но доказать это пока не представляется возможным. Тем не менее важно то, что абстрактная фигура джентльмена в проповеди противопоставлена Адаму и Еве — первым людям, которые стоят у истоков человеческого общества, где еще не существует неравенства. Джентльмен, напротив, воплощает социальный порядок, в котором это неравенство является одним из столпов социума. В этих условиях в рамках конкретной группы людей понятие *джентльмен* приобретает негативную эмоциональную окраску и играет роль маркера социального противника.

Вероятно, самым ранним *письменным* источником, в котором обнаруживается слово *джентльмен*, являются так называемые «Поговорки Альфреда», датированные XIII веком. Это сборник выражений на раннесреднеанглийском языке, авторство которых приписывается королю Альфреду Великому (849—899). Фраза “Ich ne s[e]lige nouht bi-þan þat moni ne ben gentile man”¹⁶⁹ приблизительно означает «Я ничего не хочу этим сказать, но многие не являются джентльменами». Исходя из содержания фразы, можно предположить, что уже к моменту создания текста содержание понятия *джентльмен* включало признаки принадлежности человека к определенной социальной группе, которые в то же время не были официально зафиксированы, а учитывались людьми при выражении своего мнения.

¹⁶⁸ См.: *Medieval English Political Writings*. В издании Универсального этимологического словаря 1772 года встречается такой вариант: “When Adam dug and Eve span, Where was then the Gentleman?” *A New Universal Etymological English Dictionary*.

¹⁶⁹ Данный вариант выражения содержится в издании «Поговорок» У. Скита. Корпус среднеанглийской прозы и поэзии предлагает вариант “Hic ne sige nouht bi þan, þat moni ne ben gentile man”. Слово “Ich” — личное местоимение, которое со среднеанглийского языка переводится как «я», тогда как слово “Hic” не обнаруживается в языке данного периода. *The Proverbs of Alfred*. P. 52.

Свое отношение к разным критериям, по которым человека можно было считать джентльменом, выразил еще в XIV веке Дж. Чосер. Хотя некоторые исследователи отмечают, что в «Кентерберийских рассказах» в фигуре рыцаря писатель воплотил идеального джентльмена¹⁷⁰, и история рыцаря сама по себе довольно увлекательна, но больший интерес в контексте проблемы содержания понятия *джентльмен* в Средние века представляет рассказ, поведанный спутникам женщиной, которая имеет свой взгляд на рыцаря вообще как на представителя средневекового английского общества. В центре повествования Батской ткачихи рыцарь короля Артура, насильно лишивший чести встретившуюся ему по дороге девушку, из-за чего король приговаривает его к казни через отсечение головы, но королева дает рыцарю шанс избежать смерти, если тот найдет ответ на вопрос, чего больше всего на свете хочет женщина. Спустя почти год безуспешных попыток найти ответ рыцарь встречает старуху, которая обещает сказать ему ответ в обмен на обещание выполнить ее требование. Рыцарь соглашается и, огласив при дворе в назначенный срок ответ старухи, избегает казни, но отныне обязан жениться на своей спасительнице. Когда после свадьбы он отказывается лечь с ней в постель из-за того, что та стара, уродлива и бедна, старуха в ответ упрекает мужа в неверности своему слову и стыдит его за его поступки¹⁷¹.

Чосер вкладывает в уста героини рассказа рассуждение о том, что настоящим джентльменом человека делает отнюдь не знатность его предков, а лишь его поступки, поскольку даже сын лорда может поступать постыдно и низко, и в таком случае он не будет джентльменом, даже если он граф или герцог¹⁷². Эта идея, вероятно, была адресована Чосером простым незнатным англичанам, которые могли читать «Кентерберийские рассказы», написанные на среднеанглийском языке (на нем разговаривали широкие массы

¹⁷⁰ См.: *Mason Ph. Op. cit. P. 37.*

¹⁷¹ *The Wife of Bath's Tale.*

¹⁷² В оригинале так: "A lordes sone do shame and vileynye; / And he that wole han pris of his gentrye, / For he was boren of a gentil hous, / And hadde his eldres noble and vertuouse, / And nel hymselfen do no gentil dedis, / Ne folwen his gentil auncestre that deed is, / He nys nat gentil, be he duc or erl". *Ibid.*

населения). Уже в XIV веке в литературе прозвучал скрытый призыв считать человека джентльменом главным образом на основании его поступков, а не происхождения.

При всей сложности определения статуса джентльмена уже в правление английского короля Ричарда II было ясно, что джентльмены обладают некоторым набором привилегий. Одной из них было право на достойную смерть в случае, если человек был осужден на смертную казнь. Так, Джон, лорд Гоменейс, был обвинен в том, что нарушил данную королю присягу, сдав противнику город и замок, которые был обязан защищать. За свое преступление лорд Гоменейс был приговорен к смертной казни через повешение, но впоследствии парламентарии с учетом того, что обвиняемый был джентльменом и не являлся вассалом короля, заменили повешение отсечением головы¹⁷³, что более изящным способом казни по сравнению с остальными. Случай лорда Гоменейса примечателен тем, что даже несмотря на неисполнение им своих обязанностей по отношению к королю, властные круги английского общества сочли важным предоставить ему право на достойную смерть в силу его высокого социального статуса, что в свою очередь может рассматриваться как один из первых шагов на пути официального признания статуса джентльмена в Англии.

Тем не менее статус джентльмена оставался неофициальным до XV века. До этого времени слово *gentil-homme*¹⁷⁴ (джентльмен) не использовалось для обозначения в официальных документах конкретного класса английского общества¹⁷⁵, а применение в текстах этого слова к конкретным лицам, по мнению, Дж. Р. Ситуэлла, указывало лишь на их статус как свободных полноправных людей (*freemen*)¹⁷⁶, однако, как отмечает

¹⁷³ *Gomeney's and Weston's Case*, I Ric. 2. P. 798.

¹⁷⁴ В текстах использовалось французское слово потому, что после утверждения в Британии норманнской династии правителей языком знати стал французский.

¹⁷⁵ См.: *Robin Letwin Sh. The Gentleman in Trollope: Individuality and Moral Conduct*. L.; Basingstoke, 1982. P. 5.

¹⁷⁶ См.: *Sitwell G.R. Op. cit.* P. 69.

П. Косс, Ситуэлл ошибался, поскольку исходил из ограниченного представления о знати, включавшей в себя только пэров¹⁷⁷.

Серьезное влияние на социальные процессы в Англии в позднее Средневековье оказала эпидемия чумы, разразившаяся в Европе в середине XIV века. Одним из ее последствий стало перераспределение богатств, в результате чего возросла степень самостоятельности крестьян в их отношениях с землевладельцами. Как отмечает Кр. Карпентер, улучшившееся финансовое положение крестьянства побудило высший класс провести более отчетливые границы социальной иерархии, чтобы указать крестьянам на их положение в обществе¹⁷⁸. Стремление государственной власти и знати провести границу между знатными и незнатными рангами английского общества повлекло за собой принятие новых законов. Одним из них стал Статут о дополнениях 1413 года, принятый в правление Генриха V¹⁷⁹. Согласно этому документу, в судебных документах отныне должны были быть указаны сведения о месте жительства (*estate*), ранге (*degree*) и роде деятельности (*trade*) ответчика, что было затруднительно для младших сыновей из знатных семей. Это затруднение было вызвано утвердившейся в Британии после прихода норманнов практикой наследования в знатных семьях, в основе которой лежал принцип майората¹⁸⁰. После принятия Статута младшие сыновья аристократов в судах стали называть себя джентльменами, однако в повседневной жизни человек мог именоваться в одной ситуации джентльменом, а в другой, например, йоменом или франклином.

¹⁷⁷ П. Косс высказал это мнение в личном письме автору диссертации от 01.03.2018 г.

¹⁷⁸ См.: *Carpenter Chr. Op. cit.* P. 44.

¹⁷⁹ См.: CAP. V. An Act that in every original Writ in which an Exigent should be awarded shall be written certain Additions // *The Statutes at Large, of England and of Great Britain: From Magna Carta to the Union of the Kingdoms of Great Britain and Ireland. In 20 vols. L., 1811. Vol. 2. From 1 Ric. II A.D. 1377 — To 19 Hen. VII A. D. 1504.* P. 305..

¹⁸⁰ Титул и имущество семьи передавались по мужской линии старшему сыну, в то время как младшие братья наследника лишались права на наследство и становились простолюдинами.

Благодаря Дж. Р. Ситуэллу, который был, вероятно, первым исследователем, кто обратился к локальным обвинительным актам в попытке установить значение слова *джентльмен* в позднем Средневековье, стало известно, что первые носители статуса *джентльмен* в судебных документах XV века были преступниками и в ряде случаев довольно жестокими. Изучая обвинительные акты графства Стаффордшир, Ситуэлл обнаружил дело некоего Роберта Эрдесвика, джентльмена (*gentilman*), служившего в свите лорда Тэлбота во время битвы при Азенкуре. Эрдесвику было предъявлено обвинение в краже с взломом, нанесении телесных повреждений с намерением убить, а также убийстве человека. В историографии истории рыцарства существует точка зрения, что подобное поведение людей, занимавших высокое положение в обществе того времени, было вызвано социальным кризисом и войнами с Францией в XIV веке, которые побудили многих отпрысков знатных семей встать на путь разбоя¹⁸¹. Источники, фиксирующие преступления такого рода, позволяют лишней раз избежать идеализации джентльменов как лиц, родившихся в знатных английских семьях, в позднее Средневековье. Хотя еще со времен Чосера считалось, что человек обладает хорошими манерами вследствие своей принадлежности к высокому рангу общества¹⁸², случай Эрдесвика демонстрирует, что на практике люди из знатных семей по-разному вели себя в разных жизненных обстоятельствах.

С принятием Статута слово *джентльмен* начало фигурировать в судебных документах наряду с другими категориями, а понятие *джентльмен* постепенно приобретало значение социальной группы, относящейся к низшей знати (джентри)¹⁸³. Так, вскоре за принятием Статута последовало

¹⁸¹ Reed A. W. Chivalry and the Idea of a Gentleman // The Social History of Chivalry / ed. by F. Cornish. L.; N. Y., 2010. P. 209.

¹⁸² См., напр.: Chaucer G. The Knight's Tale. P. 62.

¹⁸³ См. об этом: Castronovo D. Op. cit. P. 9. Т. Смит в трактате «Об английском государстве» к джентльменам относил всю знать, поэтому джентльмены, принадлежавшие к джентри, впоследствии получили название простых джентльменов (*mere gentlemen*). См.: Smith Th. Op. cit. P. 38—40.

оформление классической в терминологии Кр. Карпентер трехчастной структуры джентри, в которую входили рыцари, сквайры и простые джентльмены¹⁸⁴.

Усложнение структуры привилегированного класса требовало законодательного закрепления прав каждого ранга знати, в связи с чем понятие *джентльмен* перекочевало в юридическую плоскость. В широком смысле оно охватывало все знатное население и исключало простолюдинов. Это наглядно демонстрирует акт 1429 года, устанавливавший правила голосования для выбора рыцарей в парламент и вводивший новые правила голосования в графствах с целью не допустить кровопролития между джентльменами и другими людьми графств¹⁸⁵. Под джентльменами, вероятно, следует понимать знатных людей вообще (рыцарей, сквайров и пр.), противопоставленных простолюдинам, желавшим иметь право голоса для участия в выборах. Другой акт 1439 года устанавливал наказание для капитанов (командиров) за присваивание жалованья солдат. Согласно документу, командир имел право оставить себе лишь сумму, эквивалентную стоимости экипировки солдата. Солдаты (пешие воины) в этом документе представлены двумя социальными группами — джентльменами и йоменами. Например, если жалование выдавалось за половину года, то на военную форму джентльмена отводилось 10 шиллингов, а на форму йомена — 6 шиллингов 8 пенсов¹⁸⁶. В том же документе речь идет о копьеносцах и лучниках. С учетом того, что в средневековой армии воин должен был экипироваться за собственный счет, можно было по принадлежности человека к определенной группе на поле боя примерно определить его социальное положение. Разница в стоимости военной формы джентльмена и

¹⁸⁴ См.: *Carpenter Chr.* Op. cit. P. 46.

¹⁸⁵ "...whereby Manflaughters, Riots, Batteries, and Divisions among the Gentlemen, and other People of the fame Counties..." CAP. VII. What Sort of Men shall be Choosers, and who shall be chosen Knights of the Parliament // *The Statutes at Large, of England and of Great Britain.* L., 1811. Vol. 2. P. 410.

¹⁸⁶ "...Ten Shillings for a Gown for a Gentleman, and Six Shillings and Eight-pence for a Yeoman..." CAP. XVIII. For Punishment of Captains detaining any part of their Soldiers Wages // *The Statutes at Large, of England and of Great Britain.* L., 1811. Vol. 2. P. 506.

йомена объясняется, вероятно, ее спецификой и количеством элементов. В данном случае джентльмены как представители самой младшей категории джентри могли обеспечить себя лучшей защитой, чем йомены, поэтому являлись копьеносцами, тогда как последние — лучниками. Характерно, что в Акте о наказании капитанов сами командиры, которые нередко принадлежали к высшей знати (герцогам, маркизам и др.), джентльменами не называются. Таким образом, джентльмен здесь — представитель низшего ранга знати.

В узком смысле джентльменами в законодательных актах обозначалась та самая низшая категория знатных людей. Некоторые акты устанавливали различия между рангами знати. Регламентации подлежали разные аспекты повседневности, например внешний вид одежды джентри. Акт 1463 года, ограничивавший чрезмерную пышность нарядов, устанавливал соответствие одежды из разных тканей и разных категорий знатных людей. В частности, ни сквайр (squire), ни джентльмен (gentleman) и никто другой рангом ниже рыцаря (knight) не имели права носить бархатные и атласные одежды. Однако если данное требование согласовывалось с вертикалью рангов джентри, где рыцарь находился выше сквайра и джентльмена, то в другом случае попытка упорядочить эти категории джентри в рамках той же строгой иерархии безуспешна. Рыцарь рангом ниже лорда, сквайра, джентльмена или других лиц был обязан носить плащ, длина которого была достаточной, чтобы прикрывать ягодицы¹⁸⁷. В акте 1482 года, уточнявшем правила использования тканей в одежде, джентльмены также упоминаются наряду со сквайрами. Ситуация, при которой в одном случае джентльмены по сравнению с рыцарями имеют меньше прав, а в другом обладают их большей полнотой, объясняется тем, что в Англии не было единой строгой иерархии общества, а существовало несколько параллельных друг другу, где высокое положение в одной не гарантировало ранга в другой. Например, положение

¹⁸⁷ CAP. V. For Regulating Apparel // The Statutes at Large, of England and of Great Britain. L., 1811. Vol. 2. P. 616—617.

человека в иерархии, основанной на обладании имуществом, не обязательно соответствовало его военному рангу¹⁸⁸.

Практика использования слова *джентльмен* в законодательных актах XV века показывает, что в тот период оно относилось исключительно к знатым людям. В узком смысле лексема применялась тогда, когда в законе требовалось подчеркнуть различия в правах между джентльменами и другими рангами аристократии. Ее использование в широком смысле указывало на различия между знатым и незнатым населением. Факт регламентации употребления понятия *джентльмен* в XV веке может объясняться тем, что в этом столетии было завершено формирование немногочисленного, но крайне влиятельного знатного сословия.

Рост численности знати привел к тому, что в XVI—XVII веках Геральдической палатой, раздававшей гербы в подтверждение знатности, были учреждены инспекции, в ходе которых герольдмейстер каждые 30 лет разъезжал по стране, подтверждая статус легитимных носителей герба и публично лишая его тех, кто приобрел его незаконным путем¹⁸⁹. С ростом численности знати выдвинулся дополнительный признак, который имел многообещающие перспективы, — подобающий джентльмену образ жизни¹⁹⁰.

Нововведения в законодательстве в XVI веке продолжали регламентировать повседневность джентльменов. Акт 1533 года устанавливал ограничения на охоту на пернатую дичь, в которой могли участвовать джентльмены или другие лица с годовым доходом от земельного владения в полной собственности в размере 40 фунтов. Указ позволял использовать в охоте собак и луки, однако запрещал сеть¹⁹¹. Описанные

¹⁸⁸ См.: *Robin Letwin Sh.* Op. cit. P. 7.

¹⁸⁹ См.: *Castronovo D.* Op. cit. P. 6.

¹⁹⁰ *Ibid.* P. 10.

¹⁹¹ "...it shall be lawful to any Gentleman, or any other that may dispend Forty Shillings by the Year of Freehold..." CAP. XI. An Act Against Destruction of Wild-Fowl // *The Statutes at Large, of England and of Great Britain.* L., 1811. Vol. 3. P. 150.

условия предоставляли возможность охотиться исключительно состоятельным землевладельцам.

Актуальное для англичан еще в последней четверти XVI века отождествление джентльменства со знатью обнаруживается у Т. Смита в трактате “De Republica Anglorum” (1583). Как показывает его автор, в отличие от положения рыцаря или барона, а также более высоких рангов, для приобретения которых требовалась санкция короля, статус джентльмена имел многочисленные пути доступа: им мог стать тот, «кто изучает законы королевства» (“whosoever studieth the lawes of the realme”), «кто обучается в университетах» (“who studieth in the universities”), «кто занимается гуманитарными науками» (“who professeth liberall sciences”) и «тот, кто может жить праздно и не заниматься ручным трудом» (“who can live idly and without manuell labour”)¹⁹². Поднимая вопрос о том, следует ли оставлять ранг джентльмена таким доступным для общества, Смит указывает, что человек, обладающий титулом джентльмена, имеет не только привилегии своего титула, но и обязанности, в частности обязанность платить в казну за свою принадлежность к знати¹⁹³. Этим, по его мнению, государству выгодна высокая численность знати. Т. Вильсон в сочинении “The State of England Anno Dom. 1600” писал, что «джентльменов, которые имели обыкновение посвящать себя войнам, сейчас большей частью растят для того, чтобы они стали хорошими мужьями, а также подобно фермеру или крестьянину знали, как можно предельно улучшить их земли...»¹⁹⁴ Характеристика, данная Смитом статусу джентльмена, указывает, что к моменту создания им трактата необходимость генеалогического признака в определении человека как джентльмена уже отсутствовала и доступ к статусу был открыт представителям разных профессий, а Вильсон отмечал поворот джентльменов в сторону хозяйственной деятельности, приносящей доходы.

¹⁹² *Smith Th.* Op. cit. P. 39—40.

¹⁹³ *Ibid.* P. 40—41.

¹⁹⁴ *Wilson Th.* Op. cit. P. 18.

Если в правовой сфере было понятно, кто являлся джентльменом, то в бытовом общении, вероятно, интерпретация понятия вызывала трудности. Слово *джентльмен* не сразу было зафиксировано лексикографией, которая в XVI веке еще была двуязычной (словари составлялись на латинском и английском языках). Конкретных сведений об этом слове в словарях того времени найти не удастся, однако в историческом словаре английского языка 1901 года содержатся примеры использования в XVI веке синонимов *gentlemanship* («положение, характер или поведение джентльмена») и *gentlemanry*, исчезнувших из словарей к XX веку; также серединой XVI века датируется характеристика *gentlemanlike* с пометкой «о характере, действиях, устремлениях и пр.», относившаяся к тому, что «естественно для джентльмена»¹⁹⁵. Все значения характеризуют джентльменское поведение, но при этом не разъясняют, в чем заключалась его специфика.

Художественная литература, в частности произведения драматургов XVI — начала XVII века, также помогает уточнить содержание понятия *джентльмен*. Как следует из содержания пьес, в тот период оно предполагало обладание социальным статусом. Например, Кр. Марло в пьесе «Трагическая история доктора Фауста» (ок. 1592) упоминает джентльменов в двух целях — для демонстрации социального статуса персонажа и обращения к мужской аудитории. В первом случае под джентльменом подразумевается человек, занимающий высокое положение в обществе. В сцене разговора двух слуг Робин говорит: «Там джентльмен дожидается лошади и желает, чтобы вычистили его одежду: по этому поводу он торопит хозяйку»¹⁹⁶. В характеристике персонажа, привыкшего к обслуживанию, угадывается образ человека, принадлежавшего к высшему классу общества. В другом случае джентльменом называет себя один из рыцарей в свите императора. В трагедии «Эдуард II» (1594) Мортимер-младший выражает

¹⁹⁵ A New English Dictionary... P. 120.

¹⁹⁶ В оригинале: "...there's a gentleman tarries to have his horse, and he would have his things rubbed and made clean: he keeps such a chafing with my mistress about it". *Marlowe Chr. Op. cit.* P. 50.

сомнение в том, что фаворит короля Гавестон является джентльменом по праву рождения:

Ты — раб! Едва ли по рождению дворянин.

Что там толкуешь ты о короле?¹⁹⁷

Обсуждаемое значение подтверждают и контексты использования слова в сочинениях У. Шекспира. В трагедии «Гамлет» (1600—1601) упомянут джентльмен из Нормандии, легко управлявшийся с конем во время сражения. Это качество также было свойственно аристократам, которые обучались верховой езде с самого детства. Далее, в знаменитом диалоге могильщиков один из них называет Адама джентльменом на том основании, что, по его мнению, Адам раньше всех других был вооружен¹⁹⁸. Оружие здесь имеет символическое значение, так как подразумевается орудие труда первого человека — лопата. Шекспир, вероятно, отсылает к двестишию Болла. Любопытно, что писатель использует двусмысленную конструкцию *he was the first that ever bore arms*. Словосочетание *to bear arms* могло означать как ношение оружия, так и обладание гербом (*coat of arms*). Столетием позже словарь фиксирует слово латинское *armiger*, обозначающее сквайра или человека, имевшего герб¹⁹⁹. Этимология французского слова *сквайр* восходит к Средневековью, когда сквайры были помощниками рыцарей и их оруженосцами на войне²⁰⁰. Таким образом, понятие *джентльмен*, с которым Шекспир связывает выражение *to bear arms*, указывает на особу благородного происхождения.

¹⁹⁷ Марло К. Указ. соч. С. 408. В оригинале: “Thou villaine, wherfore talkest thou of a king, / That hardly art a gentleman by birth?” *Marlowe’s Edward II*. P. 18.

¹⁹⁸ “...There is no ancient gentlemen but gardeners, ditchers, and grave-makers: they hold up Adam's profession. — Was he a gentleman? — A’ was the first that ever bore arms.” См.: *Shakespeare’s Hamlet*. P. 128.

¹⁹⁹ *Blount Th.* Op. cit.

²⁰⁰ *A New General English Dictionary*.

В трагедии «Король Лир» (1605—1606) Гонерилья спрашивает слугу: «Отец ударил моего джентльмена за то, что тот бранил его шута?»²⁰¹ Словосочетание *мой джентльмен* (*my gentleman*) обозначает здесь придворного, находящегося на службе лично у члена королевской семьи. По крайней мере, такое значение слова *джентльмен* сохраняется и к середине XVIII века²⁰². Придворные, как правило, принадлежали к семьям из аристократической среды или были выходцами из джентри. Данный пример показывает, что служение при королевском дворе являлось обычной практикой представителей высшего класса общества, однако позже услужение более знатной персоне ляжет в основу коннотативного значения слова *джентльмен*. Фраза Кента в том же произведении, где он говорит о себе «я — джентльмен по крови и манерам»²⁰³, указывает на особое поведение, свойственное высшим слоям. Его специфической чертой была утонченность манер, резко отличавшая знатного человека от простолюдина.

Итак, ранняя история понятия *джентльмен* насчитывает практически пять столетий. Уже на этом этапе понятие фактически становилось многозначным, так как принадлежность человека к категории джентльменов определялась как минимум по двум критериям — происхождению и поведению, а значит понятие достаточно рано приобретает социокультурный характер, в котором на этом этапе определяющую роль играет все же социальная сторона. Уже в рамках данного периода понятие приобретает сложность для интерпретации, поскольку фигурирует в двух смыслах — в широком, обозначая представителей знати в целом, включая аристократию и джентри, и в узком как наименование новой категории в оформившейся к XV в. структуре низшей знати.

²⁰¹ “Did my father strike my gentleman for chiding of his fool?” *Shakespeare W.* Op. cit. P. 43.

²⁰² *Johnson S.* Op. cit.

²⁰³ “I am a gentleman of blood and breeding”. *Shakespeare W.* Op. cit. P. 83.

§ 2. Понятие *джентльмен* в XVII — начале XIX века

Окончание средневекового периода для истории понятия *джентльмен* ознаменовано тем, что на следующем этапе большое значение приобрела публицистика как жанр литературы, призванный влиять на мнение общественности. Это хронологически совпадает с развитием идей раннего Просвещения, в рамках которого значительно внимание стало уделяться самому человеку, его идеям, поступкам и пр. В частности, в раннее Новое время начали распространяться публицистические сочинения, авторы которых активно использовали понятие *джентльмен*. В трактате «Совершенный джентльмен» (1622) Г. Пичем отмечает, что статус джентльмена предполагает характерную для знати военную службу. Другие атрибуты статуса — наличие герба и знание генеалогии (не только своей семьи, но и других знатных фамилий), то есть естественные признаки элиты²⁰⁴. Полнее содержание понятия раскрыто в руководстве по поведению для леди и джентльменов, изданном Р. Брэтвейтом в 1630 году. От человека, желавшего быть признанным в качестве джентльмена, ожидалось соблюдение ряда правил, в том числе проявление сдержанности в эмоциях, особенно негативных, поскольку ничто так не порочит джентльмена, как неумение контролировать эмоции, в частности ярость. Для джентльмена принципиальны честь и бережное отношение к репутации, а также следование христианским заповедям, в том числе в семейных отношениях. Вопрос, должен ли джентльмен подавлять эмоции, когда его честь и репутация ставятся под сомнение, был риторическим: автор призывал не отвечать насилием²⁰⁵. При этом в среде высших кругов общества было распространено представление о том, что джентльмен как носитель чести имеет право отстаивать ее в бою, тогда как низшие классы должны были

²⁰⁴ *Peachment H.* Op. cit. P. 160.

²⁰⁵ *Brathwait R.* Op. cit. P. 24.

искать справедливости в судах²⁰⁶. Брэтвейт в данном случае выражал мнение многих англичан, считавших, что законы чести не оправдывают убийство на дуэлях, которые происходили слишком часто. Король Яков I пытался ограничить дуэли, а уже при Карле II появился первый законодательный акт, приравнивавший предумышленное причинение увечий к тяжкому уголовному преступлению²⁰⁷.

В законодательных актах XVII века джентльмены продолжали фигурировать вместе рыцарями и сквайрами. В акте о государственной измене 1605 года, например, приводился перечень представителей знатного сословия, которые, находясь в Испании, подстрекали испанского короля к вторжению в Англию²⁰⁸.

Важной вехой в истории понятия *джентльмен* стал момент фиксации этого слова в собственно англоязычной лексикографии. В первом моноязычном словаре Р. Каудри отсутствует отдельное толкование слова *джентльмен*, но в то же время слова *gentilitie* (знатность) и *generositie* (благородство) оказываются эквивалентны словам *gentry* (джентри), *nobilitie* (знать) и *gentlemanship* (джентльменство)²⁰⁹. Каудри демонстрирует, что в самом начале XVII века в содержании понятия *джентльмен* сохранялся исходный признак — знатность происхождения, а поведенческие характеристики еще не приобрели легитимность.

В словаре Дж. Буллокара (1616) также отсутствовало определение слова *джентльмен*, однако в семантическом поле соответствующего понятия акценты были расставлены совершенно по-иному. Например, слово *generosity* имело значения *благородство ума* (*nobleneffe of mind*) и *мужество*,

²⁰⁶ См.: *Castronovo D.* Op. cit. P. 22. Сама природа этого вида насилия нуждается в отдельном изучении. По мнению Ш. Ховард, по сравнению с последующими столетиями дуэли в XVII веке были гораздо менее церемониальными и, скорее, спонтанными, так что в конечном счете их сложно было отличить от других форм агрессивного поведения (*violent behavior*) социальной элиты. См.: *Howard Sh.* Op. cit.

²⁰⁷ См.: *Castronovo D.* Op. cit. P. 21.

²⁰⁸ См.: CAP. II. An Act for the Attainder of Diverse Offenders in the Late Most Barbarous, Monstrous, Detestable and Damnable Treasons // *The Statutes at Large, of England and of Great Britain.* L., 1811. Vol. 4. P. 633.

²⁰⁹ *Cawdrey R.* Op. cit.

присущее джентльмену (gentlemanlike courage), то есть социальное положение указывалось косвенно, а главную роль играли персональные качества²¹⁰. Подобные акценты обнаруживаются и в значении слова *gentile*, которым описывался человек безупречного поведения, демонстрировавший хорошее воспитание и знание мира (a man of compleat behavior; arguing good breeding, and knowledge of the world)²¹¹. Таким образом, уже по крайней мере к середине XVII века личные качества как самостоятельный признак понятия *джентльмен* получили легитимный статус в английской лексикографии.

Усиление роли личных достоинств в облике джентльмена к XVII веку совпадало и с экономическими процессами, протекавшими в середине XVII века в Англии, в которых джентри принимали непосредственное участие. Многие джентри-землевладельцы в это время вовлекались в предпринимательскую деятельность. Как писали В. М. Лавровский и М. А. Барг, «отличительной чертой нового дворянства является буржуазный характер его хозяйственной деятельности, заключающийся не только в стремлении перестроить землевладение на буржуазных началах, но и в стремлении вести само земледелие в качестве предпринимателя-капиталиста»²¹². Советские историки пришли к выводу, что джентри в первой половине XVII века представляли собой *социальный гибрид* землевладельцев и предпринимателей-капиталистов²¹³. Есть основания полагать, однако, что успешное ведение джентльменами коммерческой деятельности во многом зависело от индивидуальных качеств, к которым относились с одной стороны предприимчивость, а с другой — честность, рассматриваемая веком позже как основа торговых отношений²¹⁴. Пока рано делать вывод о том, насколько джентльмены в эпоху раннего Нового времени обладали и тем, и другим. Эта проблема образует одну из очевидных исследовательских перспектив. При этом категорию джентльменов нельзя однозначно идентифицировать ни

²¹⁰ Bullokar J. Op. cit.

²¹¹ Ibid.

²¹² Лавровский В. М., Барг М. А. Указ. соч. С. 97.

²¹³ Там же. С. 98.

²¹⁴ См., напр.: *The Gentleman's Library*... P. 131.

через знатность происхождения, ни на основе личных достоинств. Очевидно, возникшая сложность характерна не только для этой категории и не только для британской истории. На подобную проблему, к примеру, обращает внимание П. Ю. Уваров в исследовании французских социальных именовании в нотариальных актах, указывая, что выделять формальные социальные категории на основе объективных критериев едва ли возможно, поскольку для этого необходимо такое качество, которым бы обладала данная группа, и которое отсутствовало бы у всех остальных представителей общества²¹⁵. Генеалогический признак не был исключительным признаком понятия *джентльмен*, потому что, как показано выше, разнородная категория джентльменов в рассматриваемый период включала в себя не только аристократов разных рангов, но и состоятельных простолюдинов. С другой стороны, английские крестьяне не считались джентльменами отнюдь не потому, что не были, скажем, достаточно мужественными (как того требовал тот же словарь Буллокара в характеристике джентльменства), а в силу своего экономического положения, в том числе из-за невозможности вести джентльменский образ жизни. С учетом этого и благородное происхождение, и обладание гербом, и персональные достоинства, и состоятельность образуют в раннее Новое время *комплекс* критериев джентльменства.

В публицистике XVIII века заметен шаг вперед в осмыслении авторами понятия *джентльмен*. В трактате «Совершенный английский джентльмен» Д. Дефо предлагает считать джентльменами тех, кто удовлетворяет двум критериям — благородному происхождению и личным достоинствам. Второй критерий, которому автор отдавал предпочтение, позволял претендовать на статус джентльмена всем лицам незнатного происхождения, чье поведение отличалось достоинством²¹⁶. Высказанная Дефо популистская идея, подразумевавшая стирание сословных границ английского общества

²¹⁵ Уваров П. Ю. Старый порядок социальных именовании во французских нотариальных актах: нобилитет и нотабли // Средние века. 2008. № 69 (1). С. 57.

²¹⁶ См.: Defoe D. Op. cit.

XVIII века, не могла положительно восприниматься правящими кругами и, возможно, поэтому трактат не был опубликован при жизни писателя. Важной роли личных качеств посвящены «Письма к сыну» графа Честерфилда (1774)²¹⁷. В них понятия *good breeding* (воспитание), *education* (образование) и в некоторых случаях *knowledge* (знание) идут рука об руку с понятием *джентльмен*. Граф обращает внимание сына на важность личных заслуг и хорошего воспитания в приобретении хорошей компании. По его мнению, ученый без хорошего воспитания является всего лишь педантом, философ — циником, солдат — животным, а обычный человек — попросту неприятной особой (письмо 14)²¹⁸. Знание автор «Писем» считал визитной карточкой джентльмена, который должен разбираться в языках, истории, географии и философии, логике, риторике и ряде других дисциплин (письмо 24)²¹⁹.

В литературе XVIII века писатели продолжают обращаться к образам джентльменов. «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта, происходившего из небогатой протестантской семьи, являются сатирой, высмеивающей пороки тогдашнего английского общества. Джентльменами он называет аристократов — богачей и членов парламента. Как и Шекспир, Свифт изображает придворного, который назван *gentleman-usher* (слово *usher* подчеркивает роль прислуживания другому лицу)²²⁰. В романе Г. Филдинга «История Тома Джонса, найденыша» (1749) обсуждаемое понятие характеризует в основном персонажей высокого социального статуса, чаще всего знать. Джентльмены преимущественно получают наследство и охотятся²²¹. Не является исключением и незаконченный роман Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1759—1767), где джентльменом выступает человек, проживающий в сельской местности и содержащий лошадей, что явно свидетельствует о его высоком социальном

²¹⁷ В разных изданиях нумерация писем отличается. В настоящем тексте номера писем даются по изданию 1890 года.

²¹⁸ *The Best Letters of Lord Chesterfield*. P. 59.

²¹⁹ *Ibid.* P. 86.

²²⁰ *Swift J.* Op. cit. P. 88.

²²¹ *Fielding H.* Op. cit.

статусе²²². Писатель использует выражение *English gentleman of fashion* для обозначения знатного человека, который даже может принимать участие в королевской охоте²²³. Человека, обладающего благородными качествами, Стерн описывает словосочетанием *gentleman of many virtues* (джентльмен многих добродетелей)²²⁴. Заметно, что уже во времена писателя семантическое поле понятия было довольно широким, вероятно, поэтому Стерн уточняет значение понятия, подчеркивая достоинства человека (*of many virtues*). Представленные примеры демонстрируют, что художественная литература XVIII века, отражавшая реалии современного ей общества, была довольно консервативной и практически не реагировала на призывы публицистов расширить границы применения понятия *джентльмен*.

В XVIII веке слово *джентльмен* встречается на страницах словарей гораздо чаще, чем в предыдущем столетии. В словаре «Глоссография Англикана Нова» (*Glossographia Anglicana Nova*) 1707 года так обозначен человек почтенного происхождения или тот, кого признают за знатность, а не за его род деятельности или за полученный от правителя патент²²⁵. В этом определении знатность еще не приравнивается к определенной деятельности человека.

В словаре Т. Дайча и У. Пардона (1735) подчеркивалось, что помимо происхождения и обладания гербом джентльмен не должен быть вовлечен в занятие ручным трудом, что отсылает еще к позднесредневековому взгляду на джентльмена. Так, например, в XVIII столетии это понятие распространялось на юриста (*lawyer*) или врача (*physician*). В этом же словаре авторы фиксировали синонимичность слов *джентльмен* и *кавалер* (*cavalier / cavaleer*), последнее из которых обозначало рыцаря или конного воина, сторонника Карла I в период гражданской войны в Англии²²⁶.

²²² Sterne L. Op. cit. P. 21.

²²³ Ibid. P. 466.

²²⁴ Ibid., p. 42.

²²⁵ См.: Blount Th. Op. cit.

²²⁶ A New General English Dictionary.

Полтора десятилетия спустя четвертое издание универсального этимологического словаря (1756) Н. Бэйли добавляет к содержанию понятия *джентльмен* ряд существенных признаков. Кроме родовитости человек мог считаться джентльменом за заслуги в мирное или военное время, которые обуславливали право на собственный герб. Автор описывал и уже известный ранее альтернативный способ приобретения статуса: «В наши дни каждый, кто имеет деньги, считается джентльменом, и если у него нет герба, то герольдмейстер может ему его продать»²²⁷. Еще одним признаком, который Бэйли прямо не называет и который отрицается в определении понятия, данном в начале XVIII века, выступает определенная сфера деятельности, которая обеспечивала звание джентльмена: «Если человек является джентльменом лишь постольку, поскольку он занимает определенную должность, то, потеряв эту должность, он теряет и свою знатность»²²⁸. Вслед за этим автор упоминает особые права джентльменов: если один джентльмен оскорблял другого, то между ними был возможен поединок, в то время как крестьянин, получивший оскорбление, мог искать справедливости только в суде в силу неравенства социального положения; показания джентльмена в суде считались априори более правдоподобными, чем свидетельства крестьянина, а за одинаковые преступления джентльмен получал наказание более мягкое, чем крестьянин; при допросе джентльмена нельзя было применять пытку и даже в случае смертной казни он имел привилегию — его жизнь заканчивалась не на виселице, а на плахе, что, по-видимому, считалось более изящной смертью, которой достойны лучшие из лучших.

В то время как одни словари отражают определенную динамику развития понятия *джентльмен*, другие, напротив, консервативны. Например, седьмое издание словаря Дж. Керси 1757 года не содержит тех значений понятия, которые уже зафиксированы в словаре Бэйли, а предлагает исключительно старое значение *человек благородного происхождения* (а

²²⁷ Bailey N. Op. cit.

²²⁸ Ibid.

person of honorable birth)²²⁹. Это обстоятельство может объясняться либо неосведомленностью издателя словаря об уже известных до него значениях понятия, либо его особым отношением к изменениям в языке.

В третьем издании словаря С. Джонсона (1768) впервые представлен широкий набор значений понятия *джентльмен*:

1. Человек почтенного происхождения, но не обязательно принадлежащий к знати.
2. Человек, не принадлежащий к простонародью благодаря своим качествам или служебному положению.
3. Мужчина (учтивое обращение).
4. Слуга, ожидающий знатную особу.
5. Любой человек, занимающий высокое положение в обществе²³⁰.

Тот же перечень значений присутствует в словаре английского языка Т. Шеридана (1780)²³¹. Можно уверенно говорить, что ко второй половине XVIII века понятие *джентльмен* описывает различные состояния или статусы человека.

С учетом того, что между источниками неизбежно существуют временные промежутки, восполнять лакуны в истории понятия на протяжении таких периодов приходится на основании сопоставления данных источников предшествующих и следующих за такими промежутками. Так, можно допускать, что в начале XIX века сохранялись все те социальные смыслы, которыми обладало понятие *джентльмен*, на что указывает то, что и в 1820-е годы англичане придавали статусу джентльмена социально ограниченный характер.

Итак, точное время возникновения понятия *джентльмен* в средневековом английском языке установить не удастся. Вероятно, это слово возникло в языке приблизительно в XI веке, на что указывает его этимология,

²²⁹ Kersey J. Op. cit.

²³⁰ Johnson S. Op. cit.

²³¹ Sheridan Th. Op. cit.

но в письменных источниках оно встречалось по крайней мере с XIII века. Разные группы источников показывают, что на протяжении позднего Средневековья и Нового времени до первого десятилетия XIX столетия в Англии в содержании понятия *джентльмен* происходили перемены. Долгое время под джентльменами понимались преимущественно представители знати, в связи с чем в источниках акцент делался на соответствующих признаках — принадлежности к знатной семье, обладании гербом и подобающем образе жизни, в частности отсутствии необходимости трудиться ради заработка. История понятия *джентльмен* — это история соотношения мнений разных людей и общественных групп о том, кто действительно является джентльменом. В XVII веке начинается словарная эпоха понятия, ведущая отсчет от появления слова *джентльмен* на страницах первого моноязычного словаря английского языка. На протяжении XVII—XVIII столетий словари консервировали прежние смыслы понятия *джентльмен* как в первую очередь социального, однако с XVII века на культурные аспекты джентльменства обратили внимание публицисты, в произведениях которых звучал гимн внутренним качествам личности. В свете этого джентльмен оказывался уже не просто аристократом («по крови»), но и носителем персональных достоинств («по манерам»). Усиление культурных аспектов в содержании понятия происходило в том числе на фоне экономических процессов XVI — первой половины XVII века, в которые были вовлечены джентри. Успешность их предпринимательской деятельности в определенной мере зависела от проявлявшихся ими личных качеств. Во многом эти качества, определяющие поступки человека, станут в дальнейшем ориентиром для незнатных людей в стремлении получить желанный и освященный несколькими столетиями британской истории статус джентльмена. Однако до начала XIX века круг тех, кто обсуждал статус джентльмена, был довольно узким, так как эта тема фигурировала преимущественно в произведениях внушительного объема (трактатах, руководствах, романах) и ограниченного тиража. Ситуация стала меняться с

появлением дискуссий о джентльменстве в виде небольших статей на страницах периодической печати, имевшей большой тираж и бóльшую доступность для широких слоев общества. Активизации внимания к внутренней проблематике способствовало и затишье в международных отношениях, в частности мир, установившийся в Европе после окончания Наполеоновских войн.

Глава 2. Английское джентльменство как социальное явление 1820—1890-х годов

§ 1. Джентльмен в системе социальных связей

Когда речь заходит о джентльменстве как о социальном явлении, перед исследователем встает задача очертить, насколько это возможно, границы распространения этого явления в английском обществе, иными словами — определить, представители каких общественных категорий считались в Англии на протяжении большей части XIX века джентльменами. Решение этой задачи требует рассмотрения связей джентльменства с различными категориями английского социума того времени, роли образования как маркера джентльменства, а также отношений между представителями обоих полов.

В первом параграфе рассматривается соотношение статуса джентльмена и социального положения его обладателя. Внимание уделено общественным дискуссиям о том, в какой мере этот статус определялся социальными характеристиками (происхождением, родом деятельности, образованием). Образование (система обучения и воспитания) принадлежит одновременно к социальной и к культурной сфере, однако в настоящей работе образованность трактуется преимущественно как социальная характеристика джентльменства, так как характер того образования, которое получал англичанин в XIX веке, прежде всего определялся его социальным статусом.

Дискуссии о социальном положении джентльмена

Отмечая активный интерес в XIX веке Англии к идее джентльменства, Ф. Мэйсон писал, что на протяжении большей части этого столетия понятие

джентльмен служило англичанам второй религией, менее требовательной, чем христианство²³². Меньшая требовательность выражалась, вероятно, в отсутствии единого строгого норматива, соблюдение которого позволяло людям считаться джентльменами. Это видно уже из определений слова *джентльмен* в словарях, фиксирующих практику употребления этого слова. В 1828 году словарь Н. Вебстера определял джентльмена в широком смысле как человека, чей статус был выше йомена, а в узком смысле — того, кто не имел аристократического титула, но при этом обладал гербом, или чьи предки были свободными гражданами²³³. В основе такого определения лежали критерии джентльменства, восходившие, как показано в предыдущей главе, еще к Средневековью. В то же время Вебстер подчеркивал, что в тогдашней Англии понятие *джентльмен* применялось вообще к культурному человеку, получившему образование. В словаре Дж. Ноулза (1835) под джентльменом понимался человек, не являющийся простолюдином благодаря своим личным качествам (*by his character*) или должности (*post*). Слово *gentleness* обозначало при этом как величественность происхождения, так и некоторые черты джентльменского поведения, например мягкость, кротость и доброту²³⁴. Словарь А. Рида (1844) определял джентльмена по рождению, образованию или профессии²³⁵.

До последней трети столетия язык отличался некоторой строгостью в использовании слова *джентльмен* в том смысле, что его определения встречались в этимологических и толковых словарях, однако уже в последней трети XIX века слово укореняется даже в словарях викторианского сленга. В частности, выражение *barber's clerk* использовалось для обозначения самонадеянного молодого человека, разодетого и подражавшего манерам джентльмена²³⁶, а словарь 1874 года

²³² *Mason Ph.* Op. cit. P. 12.

²³³ См.: *Webster N.* Op. cit.

²³⁴ См.: *Knowles J.* Op. cit. P. 310.

²³⁵ *Reid A.* Op. cit. P. 180.

²³⁶ См.: *Barrere A., Leleland Ch.* Op. cit. P. 79.

уточнял, что выражение относилось к изображавшему джентльмена посыльному из магазина²³⁷. Существование практик подражания осложняет задачу уточнения социального положения человека, который мог считаться джентльменом. Слово *тасе* описывало мошенника, который принимал облик джентльмена, одалживая часы или обзаводясь спутницей, и обманывал окружающих²³⁸. Наконец, в конце столетия англичане ассоциировали с джентльменами и животных, что было едва ли возможным ранее. Так, хвалебным отзывом о беговой лошади была характеристика *quite a gentleman* (вполне себе джентльмен)²³⁹, а в Ирландии крестьяне даже называли свинью «джентльменом, который платит ренту»²⁴⁰.

К началу XX века «Новый английский исторический словарь» (1901) предлагал довольно широкий набор как актуальных, так и устаревших значений слова *джентльмен*. Так англичане продолжали называть человека знатного происхождения, находившегося при дворе монарха или другого лица высокого ранга. Под джентльменом также понимали человека, знатность происхождения которого сочеталась с соответствующими личными качествами и поведением. Составители словаря отмечали в то же время, что в этом значении слово *gentleman* определялось более поздними смыслами, которые приобрело слово *gentle*. Кроме того, одна из пометок составителей указывала, что в недавней (на момент составления словаря) практике использования слово *джентльмен* выступало как синоним слова *мужчина* (*man*) в наиболее вежливой форме без учета социального ранга²⁴¹, что, по всей видимости, было одним из следствий общественной демократизации. Однако, как показывает словарь, в других контекстах понятие *джентльмен* все еще сохраняло некоторую связь с социальным положением человека. Признаком джентльменства все еще был образ жизни

²³⁷ *The Slang Dictionary*... P. 78.

²³⁸ *Farmer J. S., Henley W. E.* Op. cit. P. 279.

²³⁹ *A New English Dictionary*... P. 119.

²⁴⁰ *Redding Ware J.* Op. cit. P. 140.

²⁴¹ *A New English Dictionary on Historical Principles*. P. 119.

без необходимости заниматься каким-либо родом деятельности для заработка (trade), и именно в этом значении слово встречалось в официальных документах²⁴². Наибольший интерес при рассмотрении английских социальных отношений в рассматриваемый период, строившихся вокруг статуса джентльмена, вызывает, пожалуй, именно отмеченное в словаре использование в конце столетия слова *джентльмен* безотносительно к социальной принадлежности человека, что указывает на общедоступность наименования *джентльмен*, за которую так боролись незнатные слои общества.

При всей важности словарей как источников, фиксировавших практику употребления слова *джентльмен*, обращение лишь к словарным определениям не позволяет реконструировать специфику социальных отношений в Англии. В этом отношении представляют пользу материалы периодической печати, в частности газеты XIX века, которые, однако, в ряде случаев заимствовали материал для публикации из других источников. В 1823 году английский историк и богослов Э. Нерс в книге «Геральдические аномалии» описал случай, который впоследствии был придан огласке газетами «Карлайл Пэтриот» и «Вестморленд Газетт». Между несколькими наездниками было заключено пари, по условиям которого тот, кто придет к финишу первым, должен был получить приз, но с условием, что победитель заезда был джентльменом. Первой пришла лошадь пожилого наездника, победа которого была оспорена в суде его молодыми соперниками, к слову, членами парламента, на том основании, что счастливчик не отвечал их представлениям о джентльмене. Как писали репортеры, на заседании суда парламентарии выступали в роли свидетелей обвинения в том виде, в котором участвовали в скачках, — в одежде, забрызганной грязью, в сапогах со шпорами. Знатные парламентарии вели себя грубо по отношению к другим участникам процесса. Несмотря на это, в силу рода их деятельности и богатства эти люди признавались в суде настоящими джентльменами (*proper*

²⁴² Ibid.

Gentlemen) даже вопреки внешнему виду и манерам, в то время как обвиняемый, одетый опрятно и отличавшийся приличным поведением, но не принадлежавший к знатной семье, не имел достаточных оснований считаться таковым, о чем в суде заявил адвокат ответчика.

Тот факт, что ответчик был небогат, не позволял в данном случае считать его джентльменом в том смысле, в котором джентльменами были истцы. Бережливость, отнюдь не свойственная знати, и отсутствие долгов также выдавали в ответчике простолюдина. Однако в защитной речи адвокат апеллировал совсем к другим качествам джентльмена — обвиняемый вырастил детей честными и бережливymi, являл собой образец морали и был верующим, хорошим семьянином, всегда выполнявшим свои обещания. По итогам судебного процесса ответчик был признан джентльменом на основе его личных достоинств. Переполненный зал отреагировал на решение судьи бурными аплодисментами²⁴³. Этот случай демонстрирует, что представители среднего класса (и ответчик, и, по всей видимости, публика в зале суда), понимая, что они не обладают знатным происхождением, тем не менее, считали себя джентльменами. В пользу этого говорит и другое происшествие, зафиксированное газетчиками. В 1834 году на одном из лондонских рынков произошел конфликт между двумя торговцами, в ходе которого один из участников заявил другому, что тот не джентльмен, и получил в ответ удар в лицо²⁴⁴. Такая реакция в некотором роде делает ситуацию похожей на дуэль, где сторона, получившая оскорбление, прибегает к поединку для восстановления своей чести. Уже из этих описанных прессой случаев видно, что англичане, занимавшие разное положение в обществе, тем не менее считали себя вправе называться джентльменами. Как правило, это были разные представители многочисленного среднего класса.

²⁴³ *Nares E.* Op. cit. P. 4—9; *What is a Gentleman?* // *The Carlisle Patriot*. 1823. 7 June. P. 3; *What is a Gentleman?* // *The Westmorland Gazette*. 1823. 14 June. P. 4.

²⁴⁴ *What is “A Gentleman?”* // *The Westmorland Gazette*. 1834. 1 March. P. 4.

Описанный конфликт подтверждает высказанное двадцатью годами позже замечание А. де Токвиля о понятии *джентльмен* в Англии: «Мы обнаруживаем, что с каждым последующим столетием оно применяется к людям на более низкой ступени социальной лестницы»²⁴⁵. Под джентльменом Токвиль здесь понимает, скорее всего, не исключительно представителя знати — иначе во французском тексте он мог бы вместо английского слова *gentleman* использовать французское *gentilhomme*, — а в большей степени человека, соблюдающего определенные нормы поведения. Но при этом, в статусе джентльмена, по Токвилю, культурные характеристики тесно связаны с социальным положением человека.

Уже в первой половине столетия либеральная газета «Лестер Кроникл» предлагала определять джентльмена только на основе таких качеств, как открытость, щедрость и честность. Им мог быть «любой человек гуманного и учтивого поведения» — даже земледелец!²⁴⁶ Такая аттестация вполне устраивала широкий круг представителей средних классов.

Перемены в английском обществе в период правления королевы Виктории открыли бóльшую свободу социальных лифтов, что привело к ранее невиданному явлению. Д. Лоример утверждает, что статус джентльмена пожелали получить в условиях появившихся возможностей и представители негроидной расы, которых до этого использовали исключительно как рабочую силу. Нежелание английских джентльменов принимать в свои круги темнокожих вылилось в презрительное отношение первых к таким внешним физическим признакам бывших рабочих, как цвет кожи, внешность и пр.²⁴⁷ Волна подобной ксенофобии приходилась на 1850-е — середину 1870-х годов, что хронологически соотносится со средневикторианским периодом.

Дж. Бест отмечает, что в средневикторианский период обсуждаемое понятие было напрямую связано не столько с социальной мобильностью,

²⁴⁵ *Tocqueville A. L'ancien Régime et la Révolution. Paris, 1856. P. 152.*

²⁴⁶ В оригинале: "...whoever is of humane and affable demeanour...such a man is a gentleman, and such a man may be found among the tillers of the earth". *What Makes a Gentleman? // The Leicester Chronicle. 1835. 7 Nov. P. 1.*

²⁴⁷ *Lorimer D. A. Op. cit. P. 112—113.*

сколько с принятием человека той или иной общественной группой. Бест подчеркивает, что викторианец считался джентльменом тогда, когда замечал соответствующее отношение к себе²⁴⁸. Но и здесь все было не так просто. Пример специфических критериев, по которым разные общественные группы определяли джентльменов, дает «Вестморленд Газетт»: Геральдическая палата считала джентльменом того, кто обладал личным гербом, хоть и не принадлежал к знати, в то время как в представлениях университетской корпорации герб не имел значения — упор делался в первую очередь на знании классических языков²⁴⁹.

Чувствителен был к состоянию общественных взглядов и популярный литературный журнал «Корнхилл Мэгэзин». В 1862 году известный английский юрист Дж. Ф. Стивен опубликовал в нем статью под названием «Джентльмены», где отмечал, что хотя в то время слово *джентльмен* предполагало сочетание благородного происхождения с соответствующими качествами, но было уже очевидно, что «...усиливается тенденция делать ставку больше на моральную, чем на социальную составляющую слова [джентльмен], и возможно, что со временем его использование перестанет ассоциироваться с любыми общепринятыми отличиями»²⁵⁰. Этими отличиями в статье признавались принадлежность к знатной семье и обладание качествами, характерными для члена такой семьи. Статьи похожего содержания продолжали выходить вплоть до конца викторианской эпохи в газетах «Стар», «Уитстейбл Таймс», «Абердин Ивнинг» и др.²⁵¹

Те же процессы, что происходили в английском обществе, протекали и в соседней Шотландии. Газетные публикации, авторы которых преимущественно определяли джентльмена по его поведению, отражали постепенное вытеснение аристократического идеала джентльменства

²⁴⁸ Best G. Op. cit. P. 270.

²⁴⁹ What is “A Gentleman?” // The Westmorland Gazette. 1834. 1 March. P. 4.

²⁵⁰ Gentlemen // The Cornhill Magazine. P. 330.

²⁵¹ См., например: What is a Gentleman? // The Star. 1879. 2 Sep. P. 4; What is a Gentleman? // Whitstable Times and Herne Bay Herald. 1888. 5 May. P. 3; What is a Gentleman? Replies in Aberdeen Small Debt Court // Aberdeen Evening Express. 1889. 31 Oct. P. 3.

буржуазным. Причем признание за широкими слоями населения возможности быть джентльменами исходило также и от должностных лиц, например судей. Пример этого находим в опубликованной в местной газете стенограмме заседания в суде мелких тяжб Абердина. Истец, ветеринарный врач по профессии, просил судью удовлетворить его ходатайство о взыскании платы за осмотр лошадей капитана Френсиса Фрейзера в большем размере по сравнению с платой за такую же услугу, оказанную фермеру-арендатору. В записи о крещении его дочерей капитан Фрейзер значился как джентльмен²⁵². На вопрос судьи, по какому принципу истец разделяет своих клиентов, тот ответил, что сама королева сделала капитана Фрейзера джентльменом, пожаловав ему воинское звание. В дальнейших репликах судьи раскрывался буржуазный образ джентльмена как человека, самостоятельно получающего этот статус благодаря соответствующему поведению. По его мнению, даже фермер мог быть джентльменом. В итоге суд отказал врачу в ходатайстве и подтвердил неприемлемость деления общества на джентльменов и тех, кто ими не является по роду деятельности²⁵³. Нельзя однозначно утверждать, что демократические принципы восторжествовали в вопросе об идентификации джентльменов, однако этот случай дает понять, что к концу XIX столетия уже не только простолюдины робко заявляли о своих правах на желаемый статус, но даже чиновники из числа судей трактовали понятие *джентльмен* расширительно.

Газетная реклама редко привлекает внимание исследователей. Между тем она помогает проследить, что уже в середине XIX века понятие *джентльмен* имело тесную связь с финансовой сферой. Особую группу рекламных текстов формировали объявления ростовщиков, буквально

²⁵² *The Kings Candlesticks — Family Trees*. URL: <http://www.thekingscandlesticks.com/webs/pedigrees/11325.html> (дата обращения: 17.03.2018).

²⁵³ *What is a Gentleman? Replies in Aberdeen Small Debt Court // Aberdeen Evening Express*. 1889. 31 Oct. P. 3.

называвших себя *частными джентльменами* (private gentlemen), из чего следовало, что кредиторы были частными лицами.

Фигурировали джентльмены и в объявлениях, связанных со сферой бизнеса. В объявлении в газете «Ливерпул Меркури» за 1853 год джентльмен, описывавший себя как человека респектабельного и хорошо разбиравшегося в бизнесе, искал другого джентльмена, который мог бы его легально устроить на работу²⁵⁴. На той же странице было размещено другое объявление следующего содержания: «Джентльмен, с 1843 года живущий в Мадриде и хорошо знающий язык, законы и физическую географию Испании, желает действовать в качестве агента для любого английского коммерческого дома в деле экспорта зерна, масла, вина или фруктов из упомянутой страны или в деле продажи товаров британского производства...»²⁵⁵

В данном случае викторианская реклама показывает, что торговцы и бизнесмены активно называли себя в разных ситуациях джентльменами. Исключительно важным фактором коммерции выступало взаимное доверие, которое проявляли друг к другу заключавшие сделку стороны, поэтому использование слова *джентльмен* в рекламных текстах, вероятно, было нацелено на то, чтобы вызвать доверие со стороны потенциального клиента²⁵⁶.

К концу столетия ситуация меняется настолько, что самоидентификация джентльменов порой приобретала курьезный характер. Так, газета «Линкольншир Эхо» в 1894 году описывала судебный процесс, во время которого на вопрос судьи о социальном положении ответчика было заявлено,

²⁵⁴ *Douceur* // The Liverpool Mercury and Double Supplement. 1853. 11 Nov. P. 2.

²⁵⁵ *A Gentleman, residing...* // The Liverpool Mercury and Double Supplement. 1853. 11 Nov. P. 2.

²⁵⁶ В XX веке связь представлений о честности с понятием *джентльмен* выразилась в распространении словосочетания «джентльменское соглашение» (gentleman's agreement), обозначающего заключение сторонами сделки на основе устной договоренности, подразумевавшей доверие к партнеру. См., напр.: *Collins COBUILD English Language Dictionary* 1987. P. 604; *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English* 1992. P. 515.

что тот является джентльменом. Общий смех в зале суда вызвало пояснение, что ответчик никогда не работал, вследствие чего считал себя джентльменом. Есть основания полагать, что, по крайней мере, в последнем десятилетии XIX века понятие *джентльмен* было обогащено коннотацией безделья и праздного образа жизни²⁵⁷.

Наряду с прессой сохраняла свое значение публицистика, включавшая трактаты и руководства по поведению. Источники показывают, что в некоторых кругах общества, представители которых вероятно придерживались консервативных взглядов, существовал протест против демократизации статуса джентльмена и, соответственно, вольной самоидентификации индивидов как джентльменов. Среди произведений этого круга выделяется анонимный трактат 1849 года, адресованный младшим братьям автора. В тексте описывалась тенденция присваивания титула джентльмена различными представителями общества. Автор отмечал, что, едва заняв в обществе определенное положение, человек торопился примерить на себя этот титул, а затем награждал им родственников и потомков. Получив такую привилегию, новоиспеченные джентльмены не спешили отказываться от практики использования этого понятия применительно к себе²⁵⁸. Следствием этого становились частые ошибки в использовании понятия *джентльмен* — оно без разбора применялось ко всем, кто по статусу был выше ремесленника (*handicraft*) или других лиц, занятых физическим трудом (*manual labor*). Автор прямо не называл социальную принадлежность тех, кто, по его мнению, ошибочно обозначали себя джентльменами, но по указанным им характеристикам профессиональной деятельности угадываются представители как раз среднего класса. Далее в руководстве излагались принципы настоящего джентльмена, в числе которых одним из важнейших был принцип религиозности: «В моем представлении наивысшей похвалой моему

²⁵⁷ *What is a Gentleman?* // *Lincolnshire Echo*. 1894. 2 May. P. 3.

²⁵⁸ *The English Gentleman*. P. 2.

дорогому другу было бы сказать, что он христианский джентльмен... Это то, в силу чего я отделил бы его... от мира эгоизма и притворства...»²⁵⁹ Позиция автора сочинения говорит о том, что в неразберихе, которую породили претензии среднего класса на высокий статус, именно следование индивида христианским принципам позволяло идентифицировать его как подлинного джентльмена.

В сочинении С. Смайла «Самопомощь» ключевыми признаками джентльменства были определены приверженность моральным принципам и самоуважение как основа уважения к окружающим²⁶⁰. Ничто так не обнадеживало людей разных профессий, стремившихся улучшить свое положение в обществе, как утверждение Смайла о том, что богатство и титулы не были обязательными атрибутами джентльменства. «Бедняк, — писал он, — может быть настоящим джентльменом в душе и в повседневной жизни»²⁶¹. Автор трактата «деконструировал» классовые барьеры, отрицая неременную ограниченность джентльменства лишь кругами социальной элиты. Подобные идеи в публицистике второй половины XIX века кардинально меняли сознание средних классов, легитимируя претензии их представителей на желанный статус.

Несмотря на то что во второй половине XIX века принадлежность к высшим кругам общества уже не являлась *sine qua non* для приобретения статуса джентльмена, стремление простых англичан к равноправию с привилегированными слоями обнаруживало тесную связь претендентов на статус со знатью в части необходимости соответствовать манерам поведения, принятого в высших кругах. Следовательно, в обществе росли запросы на знания об этикете высшего класса. Удовлетворению этих запросов способствовали руководства по поведению, детально описывавшие

²⁵⁹ В оригинале: “In my own idea, the very highest praise I could give my dearest friend, would be to say, that he was a Christian Gentleman... It is something by which I would have him... separated from the world of selfishness and false feelings...” Ibid. P. 6.

²⁶⁰ Smiles S. Op. cit. P. 326.

²⁶¹ Ibid. P. 328.

различные стороны жизни знатных джентльменов²⁶². В самой практике строгой регламентации статуса прослеживается еще сохранявшаяся связь понятия *джентльмен* с миром аристократии и джентри. Одним из произведений этого жанра является руководство «Как себя вести» Т. Л. Николса, в котором представители средних классов находили советы по части одежды, манер, правил разговора, поведения в семейном кругу и пр. Отдельной главой представлена справка об аристократии. Отсутствие в руководстве подобных сведений о средних классах подтверждает, что целевой аудиторией таких руководств были именно выходцы из них.

Максимами в поведении джентльмена руководство провозглашало мягкость и благородство манер, твердость и энергичность в действиях²⁶³. Понятие использовалось и в характеристике профессий. Так, офицер и солдат описываются там как джентльмены потому, что, служа своему государству и обществу, готовы жертвовать собой. Обращает на себя внимание совет, касавшийся финансового обогащения. Приобретение состояния нечестным путем или через торговую деятельность отмечалось как недостойное джентльмена²⁶⁴. Торговля как род деятельности была неприемлема для джентльмена потому, что традиционно считалась занятием людей с вульгарными манерами, а также, по убеждению Николса, всегда была связана с обманом, тогда как джентльмен обманывать не мог априори²⁶⁵. Еще десятилетием ранее американец Дж. Г. Калверт отмечал, что даже в Англии, несмотря на всю важность торговли, торговцев не признавали джентльменами²⁶⁶. Подобные утверждения были прямо противоположными реалиям предыдущих столетий. Как показывает М. В. Винокурова, джентри, или новое дворянство, в XVI — первой половине XVII века выступали как

²⁶² См., например: *Routledge's Manual of Etiquette; The Habits of Good Society: a Handbook of Etiquette for Ladies and Gentlemen.*

²⁶³ *Nichols Th.* Op. cit. P. 219.

²⁶⁴ *Ibid.* P. 226.

²⁶⁵ В оригинале: “Any one can see that a gentleman cannot go about stealing money from people in that way; and it is also easy to see that people who do such things are not gentlemen; and because tradesmen are constantly and systematically doing such things they are not considered gentlemen, and never can be until trade is reformed and made honest...” *Ibid.* P. 180.

²⁶⁶ См.: *Calvert G. H.* Op. cit. P. 12.

землевладельцы, сочетавшие ведение хозяйства с активной предпринимательской деятельностью, в том числе инвестированием в промышленность и торговлю в отличие от пэров, которые не занимались капитализацией своих хозяйств, а жили на доходы от земельной ренты²⁶⁷. Возможной причиной подобных охранительных взглядов в XIX веке, в период снижения требований к статусу джентльмена, могло быть стремление предотвратить падение его престижа.

Итоги социальных изменений в конце 1880-х годов подвел писатель Р. Л. Стивенсон в статье, опубликованной в мае 1888 года в журнале «Скрибнерс Мэгэзин». Демократизацию статуса джентльмена в XIX веке он связывал с двумя тенденциями, явно просматривавшимися в конце викторианской эпохи, — ростом социальных амбиций среднего класса и отступлением аристократии, выраженным в изживании церемониального элемента²⁶⁸.

Публицистика викторианской эпохи стала своего рода камертоном, улавливавшим настроения английского общества. Отвечая на запросы средних классов, она невольно, а возможно и целенаправленно, расширяла границы понятия *джентльмен*, открывая дорогу вверх по социальной лестнице даже бедняку, который теперь мог быть джентльменом, как писал Смайз, и «в душе, и в повседневной жизни». В этом отношении произведения подобного рода, как это обычно бывает в модернизирующихся обществах, опережали лексикографию. Практика использования понятия *джентльмен* в XIX веке показывает, что оно повторяло судьбу многих социально-политических понятий, о которых Р. Козеллек писал, что они в своем развитии проходят несколько этапов, в том числе претерпевают демократизацию, которая выражается в расширении границ применения понятия и аудитории, использующей это понятие²⁶⁹.

²⁶⁷ Подробнее см.: Винокурова М. В. Указ. соч.

²⁶⁸ Stevenson R. L. Op. cit. P. 635.

²⁶⁹ Козеллек Р. Введение. С. 27—28.

Образование

Несмотря на то что публичные школы возникли еще в Средние века, и в XIX столетии эти учреждения вызывали интерес у современников. Среди знатоков системы публичных школ был писатель Т. Хьюз, который в своей статье «Публичные школы Англии», опубликованной в 1879 году в американском журнале «Норт Американ Ревью», произвел обзор английских образовательных учреждений. Хотя описание предназначалось для читателей по ту сторону океана, автор показал, что и в самой Англии не было единого представления о том, что собой представляли эти учебные заведения. Писатель выделял три категории публичных школ: 1) девять старых учреждений, среди которых Итон (Eaton, 1440), Рагби (Rugby School, 1567), Вестминстер (Westminster School, 1560), Винчестер (Winchester College, 1382), Харроу (Harrow School, 1571—1572), Чартерхаус (Charterhouse, 1611), Сент-Полс (St. Paul's, 1509), Мерчант Тэйлорс (Merchant Taylors', 1561) и Шрусбери (Shrewsbury, 1552); 2) старые учреждения, остававшиеся до 1870-х годов местными грамматическими школами, но в последней трети XIX века расширявшие связи и приходившие в большее соответствие с системой публичных школ; 3) новые учреждения, образованные как публичные школы, с целью адаптации к обстоятельствам и вызовам современной английской жизни²⁷⁰. Статья Хьюза раскрывает более сложную картину школьной образовательной системы Англии XIX века, чем о ней имели представление даже сами ученики публичных школ. В деле определения статуса школ первой категории, выделенной Хьюзом, как публичных важную роль сыграла Кларендонская комиссия 1861—1864 годов, проводившая проверку образовательных учреждений. Члены комиссии определяли значимое положение девяти упомянутых публичных школ привлеченным к этим заведениям общественным вниманием²⁷¹.

²⁷⁰ Hughes Th. The Public Schools of England // The North American Review. 1879. Vol. 128, No. 269.

²⁷¹ Sampson A. Op. cit. P. 133.

При ближайшем рассмотрении системы публичных школ можно выделить несколько характерных для них черт: закрытый характер учебных заведений; относительную социальную однородность учащихся; частное финансирование школ (в основном за счет средств родителей, также окончивших эти школы); низкую степень зависимости от государственного контроля. Характерной чертой публичных школ было и то, что их ученики в отличие от воспитанников иезуитских колледжей, где частная жизнь находилась под неустанным контролем со стороны школы, пользовались свободой действий, естественно в рамках устава школы.

Внутри этих школ было осуществлено деление на дома, между которыми велась борьба за лидерство. Верность своему дому — первое, что должен был усвоить ученик. В. В. Овчинников указывает на важность роли такой структуры публичных школ, которая рождала в ребенке чувство причастности к определенной группе и учила разделять окружение на своих и чужих²⁷². В частных школах учились как дети из семей аристократов и джентри, так и дети из семей других социальных слоев. Например, школа Рагби при Т. Арнольде была учреждением, где детей из аристократических семей было меньшинство, тогда как большую часть составляли ученики из семей крупной буржуазии²⁷³.

Помимо общих черт, школы имели и некоторые внешние отличия, которые при этом не влияли на цель школьного образования. У. Черчилль вспоминал: «В Харроу и Итоне переключка проводится по-разному. В Итоне мальчики сбиваются в кучу и поднимают шляпы, когда их выкликают. В Харроу они вереницей идут мимо учителя в школьном дворе и по очереди откликаются»²⁷⁴.

Публичные школы приобрели классический вид в начале викторианской эпохи. В системе воспитания, которую культивировали такие привилегированные заведения, в XIX веке наметился особый курс на

²⁷² Овчинников В. В. Указ. соч. С. 412.

²⁷³ См.: Collins T. Op. cit. P. 5.

²⁷⁴ Черчилль У. Указ соч. С. 23.

формирование характера джентльмена. Цель этих школ — дать классическое образование для будущей публичной карьеры — определяла и характер образования. Наиболее престижными считались карьеры государственного чиновника или церковнослужителя. Упор делался на классические языки — латинский и греческий. В то же время проявлялась и противоположная тенденция в школьном образовании — некоторое пренебрежение интеллектуальными достоинствами²⁷⁵, так как исключительное значение в формировании личности джентльмена играло воспитание, к обучению же относились более снисходительно. А. П. Стенли, цитируя Арнольда, указывал, что главной задачей педагог видел не столько интеллектуальное совершенствование, сколько усвоение религиозных и моральных принципов, а также приверженность джентльменскому поведению²⁷⁶. И если уклон в сторону религии был, скорее, частным случаем Рагби при Арнольде, то цель воспитания в публичных школах, главным образом, характера юноши была общей чертой этих учреждений.

Несмотря на респектабельность этих учебных заведений, дети в них воспитывались в достаточно суровых условиях, готовивших молодое поколение джентльменов к подчас жестоким реалиям жизни. Неудивительно, что ученики подобных частных школ нередко отправлялись туда на учебу с большой неохотой. Торговец шерстью Дж. П. Найт, продолжавший семейное дело, сохранил о своей первой школе не самые лучшие воспоминания: «Для меня всегда было непостижимо, что мой отец, самый мягкий и самый добрый человек, который когда-либо жил на этом свете, мог отправить нас в школу, подобную той, в какую пошли мы с братом. Согласно модным веяниям того времени, школа с суровой дисциплиной была самой лучшей для юношей и делала из них крепких людей. Я не верю, что земля носила более злого и жестокого животного, чем Чарльз Данкан, управлявший школой, в которую

²⁷⁵ *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. 1987. С. 137.

²⁷⁶ *Stanley A. P., D. D.* The Life and Correspondence of Thomas Arnold, D. D., Late Head-Master of Rugby School, and Regius Professor of Modern History in the University of Oxford. L., 1877. Vol. 1. P. 107.

нас отправили»²⁷⁷. Их с братом классную комнату он описывал как «длинную узкую с окнами в обоих концах, что делало комнату очень темной в центре»²⁷⁸.

Случалось, что ученики младших классов подвергались издевательствам или, по крайней мере, притеснению со стороны старшеклассников, причем это притеснение носило вполне легитимный характер, так как, по всей видимости, многие ученики школ разделяли подобную практику — практику фэггинга (*fagging*). Фэггинг представлял собой усвоенную многими поколениями практику прислуживания младших учеников старшим. Первые выполняли указания своих патронов, вторые в свою очередь оказывали покровительство своим фэгам. К концу 1870-х годов фэггинг, по мнению Хьюза, сводился уже только к выполнению бытовых поручений, прислуживанию за столом и ассистированию при игре в крикет²⁷⁹. В воспоминаниях учившийся в Харроу У. Черчилль пишет: «Официально я так и не вырос из младших классов и потому не имел своего “салаги”»²⁸⁰. Свой любопытный опыт пребывания в шкуре фэга описал в своих воспоминаниях об учебе в школе Рэптон в начале следующего столетия и писатель Р. Даль. Ему выпала «честь» греть для старших учеников зимой сиденья унитазов в туалете за пределами школьного здания²⁸¹. Это было в порядке вещей и происходило повсеместно. Д. Ливен пишет, что зазнайство и самомнение у младших искоренялись старшими учениками, в то же время первым прививалось уважение к кодексу чести и мужества²⁸².

Культура фэггинга, несмотря на то что она, как может показаться, была основана на несправедливых принципах, представляла важное явление, поскольку выступала в качестве аналога управления государством, пусть и смоделированного в рамках школы. Не стоит забывать о том, что одной из

²⁷⁷ *Knight P.* Op. cit. P. 11.

²⁷⁸ *Ibid.*

²⁷⁹ См.: *Hughes Th.* Op. cit. P. 357.

²⁸⁰ Черчилль У. Указ. соч. С. 27.

²⁸¹ См.: *Dahl R.* Op. cit. P. 154.

²⁸² Ливен Д. Указ. соч. С. 200.

основных целей образования в публичных школах была подготовка будущих кадров для политической сферы, соответственно ученики этих школ должны были со школьной скамьи приучиться управлять и подчиняться. Отношение самих учеников к практике фэггинга Хьюз характеризовал так: «...в более мягкой форме, которую он приобрел в последние годы, в Винчестере фэггинг несомненно пользуется большой популярностью среди мальчиков, которые являются подчиненными, и, хоть это может показаться странным для читателей, живущих по ту сторону океана, он не был бы отменен завтра, если бы его существование было вынесено на голосование среди учеников младше пятого класса»²⁸³. Вероятно, каждый ученик мечтал о том, что, став старше, он также будет командовать фэгами.

Традиционным способом приучения воспитанников школ к дисциплине была порка розгами, которую сторонники телесных наказаний рассматривали как естественную часть процесса воспитания джентльмена²⁸⁴. При этом в Рагби в период директорства Арнольда (1828—1841) порка назначалась только за некоторые виды проступков, например, вранье, пьянство или привычку лениться²⁸⁵. Однако гораздо более важную роль в методике воспитания юношей Т. Арнольда играло его отношение к воспитанникам. По словам одного из его учеников, Арнольд «относился к ним как к джентльменам и разумным существам, заставляя их уважать самих себя одним тем, что сам демонстрировал уважение к ним»²⁸⁶.

Кроме воспитания детей элиты английского общества на протяжении столетий, что продолжалось и в рассматриваемый в работе период, публичные школы играли еще одну важную социализирующую роль — уже в ранневикторианскую эпоху они стали средством восходящей социальной мобильности для среднего класса, а в средневикторианский период эта роль

²⁸³ *Hughes Th.* Op. cit. P. 357.

²⁸⁴ *Paxman J.* Op. cit. P. 179.

²⁸⁵ *Stanley A. P.* Op. cit. P. 102.

²⁸⁶ *Ibid.* P. 100.

публичных школ окончательно утвердилась²⁸⁷. В 1850—1860-е годы джентльменские круги расширялись, включая в себя как представителей землевладельческой элиты, постоянным местом жительства которых были загородные усадьбы (*country seat*), так и новоявленных джентльменов-буржуа, частично живших в городах. Стирание границ между этими социальными категориями происходило уже на уровне следующего поколения. Дети и тех, и других оказывались в стенах публичных школ, где вдали от своих семей бок о бок проводили много лет, участвовали в общих школьных мероприятиях, что, в конце концов, не могло не способствовать смешиванию социальных и культурных идентичностей. Как отмечают исследователи, к последней четверти XIX века в Англии сложилось общее представление о джентльменстве, в соответствии с которым джентльменом считался тот, кто учился в публичной школе²⁸⁸. Соответственно, теперь был легитимирован джентльменский статус всех тех, кто был воспитанником публичной школы и мог позволить обучать там своих детей. Такое понимание джентльменства носило оттенок компромисса, сторонами которого были состоятельные круги — знатные семьи и семьи крупной буржуазии. Ситуация вокруг статуса джентльмена приобрела вид приоткрытой двери в помещение, в которое теперь можно было зайти большему числу людей, но все же не каждому. Категория джентльменов стала более доступной, но доступ был четко обусловлен. Несмотря на идеи публицистов или авторов газетных публикаций, провозглашавших, что джентльменами могли быть даже бедняки, если они отличались достойным поведением, образовательный ценз был препятствием на пути тотального упадка джентльменства.

Отношение к закрытым частным школам и их влиянию на молодую поросль не было однозначным на протяжении истории существования этих учебных заведений. Согласно Д. Ливену, споры об эффективности и

²⁸⁷ См.: *Best G. Op. cit. P. 275—276.*

²⁸⁸ См.: *ibid. P. 276; Gilmour R. Op. cit. P. 8.*

целесообразности воспитания в публичных школах велись еще в XVIII веке²⁸⁹. Но и в викторианскую эпоху единодушного мнения на этот счет не было сформировано. Такая ситуация описана Б. Дизраэли в романе «Вивиан Грей»²⁹⁰. Когда решалось, куда определить Вивиана на воспитание, то мистер Грей выступал за Итон, в то время как его жена считала, что публичные школы являются местом, где учеников жарят заживо, а потому она настаивала на домашнем образовании.

Общественная критика в адрес публичных школ основывалась на плохом преподавании, а также на случаях травли учеников со стороны их товарищей, насилии, совращении малолетних и ужасных условиях проживания. Показательным является случай, произошедший в Харроу в 1854 году. Староста избил другого ученика тростью так, что тому понадобилась медицинская помощь²⁹¹. Другой пример дает письмо итонского школьника родителям, в котором он жалуется на отмороженные места, ужасную работу преподавателей, не давших ученикам знаний, и плохие привычки сверстников²⁹². Дж. Лэндоу в статье, выражающей критическое отношение к британским частным школам, обращает внимание на то, что они были больше озабочены воспитанием джентльменов, чем подготовкой выпускников к испытаниям, с которыми они могли столкнуться в реальной жизни²⁹³.

После успешного окончания школы наиболее сознательным джентльменам было суждено продолжить свое образование в одном из ведущих университетов британской системы образования — Оксфорде или Кембридже, а в случае окончания военного класса — в королевских военных академиях Сандхерст или Вулидж²⁹⁴.

²⁸⁹ Ливен Д. Указ. соч. С. 197.

²⁹⁰ *Disraeli B.* Op. cit. P. 10.

²⁹¹ *Коуту К.* Английское воспитание.

²⁹² См.: *Рахман J.* Op. cit. P. 178.

²⁹³ *Landow G.P.* A Critical View of British Public Schools. URL: <http://www.victorianweb.org/history/education/eh4.html>

²⁹⁴ См.: *Черчилль У.* Указ. соч. С. 27.

Оксфорд и Кембридж — это своего рода опознавательные знаки наряду с Биг-Беном, Тауэром, Темзой, Букингемским дворцом, услышав о которых даже иностранец сразу понимает: речь идет об Англии. Трудно представить два этих гиганта английской культуры без традиционной борьбы оксфордской и кембриджской восьмерок, пересекающих лодками гладь Темзы. Студенческая регата, собирающая ежегодно миллионы зрителей в Англии и за ее пределами, является наглядным проявлением антагонизма двух университетов уже в течение семи веков. Тем не менее выпускники Оксфорда, проявляя презрение к выпускникам всех университетов мира, с особым уважением относятся к выпускникам Кембриджа, с которыми им приходится делить свою избранность²⁹⁵. В середине XIX века появилось понятие «Оксбридж», объединившее названия обоих университетов в единое целое, но не в физическом смысле, а, скорее, в понимании англичанами роли этих университетов в системе английского элитного образования, которое благодаря Уильяму Теккерю стало возможным обозначить одним словом²⁹⁶. Распространение, однако, это понятие получило лишь век спустя, когда, по всей видимости, появилась необходимость выделить два этих университета на фоне всех остальных, соединив воедино два центра формирования национальной элиты. История же Оксфорда и Кембриджа намного древнее, чем термин «Оксбридж», и уходит корнями в Средневековье.

Стоит уделить особое внимание внутреннему устройству этих университетов, поскольку оно отличалось от привычной структуры европейских и американских аналогов. Структура Оксбриджа представляет собой следующую схему: университеты включают в себя автономные колледжи, «которые играют... неизмеримо большую роль, чем существующее параллельно деление на факультеты»²⁹⁷. Говоря о функциях колледжей и факультетов, В. В. Овчинников выступает против оценки первых как воспитательных учреждений, а последних — как

²⁹⁵ Цит. по: Загер П. Указ. соч. С. 13—14.

²⁹⁶ Там же. С. 14.

²⁹⁷ Овчинников В. В. Указ. соч. С. 411.

образовательных. Поскольку «факультеты занимаются деятельностью преподавателей, в то время как заботу колледжей составляют и воспитание, и успеваемость студентов»²⁹⁸. Сильной стороной британской системы образования автор считает систему личных наставников — еще одно доказательство уникальности Оксбриджа. Эта система предполагала закрепление за каждым студентом персонального научного руководителя, контролировавшего учебную деятельность своего подопечного. Назначение личного наставника находилось в ведении колледжа, а наставниками были факультетские преподаватели, следовательно, чтобы студент мог прослушать определенный курс, колледж должен был договориться с соответствующим факультетом для выбора наставника. Этот пример наглядно демонстрирует взаимодействие структурных единиц университетов и сложность организации учебного процесса в Оксфорде и Кембридже. Есть также то, что роднит университеты с публичными школами: первые делятся на колледжи, вторые — на дома. В.В. Овчинников так характеризует систему колледжей в указанных выше университетах: «Основы ее закладываются как верность своему школьному дому в Итоне или Винчестере, закрепляются как верность своему колледжу в Оксфорде или Кембридже»²⁹⁹.

Можно сказать, что именно Оксбриджу в викторианскую эпоху принадлежала монополия на «производство» джентльменов как национального товара, отмеченного знаком качества. Как отмечает Д. Ливен, Оксфорд был самым популярным университетом в то время³⁰⁰. Классический гуманитарный уклад образования в публичных школах, столь необходимый для того, чтобы с младых ногтей готовить юного джентльмена к управлению государством, находил свое продолжение в университетской программе обучения, представленной Оксфордом, тогда как Кембридж был ориентирован главным образом на точные и естественные науки³⁰¹.

²⁹⁸ Там же. С. 412.

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ Ливен Д. Указ. соч. С. 202.

³⁰¹ Овчинников В. В. Указ. соч. С. 410.

Для государственных деятелей, которых готовили к выступлениям в парламенте, исключительно важным было умение вести полемику, убедительно доказывая свою правоту. С этой целью в Оксфорде и Кембридже существовали дискуссионные клубы, что также стало еще одной отличительной особенностью грандов английской системы образования. Деятельность этих клубов моделировала работу нижней палаты британского парламента вплоть до выбора руководства, дебатов и голосования³⁰². Такая практика позволяла молодым людям уже со студенческой скамьи быть в курсе процедур функционирования главного административного органа Великобритании. К концу викторианской эпохи британская образовательная система стала более демократичной, и в стенах публичных школ можно было уже встретить детей из состоятельных семей среднего класса.

Р. Уилкинсон подчеркивает, что экзамены, которые необходимо было сдать джентльмену, претендовавшему на высокий государственный пост, требовали классического образования от кандидата³⁰³. Именно такое образование, положенное в основу формирования класса джентльменов, открывало дорогу к государственной службе. Поэтому у джентльмена из Оксфорда шансы попасть в парламент были выше, чем у его конкурента из Кембриджа.

Таким образом, классическое образование, главной целью которого было воспитание политической элиты Туманного Альбиона, джентльмену давала отлаженная, хоть и не лишенная порой серьезных недостатков, система публичных школ. Завершающей ступенью было либо университетское образование, в викторианскую эпоху концентрировавшееся в Оксфорде и Кембридже, либо военное, где большой популярностью пользовались королевские военные академии Сандхёрст и Вулидж. Меньшая часть викторианских джентльменов связывала свою жизнь с политикой, которая на протяжении правления королевы Виктории оставалась большей частью прерогативой аристократов.

³⁰² Там же. С. 413.

³⁰³ *Wilkinson R. H. Op. cit. P. 12.*

Анализ общественного мнения Англии 1820—1890-х годов показывает, что джентльменство как социальное явление на протяжении столетия постепенно утрачивало в глазах англичан тесную связь с социальными признаками. Консервативная идея социальной ограниченности джентльменского статуса прослеживалась прежде всего в словарях, составители которых должны были фиксировать актуальную практику словоупотребления, но в действительности, похоже, не решались в условиях разногласий обсуждений вопроса на решительное обновление словарных значений. Критерии джентльменства сторонников этой позиции были по-прежнему строгими — происхождение, профессия или же образование, хотя к концу XIX века первые два уже перестали быть определяющими. Принципиально иная позиция, согласно которой джентльменство зиждилось исключительно на культурных характеристиках — прежде всего соответствующем моральным принципам поведении, которое не было неизбежно обусловлено социально, — озвучивалась в прессе и публицистических произведениях. Эти источники улавливали и реагировали на настроения людей среднего класса, стремившихся упрочить свои позиции в обществе, и одновременно инспирировали подобные настроения. Тем не менее общим вектором, отражавшим в целом дух эпохи, была социальная демократизация, частным проявлением которой и стал более свободный доступ в категорию джентльменов. Об этом косвенно говорит и отчетливое расширение сферы применения понятия *джентльмен*.

§ 2. Гендерные аспекты джентльменства

Во втором параграфе внимание уделено нормативу и реалиям джентльменского поведения по отношению к женщинам. На фоне разных возможных моделей мужского отношения к противоположному полу в английском обществе XIX века модель джентльменства рассматривается как *идеальный тип*.

Девятнадцатый век в истории Англии стал временем кардинальных перемен во многих сферах, в том числе в области отношений между полами. На протяжении большей части этой эпохи в английском обществе господствовал патриархальный уклад, насчитывавший многовековую историю.

Сфера интимных отношений англичан в рассматриваемый период с трудом поддается однозначным оценкам. Как и в других проявлениях частной жизни, здесь можно лишь отмечать общий вектор общественных настроений, в котором неизбежно проявляются исключения. Эпоха Регентства нередко выступает в как время свободных нравов, в том числе в интимных отношениях, где тон задавал сам принц-регент Георг, имевший многочисленных любовниц. Однако, как показывает историк К. Холл, к началу 1820-х годов ситуация стала меняться. Толчком к этому послужил громкий скандал, разгоревшийся в 1820 году в королевской семье. После того, как Георг стал королем, он попытался отстранить свою супругу Каролину Брауншвейгскую, к которой длительное время питал неприязнь, от престола, инициировав процедуру развода. Общественность, у которой новый король не вызывал симпатий в силу его вызывающего поведения, в этом скандале приняла сторону Каролины. Развод короля не был санкционирован парламентом, однако Каролина не была признана королевой³⁰⁴. Эти события стали для англичан примером того, какими не должны быть семейные отношения. По словам К. Холл, свобода нравов «больше не была трендом эпохи. В моду вошли семья и брак»³⁰⁵. Способствовал этому и менявшийся религиозный контекст. К 1820-м годам в Англии силу обрел евангеликализм — течение внутри Англиканской церкви, направленное на нравственное обновление общества. В семейной жизни общий вектор стал меняться в сторону более сдержанных отношений. Тем не менее прежние практики не были искоренены. Например, иметь любовниц

³⁰⁴ Цит. по: Холл К. Указ. соч. С. 51—52.

³⁰⁵ Там же. С. 53.

или пользоваться услугами проституток не считалось чем-то зазорным для мужчин в викторианской Англии. Единственное условие состояло в том, чтобы не афишировать факт супружеской измены. Развод являлся унижительной для женщины процедурой, после которой уже нельзя было восстановить репутацию даже в том случае, если он происходил по вине мужчины³⁰⁶. Кроме всего прочего, представители сильного пола имели исключительное право на опеку над детьми³⁰⁷.

Частично закреплению такого порядка способствовала позиция церкви. Дж. Ховарт демонстрирует это на примере отрывка из проповеди 1856 года в Дублине, где приводился типичный аргумент о том, что обществу идет на пользу положение, при котором каждый пол исполняет те обязанности, которые на него возложены³⁰⁸. Более стесненным было положение женщин и в области моды — различные искусственные и неудобные элементы присутствовали в женском гардеробе вплоть до 1890-х годов, тогда как мужской костюм приобрел практический характер раньше³⁰⁹.

Вместе с тем во второй половине XIX века происходила социальная демократизация, которая выразилась в возросшей роли женщины в общественных делах и постепенном уравнивании в правах женщин с мужчинами. На культурном уровне это проявилось в формировании ранее незнакомого викторианцам типажа *новой женщины*, отличавшейся от традиционной *женственной женщины* активностью и независимостью. Некоторого уравнивания в правах женщины добились в экономической сфере. Актом об имуществе замужних женщин (Married Women's Property Act) 1870 года за ними было закреплено право собственности на имущество, которым они владели до брака³¹⁰. Ранее все имущество женщин после заключения брака переходило в ведение их супругов.

³⁰⁶ См.: *Brander M.* Op. cit. P. 118.

³⁰⁷ См.: *Howarth J.* Op. cit. P. 164.

³⁰⁸ Ibid. P. 167.

³⁰⁹ Ibid. P. 169.

³¹⁰ Chap. 93. An Act to amend the Law relating to the Property of Married Women // *The Public General Statutes.* P. 577—581.

Женщины все чаще появлялись в публичных местах, например в вагонах железнодорожных составов. Р. Бэрроу характеризует это так: «Они начали заявлять о своем праве на привилегию, которая прежде была закреплена за мужчинами...»³¹¹ Одним из косвенных подтверждений того, что английская правоохранительная система уже в 1860-е годы с готовностью защищала интересы женщин, является то, что в поездах мужчины (*gentlemen passengers*) нередко отказывались оставаться с женщинами наедине из-за страха быть обвиненными в домогательстве³¹². Ближе к концу XIX века среди женщин распространяется мода на курение, считавшееся исключительно мужским занятием³¹³, что также говорит об эмансипации в повседневных практиках. В пользу этого свидетельствуют и изменения, происходившие в поведении мужчин в отношении противоположного пола.

В XIX веке мужское поведение как один из аспектов маскулинности обычно рассматривалось через призму соответствия правилам поведения джентльмена, особенно в части отношений с женским полом. В правление королевы Виктории нормативные рамки поведения джентльмена оформлялись различными руководствами по джентльменскому поведению. Это поведение представляло собой особую форму маскулинности, в основе которой лежало требование демонстрировать бережное и учтивое отношение к женщине. Вместе с тем в викторианскую эпоху происходила постепенная демократизация общества, на фоне которой представители средних классов стремились повысить свое социальное положение и получить признание в качестве джентльменов. Патриархальное сознание буржуа могло способствовать их стремлению поддерживать существовавший в обществе гендерный порядок и, соответственно, соблюдению ими правил этикета в обращении с женщинами. С учетом изложенного представляется важным ответить на вопрос, менялись ли стандарты джентльменского поведения в

³¹¹ Barrow R. J. Op. cit. P. 342.

³¹² См.: *ibid.* P. 345.

³¹³ См.: Brander M. Op. cit. P. 92.

отношении женщин под влиянием демократических процессов, протекавших в XIX столетии.

К. Пиль в разделе о домах и привычках викторианцев отмечает, что если во время завтрака за столом присутствовали леди, то в светском кругу дурным тоном для джентльмена считалось ношение фланелевых туфель или ботинок, подбитых гвоздями³¹⁴. Дж. Уилдеблад подробно описывает некоторые правила, которые должен был соблюдать джентльмен при общении с противоположным полом. Так, при встрече с дамой в общественном месте следовало сначала дождаться приветственного знака с ее стороны, а затем приветствовать ее поднятием шляпы. Главным мотивом должно было быть сохранение и поддержание репутации женщины³¹⁵. С. Митчелл пишет, что джентльмен должен был проявлять благородство по отношению ко всем женщинам³¹⁶, а О. Б. Вайнштейн указывает, что женщина являлась предметом особой заботы джентльмена и что обращение с супругой наедине не должно было отличаться от отношения к ней на публике³¹⁷. Указанные выводы исследователей опираются на изучение руководств по поведению, документов личного происхождения, биографических работ, трактатов.

В викторианских руководствах по этикету слово *джентльмен* часто используется в связке со словом *леди*, что говорит об особом положении женщины в системе поведенческих практик джентльмена. В руководстве «Привычки хорошего общества» (1859) отмечалось, что женщины оказывали цивилизирующее влияние на общество. Чем выше было положение женщин, тем большее влияние оказывала их мягкость, проистекавшая из слабости, на мужчин. Можно предположить, что гендерные истоки джентльменства крылись в восходящей динамике социального положения женщин. Кроме того, встречается утверждение о том, что слово *джентльмен* стало модным

³¹⁴ См.: *Peel C. S. Op. cit. P. 91.*

³¹⁵ См.: *Wildeblood J. Op. cit. P. 249.*

³¹⁶ *Mitchell S. Op. cit. P. 272.*

³¹⁷ *Вайнштейн О. Б. Указ. соч. С. 172.*

тогда, когда женщины заняли в обществе равное мужчинам положение³¹⁸. Этот тезис, скорее, вводит в заблуждение — неясно, что имелось в виду под равенством положения женщин и мужчин в обществе. Ко времени издания «Привычек хорошего общества» стало очевидным, что слово *джентльмен* уже активно использовалось в эпохи, предшествовавшие XIX веку, в то время как о равноправии женщин и мужчин, например, в финансовой сфере или в общественном положении после развода говорить еще не приходилось.

Изучение викторианских руководств и справочников по этикету позволяет реконструировать модель поведения по отношению к женщинам, которой в обязательном порядке должен был придерживаться каждый джентльмен. В общем виде в руководствах содержались советы, которые должны были способствовать созданию максимально комфортной среды для женщин. В поведении следовало избегать всего, что могло доставить им неудобства. Сопровождающему леди в обеденный зал джентльмену следовало вести спутницу под руку и ухаживать за ней во время всей обеденной церемонии³¹⁹. В ситуации, когда леди садилась на лошадь, джентльмен, получив предварительное согласие на это, должен был подставить руку в качестве опоры для ноги женщины, затем помочь вставить ноги в стремя, дать в руки поводья и даже расправить юбку³²⁰. Если во время прогулки леди чувствовала усталость, то обязанностью джентльмена было найти для нее место отдыха³²¹. Отдельно регламентировалось общение между джентльменом и леди. При обращении к женщине следовало говорить негромко³²². Этикет также требовал, чтобы в поезде джентльмен не начинал первым разговор с незнакомой леди, чтобы не предоставлять ей повод для опасений или оградить от неприятных для нее бесед³²³.

³¹⁸ *The Habits of Good Society*. P. 53.

³¹⁹ *Freeling A. Op. cit.* P. 32.

³²⁰ *The Habits of Good Society*. P. 197.

³²¹ *Routledge's Manual of Etiquette*. P. 11.

³²² *Freeling A. Op. cit.* P. 51.

³²³ *The Habits of Good Society*. P. 288.

Главной аудиторией таких руководств были, по всей видимости, верхние слои средних классов, которые в условиях сближения с высшими кругами общества в викторианскую эпоху должны были испытывать потребность в информации о манерах, принятых в высшем свете. Для людей из нижних средних классов (слуг, рабочих и пр.) такие сведения несли меньшую практическую пользу.

При всей строгости викторианских нравов реалии показывали, что мужские поведенческие практики были разнообразными и в ряде случаев расходились с требованиями этикета. Это обстоятельство не укрылось от внимания исследователей. Так, М. Брандер констатирует, например, что курение в присутствии женщин в последнее десятилетие уже не было табуированной практикой³²⁴, а биограф одного из сыновей шотландского аристократа Дж. Ш. Дугласа, маркиза Куинсберри, описывает случай, когда в 1886 году маркиз вместе с любовницей и компанией друзей приехал в свой загородный дом под названием «Хижина» в графстве Беркшир на юге Англии, где в тот момент жила его жена Сибил с четырьмя детьми. Аристократ выставил ее и детей из дома, в результате чего его супруге пришлось уехать с семьей в Лондон³²⁵. Впрочем, и в Лондоне у любвеобильного маркиза были апартаменты, где он, не утаивая этого, встречался с любовницами³²⁶. К сожалению, на основе имеющихся источников затруднительно с достаточной долей уверенности установить реальные масштабы нарушений правил джентльменского поведения по отношению к женщинам. Тем не менее газетные материалы позволяют уточнить наши представления о процессе размывания гендерного порядка в викторианском обществе.

Случаи неподобающего поведения джентльменов по отношению к дамам получали внимание со стороны правоохранительной системы. Пресса, отражавшая многие общественные явления, освещала судебные процессы, в

³²⁴ См.: *Brander M.* Op. cit. P. 92.

³²⁵ *Hyde H. M.* Op. cit. P. 15.

³²⁶ *Milne-Smith A.* *Queensberry's Misrule.* P. 294.

которых джентльмены или лица, получавшие такую характеристику, выступали ответчиками по делу о нарушении норм приличия в общении с леди. Несмотря на немногочисленность публикаций с описанием подобных инцидентов, можно предполагать, что количество не приданных огласке случаев неджентльменского поведения по отношению к женщинам было больше того, которое оказалось удостоено внимания газетчиков.

Явные нарушения этикета, происходившие вне поля зрения журналистов, тем не менее имели шанс стать широко известными благодаря инициативным гражданам, которые отправляли редакторам письма с просьбой опубликовать описание конкретного происшествия. Одно из таких обращений было напечатано в английской газете «Уилтс энд Глостершир Стандарт» в 1854 году. Мотивом апелляции к редактору было стремление автора письма положить конец инцидентам, подобным тому, который произошел в графстве Глостершир на юге Англии. Мужчина ехал верхом по краю дороги, примыкавшему к дорожке для пешеходов, и обрызгал грязью не только одежду, но и лица шедших ему навстречу женщин. При этом, как указывал автор обращения, всадник даже не попытался объехать пешеходов или замедлить шаг лошади. В опубликованном письме нарушитель общественных норм был намеренно охарактеризован нейтрально как *человек* или *особа* (person), а в скобках автор уточнял, что не считает возможным называть виновного джентльменом из-за его поступка³²⁷. Из постскриптума к письму следует, что внимание автора к данному происшествию было привлечено тем, что такие случаи стали нередкими.

Любопытно, что в ряде случаев правила поведения в отношении женщин нарушали офицеры — представители той самой категории, которая еще со Средних веков считалась подходящей для джентльменов, то есть младших сыновей английской знати. В обращении к редактору газеты «Шеффилд Дэйли Телеграф» в 1870 году говорилось о неподобающем джентльмену поведении в отношении женщины со стороны офицера. Он приставал с

³²⁷ *Ungentlemanly Conduct* // *Wilts and Gloucestershire Standard*. 1854. 4 Nov. P. 8.

непристойными разговорами к даме, сидевшей вместе с ребенком на скамейке в саду. Навязчивое поведение военнослужащего вынудило женщину покинуть свое место³²⁸. Любопытно, что во втором случае написавший в газету человек, чья жена оказалась пострадавшей, мягче отозвался о нарушителе. Офицер учтиво назван *молодым джентльменом*. Стиль обращения выдавал в авторе человека сдержанного, грамотного, уважающего других и соблюдающего культуру общения, — одним словом, джентльмена.

Редакции, напечатав тексты обоих писем под заголовком «Ungentlemanly conduct» («Неджентльменское поведение»), обращали внимание читателей на несовместимость описанного поведения со статусом джентльмена. Данные источники свидетельствуют о том, что в викторианском обществе его рядовыми членами предпринимались попытки путем публичной критики пороков поддерживать коллективные представления о корректном поведении мужчин в отношении женщин.

В публикации в газете «Норфолк Кроникл» (1861) говорилось, что в городке Челмсфорд в графстве Эссекс распространились слухи об избиении офицера из полка, расквартированного в той местности. Из сообщения в газете стало известно следующее: когда дочь почтенного фермера вместе со своим братом возвращалась домой в двуколке, им встретились трое офицеров, ехавших верхом. Один из них, поравнявшись с двуколкой, откровенно выразил девушке свои чувства, за что получил от ее брата несколько ударов кнутом за неподобающее для джентльмена поведение. Как отмечалось, офицер не был возмущен подобной реакцией и впоследствии принес свои извинения³²⁹. Описание последующих действий офицера не позволяет понять, были ли его извинения искренними или это была всего лишь попытка избежать громкого скандала. Газетная публикация показывает,

³²⁸ *Ungentlemanly Conduct* // *The Sheffield Daily Telegraph*. 1870. 12 Apr. P. 7.

³²⁹ *Summary Chastisement of an Officer* // *The Norfolk Chronicle and Norwich Gazette*. 1861. 6 Apr. P. 7.

что пресса критиковала неуважительное поведение мужчин по отношению к женщинам, явно противопоставляя его джентльменскому поведению.

Инциденты, в которых мужчины нарушали одновременно и этический кодекс джентльмена, и правовые нормы, рассматривались в суде. Важно, что в ходе разбирательств сторонами особо подчеркивался статус джентльмена — это, по всей видимости, обостряло значимость асоциального поведения правонарушителя. Если даже попытка заговорить с леди в вагоне поезда считалась с точки зрения этикета предосудительной, то случай, описанный в 1864 году в газете «Инглишмэн», должен был квалифицироваться как вопиющий. Газетчики охарактеризовали поведение нарушителя как постыдное (*disgraceful conduct*). Уильям Уайтхэд, обозначенный в статье как джентльмен, — его адвокат уточнил, что тот был почтенным человеком и семьянином, — предстал в полицейском суде Мэрилебона в Лондоне по обвинению в развратных действиях (*indecently assaulting*) в отношении женщины. В суде было установлено, что подсудимый в пьяном виде приставал в вагоне поезда к одной из женщин, коснувшись под одеждой ее ноги. Судья обратил внимание участников процесса на то, что перед тем, как оказаться в вагоне, подсудимый якобы произнес фразу «Полсоверена?», из чего судья сделал вывод, что оскорбление женщины было намеренным³³⁰. Из описания судебного процесса видно, что поведение *джентльмена* дружно осуждалось всеми участниками разбирательства. И все же после многократных извинений перед пострадавшей подсудимый был выпущен под залог крупной суммы денег.

В другом деле обвиняемым был некий Джон Роу, также идентифицированный как джентльмен. Его обвиняли в нападении на женщину на улице. Как утверждала в суде потерпевшая, она возвращалась с почты, когда абсолютно незнакомый ей человек схватил ее за руки и оскорбил непристойным выражением. Во время процесса стороны дали

³³⁰ *The Disgraceful Conduct towards Ladies in a Railway Carriage // The Englishman. 1864. 9 Jan. P. 6.*

противоречившие друг другу показания, однако суд принял сторону женщины. Подсудимый просил принять во внимание слабое здоровье его жены, присутствовавшей на заседании, однако ему было отказано в просьбе, и суд приговорил нарушителя закона к лишению свободы на два месяца и принудительным работам³³¹.

Таким образом, исход судебных разбирательств свидетельствует о том, что судебная система выступала в защиту женщин в случаях, когда мужчинами, в том числе теми, кто характеризовался в суде как джентльмен, нарушались законодательно установленные нормы. При этом названный статус не способствовал смягчению вины. На основе известных (по всей видимости, немногочисленных) зафиксированных в прессе случаев неджентльменского поведения в отношении женщин можно сделать предварительный вывод о том, что в целом в той части викторианского общества, которая охватывала средние классы и высшие круги, мужское поведение по отношению к женщинам соответствовало нормам этикета, изложенным в руководствах для джентльменов. Источники демонстрируют, что соблюдение этих норм в викторианском обществе обеспечивалось такими механизмами контроля гендерного порядка, как гражданская инициатива, выражавшаяся в обращениях викторианцев с жалобами в газеты, действия прессы по дискредитации нарушителей общественных норм и деятельность судебной системы в виде обвинительных приговоров для джентльменов, оскорблявших достоинство женщин. Подобный контроль поведения членов викторианского общества способствовал сохранению патриархального строя. Джентльмен, оказывая противоположному полу всестороннюю опеку, фактически становился заложником своей репутации. В особенности это было актуально для мужчин из среднего класса, которые могли претендовать на статус джентльмена во многом на основании соблюдения норм этикета.

³³¹ *Cowardly Conduct towards a Young Lady* // *Worcestershire Chronicle*. 1881. 17 Dec. P. 3.

В то же время женское пространство самостоятельности существенно ограничивалось правилами мужского поведения, а внутрисемейные отношения вовсе не подлежали регулированию извне. Таким образом, правила этикета, регулировавшие отношения между полами в викторианскую эпоху становились ширмой патриархального гендерного порядка, обеспечивая, с одной стороны, повседневный комфорт женщины, а с другой — сохранение подчиненного по отношению к мужчине социального положения. Образ джентльмена в Британии в конце XIX — начале XX века не мог не претерпеть изменения под влиянием женского движения, которое в этот период развернуло организованную борьбу за права женщин, что также вело к демократизации понятия *джентльмен* в новом столетии, однако для детального изучения этого процесса необходимо отдельное исследование.

Итак, в 1820—1890-е годы в целом прослеживается, что классовые границы английского общества становились все менее четкими. Заметную роль в этом процессе играли периодическая печать и публицистика, оказывавшие воздействие на общественное сознание и одновременно формировавшие и поддерживавшие амбиции восходящей социальной мобильности буржуазии. Этому же в значительной мере способствовала система образования, основу которой составляли публичные школы и учреждения высшего образования с существовавшей между ними преемственностью. Относительная доступность публичных школ для среднего класса приводила к тому, что в юном возрасте отпрыски знатных семейств и дети из семей буржуазии длительное время проводили вместе, разделяя друг с другом общие пространства и принимая участие в школьных мероприятиях, что в свою очередь должно было стимулировать и культурный обмен. В конечном счете именно образовательный критерий, способствовавший ослаблению напряженности между разными подходами к трактовке джентльменского статуса, но при этом позволявший сохранять его определенную кастовость, стал преобладающим в общественном взгляде на

джентльменство. Однако подобная демократизация социальной сферы происходила не повсеместно. Анализ гендерного порядка и влияния, которое на него оказывала культура джентльменства, показывает, что по мере сближения знати и буржуазии отношения между мужчинами и женщинами оставались в рамках патриархальной модели, причем джентльменство выступало как один из ресурсов поддержания этого порядка.

Глава 3. Английское джентльменство как культурное явление в 1820—1890-х годах

§ 1. Между этикой и этикетом

В первом параграфе рассматривается поведенческая культура джентльменства. В этой сфере этика и этикет (как ее частное проявление) имеют большое значение, поскольку формируют общие рамки поведения джентльменов в обществе, при этом определенный отпечаток на их поступки накладывает специфика характера, что также требует отдельного внимания. Получение целостного представления о поведенческой культуре джентльменства требует анализа джентльменских действий в реальности и их художественного отображения, для чего привлечена английская художественная литература.

Формирование и принципы кодекса джентльмена

На протяжении длительного времени в английском обществе с джентльменством ассоциировался, помимо всего прочего, набор личностных характеристик и поведенческих практик, получивший условное наименование *кодекса чести джентльмена*. Конкретного документа с таким названием не существовало — это было условное наименование совокупности принятых в респектабельном обществе неписаных правил мужского поведения, изложенных в назидательной литературе разных столетий.

Джентльменская этика формировалась в среде социальной элиты — кругах, представители которых обладали значительным количеством свободного времени и были достаточно грамотными, чтобы читать

разнообразные руководства по поведению и самим создавать подобные произведения для потомков. Одним из примеров социальной ограниченности аудитории такой литературы рамками знати является сочинение последней четверти XVI века «Описание герба джентри», где его автор Дж. Ферн был обозначен на титульном листе как джентльмен, а само произведение было составлено «для инструктирования всех джентльменов-обладателей герба»³³². Разнообразные руководства по поведению, таким образом, представляли собой один из механизмов воспитания и самовоспитания в высших слоях английского общества. В одних случаях, авторами произведений были лица незнатного происхождения, но знакомые с манерами поведения в высшем обществе и, по всей видимости, находившиеся с некоторыми знатными семействами в дружеских отношениях. Так, английский писатель и иллюстратор Г. Пичем составил поучение «Совершенный джентльмен» (1622) специально для У. Ховарда, восьмилетнего сына графа Арундела. Примером другой практики являются опубликованные в 1774 году письма к сыну английского аристократа Ф. Дормера Стэнхоупа, 4-го графа Честерфилда. Назидательная литература имела двоякую природу: сама по себе она отражала реакцию отдельных авторов на состояние нравов в высших кругах английского общества и одновременно способствовала — во всяком случае, должна была способствовать — улучшению нравственного состояния этой части социума.

На протяжении первой трети XIX века поучительная литература претерпела изменения в своем содержании. Это отметил Дж. Тош, обративший внимание на то, что еще в конце XVIII — начале XIX века главными дидактическими произведениями оставались руководства по поведению (*conduct book*), но в викторианскую эпоху доминирующую роль стали играть руководства по этикету (*etiquette manual*)³³³. Например, руководство по этикету А. Фрилинга (1837) предлагало читателям советы,

³³² *Ferne J. The Blazon of Gentry. L., 1586.*

³³³ См.: *Tosh J. Op. cit. P. 83.*

касавшиеся приветствия, подбора одежды, курения, поведения за столом, разговора и прочих бытовых сфер³³⁴. С первой же страницы этого сочинения читатели узнавали о социальной функции этикета: «Этикет — это закон, установленный лучшим обществом для регулирования [действий] его членов, и все, кто входит в этот круг, должны подчиниться его правилам или стать объектом презрения».

Описанные метаморфозы были ответом на изменение социального состава читательской аудитории на протяжении первой трети XIX века. Желание представителей верхней прослойки среднего класса, в основном из профессиональной среды, проникнуть в высшие круги и закрепиться там актуализировали значение осведомленности о правилах этикета для претендентов на новый статус. Изучение и усвоение манер высшего общества было одним из факторов успешной социальной инфильтрации. Анализируя мобильность англичан этого времени в сельской местности, историк Л. Стоун указывал, что состоятельные выходцы из среднего класса для того, чтобы добиться признания со стороны землевладельческой элиты, демонстрировали окружающим свою состоятельность и способность вести независимый джентльменский образ жизни. Обилие внешней атрибутики вроде роскошных домов (country seat), парков, нарядов и прочего должно было восполнить нехватку образования и манер³³⁵. Однако длительное нахождение в рядах элиты едва ли было возможным без последних двух признаков — претендент на место в высших кругах должен был демонстрировать способность вести соответствующий его статусу образ жизни, где поведение играло немаловажную роль. Это подтверждает и К. Хьюс, по мнению которой новоявленные джентльмены испытывали потребность в легитимации достигнутого статуса через соответствие установленным в высшем обществе нормам поведения, для чего обращались к руководствам по этикету³³⁶. Условный кодекс джентльмена, таким образом,

³³⁴ *Freeling A.* Op. cit.

³³⁵ *Stone L., Fawtier Stone J. C.* Op. cit. P. 27.

³³⁶ *Hughes K.* The Middle Classes: Etiquette and Upward Mobility // *Discovering Literature: Romantics and Victorians.* URL: <https://www.bl.uk/romantics-and-victorians/articles/the-middle-classes-etiquette-and-upward-mobility>

представлял собой сочетание норм, изложенных в руководствах по поведению и этикету. Условность кодекса объясняется тем, что он не существовал как официальный документ установленной формы, а представлял собой негласный продукт «общественного договора». С. Митчелл отмечает, что джентльменское поведение подчинялось строгому *неписаному* кодексу правил, как (не) следовало поступать³³⁷.

Для реконструкции кодекса джентльмена XIX столетия необходимо обратиться к совокупности прямых и косвенных свидетельств. В данном случае прямыми свидетельствами будут считаться те нормы, которые обнаруживаются в каком-либо письменном источнике, например в одном из произведений назидательной литературы. Косвенные, или символические, свидетельства не зафиксированы в текстовой форме, но их можно выявить при анализе практических действий индивида. Одним из принципов джентльменской этики была внешняя невозмутимость, перекликавшаяся со сдержанностью в смущении или изумлении. Джентльмен должен был выглядеть образцом самообладания. Исключением в данном случае могла быть, например, ситуация, в которой молодой человек обращался к возлюбленной с предложением выйти за него замуж, а к ее родителям с просьбой руки их дочери. Руководство «Привычки хорошего общества» инструктировало джентльменов так: «Несколько предложений, произнесенных всерьез и эмоционально, более красноречивы, чем целые страницы сентиментальных писем»³³⁸. Эмоциональная сдержанность служила визитной карточкой респектабельных кругов — их повседневность не была связана с необходимостью эмоционального воздействия на окружающих, тогда как основная масса населения, ежедневно проводившая значительное количество времени в людных местах, зачастую в торговых рядах, на рынках и площадях, для того, чтобы добиться своих целей, вынуждена была прибегать к эмоциональным актам.

³³⁷ Mitchell S. Op. cit. P. 272.

³³⁸ *The Habits of Good Society*. P. 364.

Уверенность, которую человеку сообщал статус джентльмена, позволял не придавать большого значения мелочам, а значит, вести спокойный размеренный образ жизни. Одним из проявлений этого должно было быть отсутствие спешки в поведении, так как она была признаком вульгарности. Важность этой нормы можно реконструировать при обращении к фразе Генри Пелэма, главного героя романа Э. Бульвера-Литтона. В ней Пелэм выражал свое неодобрение поступком другого персонажа: «Бежал!.. Совсем как простолюдин — разве кто-либо когда-либо видел меня или вас бегущим?»³³⁹

В случаях, когда демонстрация интеллектуальных способностей в разговоре могла поставить собеседников в неловкое положение, джентльмену не следовало выставлять напоказ свои знания. Правилom хорошего тона считалось обходить стороной финансовые вопросы. Неотъемлемым компонентом личности джентльмена была честность, которая впоследствии легла в основу понятия *джентльменское соглашение*. Особая щепетильность проявлялась по отношению ко всем без исключения женщинам³⁴⁰.

Исследователи указывают, что принципы джентльменской этики распространялись избирательно. Так, О. Б. Вайнштейн пишет, что «требования чести соблюдались в первую очередь по отношению к людям своего круга»³⁴¹. В отношениях с нижестоящими людьми идеалом было ровное, сдержанное обращение. Г. Перкин отмечает, что вплоть до начала XIX века актуальным было требование, «чтобы джентльмен был действительно честным и держал по отношению к другим джентльменам данное им обещание, но необязательно к слугам и людям более низкого положения... платил свои долги, особенно “долги чести”, то есть карточные долги, но необязательно долги торговцам и лавочникам»³⁴². Такие же оценки

³³⁹ Бульвер-Литтон Э. Последние дни Помпей. С. 333.

³⁴⁰ Об этом см. подробнее в третьем параграфе третьей главы диссертации.

³⁴¹ Вайнштейн О. Б. Указ. соч. С. 172.

³⁴² Perkin H. Op. cit. P. 226.

исследователи дают джентльменскому кодексу и викторианской эпохи. С. Митчелл приходит к заключению, что в то время джентльменское поведение регламентировалось строгими неписаными правилами, очерчивавшими границы допустимого поведения. Например, запрещалось жульничать в карточной игре. Описывая требование кодекса не подвергать сомнению честность других людей, исследовательница указывает лишь на джентльменов как равных по статусу, но не на собеседников в принципе. Кроме того, джентльмен должен был платить карточные долги и держать данные им обещания. Письменная договоренность, по мнению С. Митчелл, в отличие от устной, дискредитировала джентльмена, так как предполагала, что просто его слову доверять нельзя³⁴³. О. Б. Вайнштейн добавляет, что кодекс обязывал джентльмена верить на слово лишь равному по происхождению³⁴⁴.

Исключительно важным в системе ценностей джентльмена было представление о чести. О значении этого понятия в жизни людей, считавших себя джентльменами, ярче всего говорит дуэльная практика, при помощи которой члены респектабельных кругов общества стремились восстановить свое достоинство после оскорбления. Дуэль со всей очевидностью показывает, что в культуре высшего класса английского общества честь была равноценна жизни человека. В новейшем исследовании по истории дуэли в викторианской Англии М. Мастерсон показала, что дуэль имела тесную связь с культурой разных социальных слоев и с гендерным порядком. Антидуэльная кампания в ранневикторианскую эпоху в Англии была связана с утверждением нового культурного идеала — «мирного джентльменства» (*pacific gentlemanliness*) среднего класса, который, как считали англичане, положил конец дуэльной практике как аристократическому пороку³⁴⁵. Однако несколько инцидентов, в ходе которых были публично нанесены оскорбления и последовали вызовы на поединок, вновь заострили внимание

³⁴³ *Mitchell S.* Op. cit. P. 272.

³⁴⁴ *Вайнштейн О.Б.* Указ. соч. С. 171.

³⁴⁵ См.: *Masterson M.* Op. cit. P. 608.

общества на проблеме дуэлей. И если первый конфликт был улажен, так как он возник в среде парламентариев, которые должны были быть примером для обычных граждан, и к тому же в него вмешались посредники, призвавшие стороны к разумному поведению³⁴⁶, то другой имел все основания состояться, поскольку стороной, которой было нанесено оскорбление, был офицер. Его попытки игнорировать публичное оскорбление заставили его командира требовать от подчиненного публично вызвать на дуэль обидчика, поскольку, согласно армейским этическим представлениям, личная честь офицера — то же самое, что и честь его полка, следовательно, она должна быть восстановлена³⁴⁷.

Достоинство джентльмена основывалось на уважении к себе и к окружающим. Второе строилось на христианском принципе «Возлюби ближнего своего»³⁴⁸, который составлял основу воспитания джентльмена в школе Рагби при Т. Арнольде.

Требование к джентльмену соответствовать этим моральным нормам находит у Ф. Мэйсона такое объяснение: если джентльмену-политику помимо всего прочего были нужны черты, которые вызывали симпатию у обычных людей — рискованность и задиристость, то джентльмену как члену викторианского общества было необходимо что-то выделявшее его из толпы. Весьма кстати пришлись моральные качества — основа концепта вежливости у Дж. Чосера, — которые должны были дополняться знатным происхождением, хотя это не считалось обязательным³⁴⁹. То, как джентльмен подавал себя в обществе, довольно точно описывают слова Ю. М. Лотмана о русском дворянине: «Длительные тренировки под руководством профессиональных специалистов вырабатывали в воспитанном дворянине

³⁴⁶ Ibid. P. 608—612.

³⁴⁷ Ibid. P. 618.

³⁴⁸ *The Habits of Good Society*, p. 242.

³⁴⁹ *Mason Ph. Op. cit.* P. 11.

умение свободно владеть своим телом, культуру жеста и позы, умение непринужденно чувствовать себя в любой ситуации»³⁵⁰.

Отношение многих англичан к этим нормам в XIX веке выразил все тот же Генри Пелэм: «То, в чем состоит нравственность высших классов, и чего... ни один преступник, даже самый закоренелый, не осмелится отрицать, та религия, на которую не посягают никакие насмешники, тот кодекс, который никто не подвергает сомнению — кодекс джентльменской чести, являющийся движущей силой нашего общества...»³⁵¹ Едва ли возможно статистически проверить, как это высказывание соотносилось с реальной практикой мужского поведения, так как оценка соответствия поступков индивида принятому в обществе джентльменскому нормативу была неизменно субъективной и при том, что в отношении джентльменского поведения в английском обществе, по всей видимости, был достигнут консенсус, можно предполагать существование персональных представлений о том, каким должны быть поступки джентльмена. С большой долей вероятности можно говорить о том, что в респектабельных кругах были те, кто придерживались норм кодекса в повседневной жизни, и те, кто ими пренебрегали. При этом следует допускать и то, что естественное повседневное поведение тех англичан, чей низкий социальный статус не позволял в глазах окружающих считать их джентльменами, также могло соответствовать нормам кодекса. В этой связи возникает сразу несколько вопросов, образующих исследовательскую перспективу: каковы, например, были границы осведомленности англичан о существовании в XIX веке кодекса джентльмена и его содержании; или в какой мере лица, чье повседневное поведение отвечало требованиям кодекса, действовали естественно и искренне, а в какой — исходя из корыстных соображений.

³⁵⁰ Лотман Ю. М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983. С. 127.

³⁵¹ Бульвер-Литтон Э. Последние дни Помпей. С. 435. В оригинале: "...and that which makes the morality of the upper classes, and which no criminal is supposed to be hardy enough to reject; that religion that has no scoffers, that code which has no impugnors, that honour among gentle men, which constitutes the moving principle of the society in which they live..." *Bulwer Lytton E. Op. cit. P. 110.*

Следуя логике «от обратного», можно предполагать, что подавляющее большинство мужчин, составлявших уважаемые круги общества, в повседневной жизни руководствовались принципами кодекса. По крайней мере, на это указывают связанные с нарушением этих принципов инциденты, описания которых появлялись на страницах газет и вероятно воспринимались как культурная «аномалия». Вместе с тем в Англии в рассматриваемый период также были если не убежденные противники кодекса, то, во всяком случае, лица, которые не придавали ему большого значения. Э. Бульвер-Литтон показал это на примере взглядов другого персонажа «Пелэма». Если для главного героя кодекс джентльменской чести был движущей силой его общества, то, по мнению сэра Джона Тиррелла, он «даже в основных своих законах был авторитетом лишь для неопытных юнцов и легковверных романтиков»³⁵². В своих мемуарах 3-й граф Малмсбери в нескольких строках описывал курьезный случай нападения на королеву Викторию: 27 июня 1850 года она покидала Кембридж Хаус, когда неизвестный мужчина подбежал и ударил ее тростью по голове. Британский политик отмечал, что тем же вечером Виктория отправилась в оперу, проявив мужество и невозмутимость³⁵³. Едва ли покушавшийся принадлежал к высшим кругам общества, с которыми в первую очередь ассоциировалась приверженность принципам джентльменского кодекса, но, как ни парадоксально, в данной ситуации в роли джентльмена оказалась сама Виктория.

Широкую известность в викторианской Англии получило скандальное поведение шотландского аристократа Джона Шолто Дугласа, 9-го маркиза Куинсберри. Во второй половине XIX века несколькими своими выходками он публично бросил вызов викторианской морали. В декабре 1872 года жители Лондона узнали о скандале, совсем недавно произошедшем в столичном отеле Чаринг-Кросс. Намереваясь посетить друга, проживавшего в отеле, маркиз Куинсберри пошел к его номеру путем, указанным

³⁵² Бульвер-Литтон Э. Последние дни Помпей. С. 435.

³⁵³ Harris J. H. Op. cit. P. 195.

обслуживающим персоналом отеля, но не смог найти дорогу. Посчитав, что его ввели в заблуждение намеренно, маркиз накричал на носильщиков, оскорбив их, вследствие чего для урегулирования ситуации в скандал вмешался работавший в отеле детектив Том Тоби³⁵⁴. Впоследствии детектив так описывал произошедшее: «Я увидел, что он [маркиз] собирался ударить носильщика и вмешался. Подсудимый поднял руку. Я потребовал, чтобы он покинул здание. Не ответив, он сильно ударил меня по лицу <...> После этого он выбежал из отеля...»³⁵⁵ Комментарий детектива помогает уточнить характер нарушения норм кодекса маркизом Куинсберри.

После инцидента состоялось судебное разбирательство по делу о нападении на детектива, на котором аристократ не занимал скамью подсудимых, а присужденный ему в итоге штраф на сумму в 1 фунт был ничтожным. Э. Милн-Смит акцентирует внимание на том, что череда скандалов с последующим символическим наказанием знатных особ вызвала на страницах газет для рабочих волну возмущения несправедливостью судебной системы, при которой простые граждане испытывали все тяготы судебного преследования, а высшие круги общества оставались практически безнаказанными³⁵⁶. Судебное разбирательство по поводу этого правонарушения обнажило нарушение правил поведения джентльмена не только со стороны маркиза Куинсберри, но и со стороны блюстителей закона, вынесших явно не соответствовавший действиям маркиза вердикт.

Еще одним скандальным эпизодом в биографии Дж. Ш. Дугласа стало противостояние с О. Уайлдом в конце XIX века. Зная об интимной связи своего сына Альфреда с писателем, маркиз явился 18 февраля 1895 года в клуб «Албемарл», членом которого был Уайлд, и оставил свою визитную карточку с надписью «Оскар Уайлду, изображающему из себя сомдомита

³⁵⁴ См. подробнее: *Charge of Assault against the Marquis of Queensberry // Lloyd's Weekly Newspaper*. 1872. 8 Dec.

³⁵⁵ *Fight between a Marquis and a Detective // Reynolds's Weekly Newspaper*. 1872. 8 Dec.

³⁵⁶ См.: *Milne-Smith A. Queensberry's Misrule*. P. 285.

[sic!)]»³⁵⁷. Это публичное оскорбление послужило поводом для ряда судебных процессов с участием обоих лиц, что в конечном итоге привело к проигрышу Уайлдом суда и тюремному заключению писателя, которое приблизило конец его жизни. Поведение маркиза, публично оскорбившего литератора, в очередной раз продемонстрировало его безразличие к чужому достоинству.

Различные аспекты джентльменского этикета были освещены в историографии, однако явной лакуной на их фоне выступает проблема джентльменской честности по отношению к окружающим, что делает актуальным более подробное рассмотрение этого вопроса. Рассуждая о границах предписанной честности, исследователи, как правило, не приводят ссылки на источники, в связи с чем может возникнуть впечатление, что легитимированная неписаными правилами *избирательность* честного поведения джентльмена всегда являлась общеизвестным фактом. В таком случае в широких слоях английского общества должно было сформироваться априорное недоверие к джентльменам, однако случай, описанный ниже говорит о другом.

Двадцать пятого декабря 1871 года в газете «Дэйли Телеграф» появилась заметка о судебном процессе против двоих мошенников. Фабула была такова: сотрудники отеля в Чичестере приняли аферистов, прибывших к ним под видом клиентов, за джентльменов. В гроссбухе отеля один из них был отмечен как *джентльмен*, а внешность его компаньона была охарактеризована как *джентльменская*. Гости сообщили, что их багаж будет прислан с вокзала, после чего стали щедро заказывать еду, а спустя некоторое время отправились в город играть в бильярд. Позднее один из обвиняемых вернулся в отель, чтобы разменять деньги, и заверил владельца отеля, что их счет оплатит победитель партии. Доверившись respectable внешнему виду клиента, владелец отпустил его. Позднее сотрудники отеля навели дополнительные справки о постояльцах на вокзале и выяснили, что никакого багажа у их гостей не имелось. Молодых людей

³⁵⁷ *Kronenberger L. Op. cit. P. 142.*

взяли под стражу, а впоследствии было установлено, что, используя тот же трюк, они путешествовали из Лондона, бесплатно останавливаясь в различных гостиницах. В соответствии с решением коллегии присяжных, обвиняемым был вынесен приговор в виде трех месяцев заключения и принудительных работ³⁵⁸.

Перед служащими отеля, выступавшими при первой встрече с мошенниками, изображавшими из себя джентльменов, в качестве наблюдателей (по И. Гофману), встала сложная задача собрать, ориентируясь на имеющиеся маркеры («знаковые средства выражения»), максимально возможное количество информации о потенциальных клиентах, чтобы своими действиями добиться от них желаемой реакции. Рассматривая подобную ситуацию, И. Гофман пишет: «Если наблюдатели даже не знакомы с человеком, то они в состоянии по его поведению и облику подобрать некоторые ключи, которые позволят им применить к нему свой предыдущий опыт общения с приблизительно похожими людьми или, что более важно, использовать еще непроверенные стереотипы. На основании прошлого опыта они могут также предположить, что в данной социальной обстановке будут встречаться, по всей вероятности, только люди определенного сорта»³⁵⁹. Газетная публикация скудна в части подробностей происшествия, но, судя по описанию, мошенники тщательно продумали набор атрибутов джентльменства, которые они должны были продемонстрировать, чтобы достичь успеха, — соответствующую внешность (скорее всего, речь шла об одежде) и образованность.

Для успеха аферы была необходима согласованность вербальной и поведенческой сторон коммуникации мошенников. Насколько можно судить по тексту публикации, вербальная часть была призвана вызвать у жертв обмана доверие к *джентльменам* — состоятельным (а значит желанным) клиентам, которые могут себе позволить не беспокоиться о возможной утере

³⁵⁸ *Charge of Fraud // The Daily Telegraph. 1871. 25 Dec.*

³⁵⁹ *Гофман И. Указ. соч. С. 32.*

багажа, переезжая без него, а также оплатить доставку вещей по нужному адресу. Акт заказа большого количества закусок, которые, по всей видимости, не были оплачены на месте, а были записаны на счет прибывших, дополнял вербальный образ.

Успеху мошенников в предшествовавших случаях и на первых порах в данной ситуации способствовало, вероятно, и то, что действия сотрудников отеля основывались на «прошлом опыте» работы с честными клиентами, что обусловило их доверительное отношение к преступникам. Но, что важнее для данного исследования, персонал заведения мог действовать исходя из непроверенного стереотипа в отношении джентльменов, а именно — доверия к честному слову джентльмена.

Далее в работе предпринята попытка проверить на материале источников тезис о том, что в викторианскую эпоху кодекс джентльмена предписывал соблюдать честность только по отношению к представителям высших кругов общества. Поскольку совокупность этих правил мужского поведения носила нормативный характер, то в первую очередь изучению подлежат руководства по этикету и поучения для джентльменов, авторы которых поднимали вопрос о том, каким *должен быть* джентльмен. При этом следует рассмотреть, как складывались представления о честности, которые затем лягут в основу кодекса джентльмена.

Большинство авторов назидательной литературы придавали первоочередное значение личным достоинствам и поведению джентльмена в обществе. Г. Пичем, связывая честность с религиозным чувством, писал в XVII веке буквально следующее: «Первое, что нужно, чтобы быть по-настоящему честным, — быть по-настоящему верующим...»³⁶⁰ Похожую идею высказывал и поэт Р. Брэтвейт, отсылая читателей к Диогену, который призывал проявлять благородное отношение даже к своим врагам — «быть добродетельным и честным человеком»³⁶¹. Анонимный автор «Справочника

³⁶⁰ Peacham H. Op. cit. P. 222.

³⁶¹ Brathwait R. Op. cit. P. 66.

джентльмена» (1672) указывал, что для того чтобы быть *настоящим* джентльменом, недостаточно родиться в знатной семье: нужно иметь «добрую душу» и хорошее образование, быть добродетельным и *честным* человеком³⁶².

Подобные рекомендации должны были способствовать нравственному воспитанию представителей высших кругов. Надо полагать, что потребность в них сохранялась долго, о чем косвенно говорили слова английского священника Р. Аллестри, описывавшего реалии отношений джентльменов с другими слоями населения в XVII веке: «Если рассмотреть долги доведенных до отчаяния торговцев, я сомневаюсь, что не окажется грустной правдой следующее. Влезать в долги стало настолько модным, а платить по ним — настолько немодным, что того, кто не разорил хотя бы одного [торговца] в деловой сфере, нельзя назвать воспитанным [человеком]. Единственная их (джентльменов — *А. Д.*) забота — найти доверчивых торговцев, которые... положатся на честное слово, но как только их вера будет подорвана... их объявят негодьями... Бедный кредитор должен приходиться на протяжении многих дней или даже месяцев, прежде чем он застанет джентльмена врасплох, появившись и потребовав того, что ему причитается. Однако лучшим ответом, который он обычно получает, являются пустые обещания расплатиться чуть позже»³⁶³. Из этого текста можно заключить, что далеко не все джентльмены соблюдали элементарные нормы порядочности в отношениях с соотечественниками, принадлежавшими к более низким слоям общества. Надо признать, что такие оценки в источниках встречаются редко — едва ли они отражают реалии в полной мере, однако показывают границы возможного в диапазоне социальных практик.

В первой четверти XVIII века другой анонимный апологет честности в сочинении «Библиотека джентльмена» (1715) ставил данное качество выше

³⁶² *The Gentlemans Companion*... P. 6.

³⁶³ *Allestree R.* Op. cit. P. 75.

внешних атрибутов личности³⁶⁴, которыми, вероятно, считались одежда и манеры. Автор связывал честность прежде всего с понятием чести (*honour*), которое нередко ассоциировалось в первую очередь с аристократией и джентри³⁶⁵. Однако уже на этом этапе развития общественной морали британцы наделяли подобной добродетелью не только представителей высших кругов общества. Убежденность автора в том, что честность является основным принципом торговли³⁶⁶, лишала это качество любых сословных ограничений. В то же время ложь описывалась как порок «такой низкой и презренной природы, что он недостойн не только джентльмена, но и просто честного человека, а для христианина является позором»³⁶⁷. Посыл автора состоял в том, что честность носит универсальный характер. Это в полной мере согласовывалось с императивами британской моральной философии, восходившей к христианской этике.

Содержание упомянутых выше «Писем к сыну» графа Честерфилда сохраняло актуальность и после его смерти, о чем говорит последовавшее их реструктурирование и издание с собственными примечаниями богословом Дж. Траслером под названием «Принципы вежливости и о знании мира, написанные покойным лордом Честерфилдом»³⁶⁸. Там можно было встретить следующее рассуждение графа: «Ложь в оправдание вины выдает страх, и нет ничего более трусливого и недостойного джентльмена, чем это»³⁶⁹. Как видно, для того чтобы внушить молодым представителям знати мысль о том, как важно быть честным, авторы апеллировали к чувству собственного достоинства аристократов.

³⁶⁴ *The Gentleman's Library*. P. 60.

³⁶⁵ Ассоциацию чести именно с высшими кругами общества хорошо иллюстрирует словарь Н. Бэйли. Если джентльмен получал оскорбление от равного себе по статусу, то между ними был возможен поединок в защиту чести, однако если джентльмена оскорблял простолюдин, то отстаивать честь можно было только в суде. *Bailey N. Op. cit. L., 1756.*

³⁶⁶ *The Gentleman's Library*. P. 131.

³⁶⁷ *Ibid.* P. 204.

³⁶⁸ *Principles of Politeness... L., 1775.*

³⁶⁹ *Ibid.* P. 9.

Британские философы XVII—XVIII веков уделяли большое внимание вопросам морали и поведения человека, но при этом, что характерно, не обсуждали подробно проблематику честности. Т. Гоббс писал, что доверием пользуется тот, кто связан договором, поскольку оно является единственной гарантией последнего³⁷⁰. Мыслитель рассматривал в данном контексте и клятву, где имена Бога или короля, которых человек призывал в свидетели своих слов, служили порукой его обещанию³⁷¹. Э. Эшли-Купер, 3-й граф Шефтсбери, отмечал склонность слабохарактерного человека, изначально приверженного принципам честности, рассматривать это качество как причину своих неудач, что приводило к умалению его значения в повседневной жизни и «беспокойству характера»³⁷². Однако, по мнению Шефтсбери, если в спорной ситуации человек по-прежнему проявлял приверженность принципам честности, несчастья не наносили вреда его личности³⁷³.

Изучение трудов философов-моралистов позволяет заключить, что проблема честности не являлась центральной в их философских взглядах, а сами авторы не отождествляли честность ни с джентльменством, ни вообще с какими-либо социальными слоями, вероятно, потому, что полагали: данное качество присуще человеку независимо от его социального статуса. Звучали, однако, и другие утверждения. Так, шотландский экономист и философ А. Смит полагал, что честность свойственна скорее людям, занимающим среднее положение в обществе, так как их успех почти всегда зависит от благосклонного отношения к ним равных по статусу и очень редко можно добиться успеха без соблюдения правил приемлемого поведения³⁷⁴. Девизом таких людей Смит считал поговорку «Честность — лучшая политика», удовлетворенно отмечая, что нормы морали в целом соблюдаются

³⁷⁰ *Hobbes Th.* Op. cit. P. 39—40.

³⁷¹ *Ibid.* P. 41.

³⁷² *Anthony Ashley Cooper.* Op. cit. P. 186.

³⁷³ *Ibid.*

³⁷⁴ *Smith A.* *The Theory of Moral Sentiments.* L., 1853. P. 86.

обществом потому, что те, кто занимает в нем среднее положение, составляют большинство. Иначе автор описывал высший свет, где лесть и ложь зачастую преобладали над достоинствами и способностями³⁷⁵.

Обращаясь к гендерному порядку Англии XIX века, Дж. Тош подчеркивает, что в правление королевы Виктории оплотом честности являлся уже не джентльмен как представитель высших кругов, а так называемый «мужественный мужчина» (*manly man*) — конкурировавший с джентльменством идеал средних классов³⁷⁶. Наблюдение английского историка в какой-то степени перекликается с упомянутым выше мнением А. Смита о честности, однако если у последнего люди среднего положения в обществе проявляли честность скорее из прагматических соображений (их успех зависел от доверия к ним людей их же круга), то в основе мотивации к честному поведению средних классов, по мнению Тоша, лежали искренние чувства³⁷⁷. Перенос конкретных наблюдений обоих авторов на *всех* представителей среднего класса создает иллюзию того, что те британцы, которые по роду деятельности и достатку занимали в XVIII—XIX веках подобное положение в обществе, поступали честно исходя из какого-то одного, разделяемого членами их круга убеждения, что едва ли имело место в действительности. Скорее, можно говорить об отдельных группах людей, действовавших в рамках описанных Смитом и Тошем установок поведения.

Для викторианцев, у которых возникала потребность в нравоучительных наставлениях в сфере повседневного поведения, были доступны различные руководства и поучения. Впрочем, уже в ранневикторианский период в подобной литературе проблема честности освещалась весьма лаконично. Так, «Карманная книга этикета» А. Фрилинга (1837) в одном коротком абзаце обращала внимание на важность честных поступков. Автор пособия стремился донести до читателей мысль о том, что для общества крайне полезно состояние уверенности его членов друг в друге, и сравнивал

³⁷⁵ Ibid.

³⁷⁶ См.: *Tosh J. Op. cit.* P. 87.

³⁷⁷ Ibid.

человека, которому нельзя доверять, с вором, который честен ровно настолько, насколько диктует ему закон³⁷⁸. Из этих рассуждений, вероятно, должно было следовать, что поведение и ценности джентльмена являются полной противоположностью описанному в книге.

В анонимном сочинении 1859 года честность рассматривалась чуть более подробно, нежели в сочинении А. Фрилинга, но вместе с тем весьма двояко — как естественное качество, исходящее изнутри человека, и как приобретенная черта, которая прививается подданным законами. На этом основании читателей убеждали в том, что уважаемый человек в действительности не всегда является честным, поскольку соблюдать подобные нравственные принципы его вынуждают извне³⁷⁹. Таким образом, автор произведения привлекал внимание публики к проблеме несоответствия внешнего облика человека его замыслам.

Впрочем, изучение отождествления викторианцами честности с джентльменством должно учитывать не только нормативную сторону данного этоса, но и социокультурные реалии викторианской эпохи. Здесь большое значение для исследователя имеет викторианская пресса как источник, фиксирующий происходящие в обществе события и процессы. Она позволяет реконструировать социальный дискурс, формировавшийся в то время вокруг громких происшествий — в том числе, и с участием джентльменов. В контексте рассматриваемой проблемы материалы викторианских газет особенно ценны, поскольку описывают случаи обмана представителями данной социальной группы окружающих, т. е. уточняют наши представления о викторианской повседневности через поведенческие «аномалии». Рассмотрим некоторые такие публикации.

В номере от 30 июля 1874 года газета «Стандарт» опубликовала отчет о судебном процессе по делу некоего джентльмена по имени Ричард Уэбстер Дикси, обвиненного в мошенничестве. В феврале 1863 года он обратился к

³⁷⁸ *Freeling A. Op. cit. P. 80.*

³⁷⁹ *The Habits of Good Society... P. 240.*

кредитору за ссудой в размере 400 фунтов. В качестве подтверждения платежеспособности он предъявил декларацию, в которой указывалось поместье с 20 акрами земли, оцененное в 3500 фунтов, и годовой доход в размере 800 фунтов. Кроме того, проситель особо отмечал, что долги по его имуществу составляли не больше 1200 фунтов, что, соответственно, гарантировало возможность возвращения взятой ссуды. Через несколько месяцев он получил новую ссуду в 200 фунтов на условиях прежнего займа. Позже выяснилось, что Дикси, выставив на продажу заложенное поместье, уехал из деревни Лифук графства Хэмпшир и перебрался в Брайтон, где скрывался от кредиторов, ведя праздный образ жизни. При продаже оказалось, что долги по имуществу практически достигли суммы 3000 фунтов, а годовой доход, составлявший, как выяснилось впоследствии, лишь 200 фунтов вместо 800, принадлежал жене³⁸⁰.

Успех в деле обмана мошенникам в ряде случаев приносила солидная внешность. Так, известная в Англии газета «Иллюстрэйтэд Полис Ньюс» в 1870 году описывала судебное дело по обвинению в мошенничестве Джона Букера Бута. Следствие установило, что обвиняемый проживал некоторое время в отеле в Лондоне, откуда съехал, не оплатив проживание. После этого он остановился у некоей миссис Хайнд, а затем также исчез без оплаты. Миссис Хайнд, предоставившая ему жилье, отмечала в суде, что на основании внешности сочла обвиняемого джентльменом³⁸¹.

Отдельные описанные в газетах случаи показывают, что внешность вызывала у викторианцев доверие и к иностранцам. Луиза Петтигрю, сдававшая в аренду дом в Пимлико, — популярном у состоятельных представителей среднего класса районе Лондона, — пострадала от рук двоих французов, которые под видом арендаторов украли из дома имущество на сумму не менее 100 фунтов. Как отмечала сама пострадавшая, она отдала «джентльменам» ключ для осмотра дома, доверившись их внешности³⁸².

³⁸⁰ *Charge of Fraud against a Gentleman* // *The Standard*. 1874. 30 July.

³⁸¹ *Serious Charge of Fraud against a Gentleman* // *The Illustrated Police News*. 1870. 10 Dec.

³⁸² *Charge of Fraud by a French Gentleman* // *The Manchester Courier, and Lancashire General Advertiser*. 1881. 26 May.

Газета «Вестерн Таймс» в 1895 году описывала случай, когда внешний вид «джентльмена» позволил некому Бёрчему Генри Томпсону обманом получить в отеле, где он, согласно газете, проживал с женой и детьми, кредит в 50 или 60 фунтов³⁸³.

В случае с приведенными выше публикациями внимание обращает на себя социальное положение лиц, которых обманывали те, кто называл себя джентльменами или пытался выглядеть соответствующе, — это представители среднего класса, обладающие недвижимым имуществом и финансами. При этом среди немногочисленных судебных расследований подобного рода, привлекавших внимание прессы, не встречается случаев, когда жертвами обмана становились бы высшие круги общества. Успех мошенников в описанных ситуациях строился на ассоциации в глазах пострадавших презентабельного внешнего вида (в том числе манер) с джентльменством, а последнего — с честностью.

Викторианские словари сленга являются еще одной группой источников, которая показывает, как образ джентльмена (через внешний облик) эксплуатировалось людьми с корыстными целями. Например, слово *maser* описывало мошенника, который принимал облик джентльмена, одалживая часы или обзаводясь спутницей, с целью обмана окружающих³⁸⁴. Общим для характеристики таких подражателей было выражение *half-hour gentleman*, подразумевавшее человека, имитирующего соответствующие манеры, но не обладающего необходимыми нравственными качествами. Пометка в словаре указывает, что выражение использовалось британцами уже по крайней мере в 1870 году³⁸⁵. Противоположным ему являлось понятие *forever-gentleman*, характеризовавшее достойного во всех отношениях человека. Закрепление в словаре подобных определений предполагает определенную частотность их употребления в викторианскую эпоху и, соответственно, распространенность практик подражания джентльменам.

³⁸³ *Charge of Fraud against a Gentleman* // *The Western Times*; Exeter. 1895. 22 Oct.

³⁸⁴ *Farmer J.S., Henley W.E.* Op. cit. P. 279.

³⁸⁵ *Redding Ware J.* Op. cit. P. 149.

Однако наряду с описанием в прессе случаев, подрывавших стереотип о честности истинного джентльмена, встречаются упоминания дел, которые, наоборот, поддерживали веру викторианцев в порядочность этих членов общества.

В декабре 1860 — январе 1861 года газеты южной Англии освещали случай, произошедший в отеле Дувра. Горничная, обнаружив потерянный джентльменом бумажник, вернула находку владельцу, который пообещал отблагодарить работницу. Спустя некоторое время женщина перестала ждать обещанного и даже начала жаловаться другим работницам на непорядочность этого человека, как вдруг он появился и предложил ей выйти за него замуж³⁸⁶. Обширная география распространения данной статьи (она была перепечатана в газетах по меньшей мере 10 графств) позволяет предполагать, что подобное поведение мужчины, главным образом предложение руки и сердца горничной, было редким явлением того времени, что, в свою очередь, могло заинтересовать читательскую аудиторию газет. За исключением данной статьи, указанные выше публикации были единичными (статьи не перепечатывались газетами других графств). Случай в Чичестере в 1871 году и другие ему подобные не являются в достаточной степени репрезентативными, но тем не менее подтверждают определенную стереотипность восприятия джентльменов как честных людей в викторианскую эпоху.

Изучение источников викторианской эпохи и предшествующих столетий показывает, что кодекс джентльмена не содержал исключений, касавшихся тех слоев общества, в отношении которых джентльмену следовало поступать честно. Рассмотренные в статье «кейсы», относящиеся к викторианской эпохе, демонстрируют, что мошенники добивались успеха потому, что жертвы обмана, принимая их за джентльменов, были склонны ожидать честного отношения к себе. Косвенно подобные случаи обмана, как

³⁸⁶ *Honesty Singularly Rewarded* // Bristol Daily Post. 1860. 26 Dec.

ни парадоксально, свидетельствуют о том, что средние слои английского общества, по всей видимости, не имели представления об избирательности джентльменского кодекса, известной позднейшим историкам.

Таким образом, кодекс джентльмена в XIX веке был свидетельством того, что в определенных кругах английского общества существовал запрос на нормы социально приемлемого поведения, основанного на принципах морали. При этом реалии повседневной жизни показывают разнообразие поведенческих практик и позволяют избежать схематичности восприятия кодекса различными представителями английского социума. Несмотря на то что принципы кодекса многократно нарушались, в том числе представителями аристократии, эти нарушения, о которых общественность узнавала во многом благодаря прессе, в целом воспринимались англичанами, скорее, как культурная аномалия. Об этом говорит и возмущение общественности оскорбительным поведением «джентльменов» в отношении женщин и доверие к джентльменам со стороны среднего класса. Последнее указывает на то, что в целом в викторианскую эпоху в Англии было распространено убеждение в априорной честности джентльменов безотносительно к социальному положению людей, с которыми они имели дело.

Характер

Черты характера джентльменов перекликались с чертами характера типичного англичанина. По этому поводу Ф. А. Абилова пишет: «Тип джентльмена, который стал квинтэссенцией английского характера, был сформирован в XIX веке образом жизни англичан викторианской эпохи, ознаменовавшейся экономической и политической стабильностью внутри страны»³⁸⁷. Похожее мнение высказывает Е. В. Зброжек: британский

³⁸⁷ Абилова Ф. А. Указ. соч. С. 78.

национальный характер воплощался в двух фигурах викторианской эпохи, которые по праву считаются ключевыми — в самой королеве Виктории и в образе викторианского джентльмена³⁸⁸.

Если речь заходит об англичанине, то воображение сразу рисует немногословного человека, которому нет дела до того, что происходит вокруг. Непроницаемое, несколько надменное выражение лица наводит на мысль о снобе. Создается впечатление, что «туманность» самогó Туманного Альбиона укоренилась в характере его жителей.

Наиболее яркую картину английского характера составил Н. А. Ерофеев, опираясь на свидетельства русских путешественников: «Непременными чертами типичного англичанина наряду с гордостью издавна считаются холодность, сдержанность в выражении своих чувств и особенно молчаливость»³⁸⁹. Последнее качество путешественники трактовали по-разному. Среди вариантов были: неумение вести беседу, объяснявшееся «нерасторопностью ума» (А. И. Герцен); предпочтение действий словам (П. И. Сумароков, А. С. Хомяков); неприветливость и нелюбезность (Ф. В. Булгарин, Д. А. Милютин)³⁹⁰. Присущие джентльмену гордость и понимание самодостаточности отражены в рассказе А. Моррисона «Случай мистера Фоггата». На предложение принять от незнакомца пятьсот фунтов, персонаж реагирует так: «Это очень щедро с его стороны, конечно, но об этом не могло быть и речи. В конце концов, я джентльмен и имею самоуважение джентльмена»³⁹¹.

Критике со стороны путешественников подвергалась такая черта характера англичан, как формализм. Принимать и начинать общение с человеком они считали возможным лишь при наличии у него

³⁸⁸ Зброжек Е. В. Указ. соч. С. 37.

³⁸⁹ Ерофеев Н. А. Указ. соч. С. 173.

³⁹⁰ Там же. С. 174.

³⁹¹ Morrison A. The Case of Mr. Foggatt. URL: <http://www.gutenberg.org/files/11252/11252-h/11252-h.htm#CH3>

рекомендательного письма³⁹². В художественной литературе эта практика также получила отражение. В романе Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» один из героев пьет за здоровье джентльмена, являвшегося другом мистера Джона Смаукера, что было, как указывает автор, достаточной рекомендацией для любого общества джентльменов³⁹³. Объяснение такой отчужденности Е. В. Зброжек усматривает в самом стереотипе, сложившемся в представлениях англичан об иностранцах. Последние представлялись обитателям Туманного Альбиона либо соперниками, которых надо было победить, либо варварами, которых следовало подчинить³⁹⁴. Такой формализм играл роль своеобразного щита, которым англичане отгораживались от остального мира ради сохранения своей культуры.

Невозможно было бы себе представить англичанина без характерной гордости, приобретающей чуть ли не стереотипные очертания. Она отчасти обуславливала острое чувство патриотизма, подчас граничившее с фанатичной приверженностью всему английскому³⁹⁵. Проявление такой черты характера можно, в частности, встретить в отношении англичан к своему языку.

Одной из типичных черт джентльменского характера являлась выдержка, проявлявшаяся в невозмутимости в условиях триумфа, поражения или боли и получившая название *stiff upper lip*³⁹⁶.

В характеристике категории джентльменов О. Б. Вайнштейн подчеркивает значение благородного происхождения, подразумевавшего аристократическую принадлежность, и владения землей или ценным имуществом³⁹⁷. Происхождение придавало жесткий социальный смысл категории джентльменов, закрывая туда дорогу всем, кто не мог похвастать древней

³⁹² Ерофеев Н. А. Указ. соч. С. 176.

³⁹³ См.: *Works of Charles Dickens. Globe Edition. The Pickwick Papers.* P. 179.

³⁹⁴ Зброжек Е. В. Указ. соч. С. 36.

³⁹⁵ См.: Ерофеев Н. А. Указ. соч. С. 170.

³⁹⁶ См.: *Mitchell S.* Op. cit. P. 221.

³⁹⁷ См.: *Вайнштейн О. Б.* Указ. соч. С. 169.

родословной. Владение землей избавляло от необходимости трудиться для заработка, а также служило гарантией доверия джентльменам при кредитовании со стороны лиц, оказывавших услуги³⁹⁸. М. Оссовская приводит взгляды автора трактата «Об английском государстве» (1583) Т. Смита: «Смит не возражает против доступности звания джентльмена: чем больше джентльменов, тем больше людей, принимающих на себя джентльменские обязанности»³⁹⁹. Таким образом, уже в начале Нового времени наметились тенденции, которые получили активное развитие в викторианскую эпоху:

1) стремление буржуа войти в когорту джентльменов, не будучи достаточно родовитыми, путем расширения границ применения этого понятия;

2) смена акцентов, когда приоритетом становятся личные качества и заслуги, нежели принадлежность к знатному роду.

Родовое поместье, расположенное на собственном земельном участке, вместе с солидным фамильным деревом порождали осознание джентльменом своей независимости, самодостаточности, значимости в обществе. Все это создавало комфортные условия для существования при условии достаточной стабильности. Немецкий принц Герман фон Пюклер-Мускау, посетив Англию после окончания войны с Наполеоном и вернувшись туда в 1828 году, утверждал, что большое количество джентльменов, имевших хороший доход, образование и права собственности, было счастьем Англии⁴⁰⁰.

Крайне консервативное викторианское общество с готовностью поддерживало ранее принятое в высших классах табу на занятие ручным трудом ради заработка. Джентльмен, желавший сохранить свою репутацию, ни под каким предлогом не должен был трудиться физически. Викторианская аристократия, одержимая идеей рафинированности своего круга общения, всячески стремилась отгородиться от тех, кто был занят ручным трудом.

³⁹⁸ Там же. С. 172.

³⁹⁹ Там же. С. 132.

⁴⁰⁰ Цит. по: *Ливен Д.* Указ. соч. С. 45.

Прием в высшее общество осуществлялся по принципу престижности рода занятий вне зависимости от личных качеств человека. Уровень дохода и принадлежность к высокому социальному классу играли решающую роль в вопросе допуска в высший свет. В результате такой политики в XIX веке доступ в «хорошее общество» был закрыт, например, для хирургов и дантистов⁴⁰¹.

Неотъемлемой частью мировоззрения викторианского джентльмена считалась установка на любительство, причем распространялась она на любой вид деятельности. Предполагалось, что элита английского общества была достаточно состоятельной, чтобы позволить себе заниматься чем-либо ровно настолько, чтобы это приносило удовольствие. Например, историк К. Деттмар указывает на тенденцию во второй половине XIX века в Англии к собирательству джентльменами книг, несмотря на неспособность в ряде случаев пользоваться ими ввиду элементарной безграмотности. Цель создания богатой личной библиотеки, которая в конце эпохи была наводнена помимо британской литературы еще и американской, состояла в демонстрации высокого социального статуса⁴⁰². Подобная страсть обнаруживала стремление быть не хуже соседа, обладавшего солидной библиотекой. В определенной мере джентльменский гедонизм сочетался с презрением к представителям среднего класса — людям, получавшим оплату за свой труд. В тех случаях, когда вовлеченность в трудовую деятельность оказывалась неизбежной, джентльмен старался придать работе все тот же любительский характер. Императив любительства ограничивал область знаний джентльменов и, по мнению М. Оссовской, грозил в любую минуту обернуться культом некомпетентности⁴⁰³.

Однако викторианская эпоха примечательна еще тем, что в этот период происходила постепенная демократизация общества, наблюдалось свертывание императива любительства. Суровая конкуренция с торговой и

⁴⁰¹ *Вайнштейн О. Б.* Указ. соч. С. 171.

⁴⁰² *Dettmar K. J. H.* Op. cit. P. 7.

⁴⁰³ *Ossowska M.* Op. cit. S. 167.

промышленной буржуазией поставила джентльмена перед фактом невозможности дальнейшего существования прежнего порядка вещей. Самолюбию джентльмена был нанесен серьезный удар — возникла необходимость в заработке. Среди возможных вариантов деятельности в качестве наиболее солидных, как указывалось выше, рассматривались управление государством, дипломатическая или духовная служба, военная карьера и спорт. Теперь джентльменам пришлось заниматься даже торговлей, которая начисто отвергалась прежде. Характерный факт отражен в письме короля Бельгии королеве Виктории от 11 апреля 1837 года, где понятие *джентльмен* прямо соотнесено с постом настоятеля прихода⁴⁰⁴.

Краткий обзор характера англичан показывает, что некоторые общие для них черты (холодность, эмоциональная сдержанность, молчаливость) отвечали принципам джентльменской этики. При этом психологическая уверенность, граничащая с самоуверенностью, что обуславливалось кроме прочего и обладанием значительной собственностью, в том числе земельной, создавала почву для возможной эксцентричной реакции на окружающую действительность.

Джентльменство в зеркале английской художественной литературы XIX века

Произведения английских писателей, в которых отображались различные аспекты джентльменства, способны дополнить картину культурной стороны этого явления. Для этого потребуются обратиться к образу джентльмена в романах XIX века. Для исследования художественного образа джентльмена необходим критерий, на основе которого можно обобщать черты образа в произведении. Наиболее убедительным представляется комплексный критерий — связь знатного происхождения и

⁴⁰⁴ *The Letters of Queen Victoria*. Vol. 1. P. 83.

достойного поведения, привитого соответствующим воспитанием и образованием⁴⁰⁵.

Применение данного критерия в изучении произведений английских писателей XIX столетия помогает установить, что английские джентльмены не были однородной и монолитной социальной группой. Еще на рубеже XVII—XVIII веков Д. Дефо указывал, что джентльмена можно определить по как минимум одному из двух признаков: (1) древняя и знатная родословная и (2) достойное поведение — результат полученного образования. На основе разной корреляции этих признаков выстраивается типология джентльменов, описанных в художественной литературе (см. табл.).

Типология образов джентльмена

	<i>Знатное происхождение</i>	<i>Незнатное происхождение</i>
<i>Достойное поведение</i>	<p>I тип</p> <p>Истинные джентльмены</p> <p>Кенелм Чиллингли (<i>Э. Бульвер-Литтон</i>)</p> <p>Шерлок Холмс (<i>А. Конан Дойл</i>)</p>	<p>III тип</p> <p>«Настоящие джентльмены»</p> <p>(по Дефо)</p> <p>Уильям Доббин (<i>У. Теккерей</i>)</p>
<i>Неподобающее поведение</i>	<p>II тип</p> <p>Циничные аристократы</p> <p>Реджинальд Каф (<i>У. Теккерей</i>)</p>	<p>IV тип</p> <p>Фиктивные джентльмены</p> <p>Джозеф Седли (<i>У. Теккерей</i>)</p>

Первый тип джентльмена представляет собой органичное сочетание обоих признаков (идеальный тип). Тип такого *истинного джентльмена* реализован, например, в лице таких персонажей, как Кенелм Чиллингли и

⁴⁰⁵ См., напр.: *Defoe D.* Op. cit. P. XXXII, XXXV; *Овчинников В. В.* Указ. соч. С. 348; *Вайнштейн О. Б.* Указ. соч. С. 169, 171.

Шерлок Холмс. В романе Э. Бульвера-Литтона Кенелм Чиллингли, единственный сын баронета, происходил из среды джентри. Образование он получил в престижной школе, сочетавшей черты публичных и государственных школ. Его нравственный склад хорошо описывали слова статьи о совершенном джентльмене, опубликованной в газете «Гардиан» в 1713 году: «Ему присущи такое достоинство и такое величие, какими только может обладать человек... ясный ум, свободный от предубеждений, и обширные познания»⁴⁰⁶. Образ идеального джентльмена, представленного Бульвером-Литтоном, дополняла типичная черта — навыки бокса, игравшего важную роль в воспитании английской аристократии: «Кенелм восхищал пастора тем, что продолжал свои атлетические занятия и даже сделался знаменит в школе бокса, которую аккуратно посещал, как и подобает лондонскому джентльмену»⁴⁰⁷.

Другим примером *идеального типа* выступил Шерлок Холмс. В рассказе «Случай с переводчиком» встречается указание на его дворянское происхождение⁴⁰⁸. Об образовании Холмса можно судить по характеристике, данной ему в повести «Этюд в багровых тонах», где указывается, что он был первоклассным химиком⁴⁰⁹. К аристократическим чертам героя А. Конан Дойла следует отнести умение фехтовать и владение боксом. Образу джентльмена, воплощенному в сыщике, присуща внешняя невозмутимость, отражавшая джентльменскую установку на сдержанность в проявлении эмоций.

Дж. Мередит указывает на еще одну черту, характерную для «истинных джентльменов», — любовь к риторике особого типа. Характеризуя мужчину в *библейском стиле*, присущем джентльмену, мистер Уиллоби отмечал, что в

⁴⁰⁶ Цит. по: *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. 1987. С. 139.

⁴⁰⁷ *Бульвер-Литтон Э.* Кенелм Чиллингли. С. 44.

⁴⁰⁸ См.: *Дойл А. К.* Указ. соч. С. 171.

⁴⁰⁹ См. подробнее: *Conan Doyle A.* A Study in Scarlet. Part I. Ch. I.

нем решительно ничего не выдавало джентльмена — «ни шляпа его, ни пальто его, ни обувь его, и ничто другое, что принадлежало ему»⁴¹⁰.

Джентльмены первого типа составляли элиту общества в силу знатности своего происхождения и приверженности в повседневном поведении твердым принципам морали, особенно строгой в викторианскую эпоху.

Джентльмены по происхождению, чья модель поведения не была подчинена моральным императивам, составляют *второй тип*. Характерно, что упоминания о джентльменах такого типа встречаются в литературе заметно реже, чем первого. Можно предположить, что причиной этого явилось большое влияние кодекса джентльмена на высшие круги.

Поведение и отношение к окружающему миру джентльменов этой категории было продиктовано сознанием собственного превосходства. Таков Реджинальд Каф, герой «Ярмарки тщеславия» У. Теккерея. Его модель поведения традиционна для представителей аристократии и дворянства. «У него в комнате стояли сапоги с отворотами, в которых он охотился во время каникул. У него были золотые часы с репетицией, и он нюхал табак не хуже самого доктора Порки... Он бывал в опере и судил о достоинствах главнейших артистов... Он мог за один час вызубрить сорок латинских стихов»⁴¹¹. Отношение таких джентльменов к окружению не лишено свойственного аристократии цинизма. Это подтверждается в описании У. Теккереем взаимоотношений Кафа со сверстниками: «Признанный король школы, Каф правил своими подданными и помыкал ими, как непререкаемый владыка... Доббина, он особенно презирал и ни разу даже не обратился к нему по-человечески»⁴¹². У Дж. Элиот в романе «Мидлмарч» «высокомерные джентльмены выставляли свои кандидатуры от промышленных городов»⁴¹³.

⁴¹⁰ См.: *Meredith G. The Egoist. Ch. I.* URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/1684/pg1684.html>

⁴¹¹ *Теккерей У.* Указ. соч. С. 69.

⁴¹² Там же.

⁴¹³ *Eliot G. Middlemarch. Ch. XI.* URL: <http://www.gutenberg.org/files/145/145-h/145-h.htm>

Отмечая высокий статус джентльмена, Ч. Кингсли в романе «Элтон Локк, портной и поэт» пишет: «Джентльмен был подходящим спутником для герцогов и принцев»⁴¹⁴. Далее у него встречается явно неодобрительная оценка джентльмена одним из героев романа. Происхождение тот не считает столь значимым, чтобы назначать молодого человека офицером по той лишь причине, что он джентльмен. Он «поставлен управлять седовласыми мужчинами еще до того, как становится способным управлять своими низкими страстями»⁴¹⁵.

Отчетливо враждебное отношение к джентльменам этого типа высказывает один из героев Ч. Кингсли: «Любого болвана, при условии, что он джентльмен, можно подготовить в школе и колледже до той степени, чтобы он достойно исполнял свою роль — могущественную роль правления нами, сидения на наших шеях, воровства из наших карманов в качестве священника, доктора, адвоката, члена парламента»⁴¹⁶.

Третий тип джентльменов — это персонажи, которые лишены благородного происхождения, но в поведении руководствуются моральными нормами джентльменов. Пример этого типа — герой У. Теккерея Уильям Доббин. Писатель повествует о детстве, а затем и взрослой жизни молодого человека. Уильям, носивший в частной школе кличку «Слива», был обязан ею профессии отца — владельца бакалейной лавки. Однако отсутствие знатного происхождения у героя компенсировалось благородством натуры, что проявлялось в его заступничестве в школе за младшего ученика. Природная скромность мешала его личному счастью. Далее по ходу романа Уильям стал офицером британской армии. Военная карьера, как отмечает О. Б. Вайнштейн, наряду с карьерой священнослужителя и государственного деятеля считалась одним из немногих поприщ, соответствовавших джентльменскому достоинству⁴¹⁷.

⁴¹⁴ Kingsley Ch. Op. cit. P. 25.

⁴¹⁵ Ibid. P. 61.

⁴¹⁶ Ibid. P. 64.

⁴¹⁷ Вайнштейн О. Б. Указ. соч. С. 171.

В романе Э. Гаскелл женский взгляд на джентльменов такого типа выражен в реплике главной героини Маргарет Хейл: «Я считаю, что мое понятие “джентльмена” включает вашего “настоящего человека”»⁴¹⁸.

Четвертый тип, который удается выделить в общей категории джентльменов в литературе, можно условно именовать *фиктивным джентльменом*. Это название обосновано тем, что представители данной группы ни в чем не похожи на *истинного джентльмена*, однако авторы художественных произведений также используют слово *джентльмен* в их отношении.

Ярким примером подобного типа в «Ярмарке тщеславия» выступает Джозеф Седли, сын преуспевающего коммерсанта. Знатным происхождением мистер Седли не обладал, равно как не следовал и джентльменскому императиву сдержанности в проявлении эмоций. Он «читал газету у камина, когда обе девушки вошли; при их появлении он вскочил с кресла, густо покраснел и чуть ли не до бровей спрятал лицо в косынку»⁴¹⁹. Более того, герой У. Теккерея был, вопреки табу, связан с коммерческой деятельностью, являясь сотрудником Ост-Индской компании. В категорию таких «джентльменов» у Ч. Диккенса в «Пиквикском клубе» попадают представители театральной профессии: «Мы узнали, что наш друг связан со здешним театром, хотя и не имеет желания доводить это до всеобщего сведения, а этот джентльмен является представителем той же профессии»⁴²⁰. Одиозный образ встречается у Э. Тrollope в романе «Барчестерские башни», где автор называет джентльменами алчных охотников за деньгами женщин: «Элинор еще не научилась видеть в своих деньгах источник опасности, она еще не привыкла считать себя законной дичью, на которую охотятся голодные джентльмены»⁴²¹. Не менее

⁴¹⁸ Gaskell E. Op. cit. P. 196.

⁴¹⁹ Теккерей У. Указ. соч. С. 42.

⁴²⁰ Диккенс Ч. Указ. соч. С. 43.

⁴²¹ Trollope A. Barchester Towers. Ch. XLII. URL: <http://www.gutenberg.org/files/3409/3409-h/3409-h.htm>

любопытно причисление воров к числу джентльменов, встречающееся в социальном романе Ч. Диккенса «Оливер Твист». Там джентльменом называется человек, способный оскорбить и поднять руку на более слабого⁴²². Вероятно, определение подобных людей как джентльменов в еще большей степени свидетельствует о размывании уже в первой половине XIX века изначально четких сословных границ понятия. Понятие *джентльмен*, вопреки традиции, охватывает широкий диапазон профессий, моделей поведения и взглядов.

Наконец, *последний тип*, не отраженный в таблице в силу нестабильности его характеристик, воспроизведен в романе Диккенса «Большие надежды» (1860). В нем показано действие социальных лифтов, благодаря которым не только богачи становились бедняками, но и простолюдины могли стать уважаемыми людьми. Главный герой по прозвищу Пип рос в бедной семье. После встречи с Эстеллой, дочерью престарелой владелицы некогда роскошного поместья, Пип осознал, что хочет стать джентльменом⁴²³. Диккенс использовал понятие *джентльмен* для обозначения модели поведения, характерной для высших кругов английского общества. Сцена поединка Пипа с Гербертом Покетом описана как дуэль с соответствующим ритуалом и достойным поведением последнего: он использовал смоченную в воде губку, чтобы вытирать кровь. В уста главного героя Диккенс вложил слово *spirit* (мужество, храбрость) для описания действий Герберта, продолжавшего схватку с более сильным Пипом. Кроме явной храбрости и неуступчивости в схватке Герберт в конце признал свое поражение⁴²⁴. Честность, в том числе по отношению к сопернику, — еще одно качество, которое постулировалось как незыблемый принцип джентльменского поведения и прививалось подросткам в публичных школах.

После драки Пип переживал, что ему может грозить наказание за то, что он проник в дом знатных людей (*gentlefolks*). Позже он получил от тайного

⁴²² *Dickens Ch. Oliver Twist. Ch. IX.*

⁴²³ См.: *The Works of Charles Dickens in Thirty Volumes.*

⁴²⁴ *Ibid. P. 95.*

благодетеля денежные средства для того, чтобы осуществить свою мечту и стать джентльменом. Перебравшись в Лондон, он снял там квартиру, вступил в джентльменский клуб, стал усваивать утонченные столичные манеры и вести расточительный образ жизни. Примечательны детали образа Пипа-джентльмена: роскошные апартаменты, золотые часы и перстень с драгоценным камнем, одежда из тканей высшего качества, богатая библиотека⁴²⁵. Ключевой фразой романа, отражающей проявление викторианского буржуазного сознания, стало заявление разбогатевшего и ставшего благодетелем Пипа каторжника о том, что он *сделал* из Пипа джентльмена⁴²⁶.

По ходу романа Пипа навещает в Лондоне его старший друг детства кузнец Джо, муж старшей сестры Пипа. Главный герой встречает своего друга очень претенциозно, чем заставляет чувствовать бедняка Джо в обществе джентльменов не в своей тарелке. Во время общения с Джо Пип испытывает неловкость перед своими лондонскими друзьями, так как невежество его друга, по мнению Пипа, бросает тень на главного героя в глазах его новых друзей. В этой сцене Диккенс показал метаморфозы, произошедшие в характере когда-то открытого и искреннего молодого человека в период его взросления в джентльменской обстановке. Впоследствии Пип осознает низость свое поведения и исправляется.

Хотя Диккенс использовал понятие *джентльмен* в строгом смысле для обозначения знатных людей, занимавших высокое положение в обществе, содержание понятия тесно связывалось с главной идеей возможности *стать* джентльменом благодаря своей активности, а не происхождению. В этом заключалась квинтэссенция буржуазного понятия *джентльмен*, получившего распространение в массах современных писателю простых англичан. Само название произведения символично — словосочетание *great expectations* в

⁴²⁵ Ibid. P. 334—335.

⁴²⁶ В оригинале фраза у Ч. Диккенса звучит так: “Yes, Pip, dear boy, I’ve made a gentleman on you! It’s me wot has done it!” Ibid. P. 334.

заголовке романа, известного в русском переводе М. Лорие (1960) как «Большие надежды», также переводится как *большие ожидания* — (так в журнале «Русский вестник» в 1861 году). Второй вариант перевода не только подразумевает ожидания, связанные с восхождением главного героя по социальной лестнице, но также отражает личные ожидания автора, предвосхитившего грядущие общественные процессы в самой Англии второй половины XIX века, в центре которых оказалось стремление представителей средних классов стать джентльменами.

Разностороннее рассмотрение поведенческой культуры джентльменства показывает, что ее основу составляли этические нормы, которые раскрывались в назидательной литературе — трактатах о морали и руководствах по поведению, предполагавших знакомство знати с ними. Таким образом, поведенческая культура джентльменства формируется изначально в элитарных кругах английского общества. В XIX веке принципы поведения, изложенные в поучающей литературе, воспринимались англичанами как условный кодекс джентльмена, частным проявлением которого в повседневности выступали правила этикета. На протяжении столетия их усваивали представители буржуазии, стремившиеся добиться признания в высоких кругах. При этом ожидания средним классом честных поступков по отношению к себе со стороны носителей статуса джентльмена позволяет проблематизировать существующее в историографии мнение о социальной ограниченности исполнения норм кодекса элитой английского общества. Вместе с тем поступки джентльменов могли не соответствовать нормативной джентльменской этике, причиной чему была, скорее всего, несдержанность в проявлении разных черт характера. Существование различных поведенческих моделей в рамках джентльменства, по-разному коррелировавших с происхождением, отображает и художественная литература, где выделяются разные типы джентльменов.

§ 2. Досуг и бытовая культура

Второй параграф посвящен изучению досуга как повседневной деятельности джентльменов, реализуемой ими в свободное время, а также бытовой культуре, в рамках которой в фокусе внимания находятся факторы жизнеобеспечения — главным образом питание и жилье, а также одежда.

Досуг джентльмена внутри и вне помещения

Степень праздности образа жизни джентльмена напрямую зависела от того, какое количество времени отнимала у него работа. Политическая карьера, к которой как раз готовили джентльменов, была важна как для самого правящего класса, так и для государства в целом. Политическая сфера была в достаточной степени наполнена различными интригами и хитроумными ходами. Один из таких ходов описан в дневнике лорда Стэнли 20 марта 1849 года⁴²⁷. Ситуация в парламенте в это время сводилась к тому, что нижнюю палату должен был возглавить Б. Дизраэли. Политические конкуренты британского политика с целью не допустить такого исхода организовали триумvirат для разделения власти в парламенте против единоличного господства Б. Дизраэли. В этот триумvirат входил и сам будущий премьер-министр Великобритании, однако замысел противников графа Биконсфилда не удался, и триумvirат не стал жизнеспособным. «Как использовать соперничество... чтобы устранить личных соперников, как блокироваться со слабым против сильного, как идти на открытые компромиссы и закулисные сделки»⁴²⁸, молодые джентльмены познавали еще в стенах Оксфорда и Кембриджа и уже во взрослой жизни с успехом использовали усвоенные уроки открытой или тайной политической борьбы.

⁴²⁷ *Derby E. H.* Op. cit. P. 1.

⁴²⁸ *Овчинников В. В.* Указ. соч. С. 413.

Условно повседневные практики джентльменов в 1820—1890-е годы можно разделить на две категории — так называемый комнатный досуг, предполагавший проведение времени в помещениях, и совокупность занятий на открытом воздухе. Целесообразно охарактеризовать хотя бы некоторые общие для большинства джентльменов формы времяпрепровождения. Базовый принцип состоял в том, что джентльмен старался оградить свой досуг от нежелательного воздействия извне. Эта сфера воспринималась как нечто практически интимное.

Одним из наиболее важных институтов организации досуга джентльмена в XIX веке был клуб, представлявший собой элитное заведение, где джентльмены находились в своем кругу. Широкой известностью пользовались аристократические заведения, унаследованные от эпохи Регентства — клубы «Уайтс», «Олмакс», «Брукс» и «Ватье»⁴²⁹. Некоторые клубы были ориентированы на политические партии: оплотом тори был Карлтон, а вигов — Брукс. Кроме политических клубов существовали многочисленные клубы, объединявшие их членов на основе общности неполитических интересов. Нередко это было отражено в названии этих заведений — «Бифстейк», «Гаррик Клуб». Например, были клубы для военнослужащих («Арми энд Нэйви Клуб», «Кэвалри Клуб») и для любителей путешествовать («Трэвеллерс Клуб»). Например, правила клуба путешественников, открывшегося в 1819 году на Пэлл-Мэлл⁴³⁰, гласили, что каждый его член в путешествиях должен был удаляться от Лондона на расстояние не менее пятисот километров⁴³¹.

Клубная культура нашла отражение и в английской художественной литературе. Вероятно, наиболее известным примером является «Пиквикский клуб» в одноименном произведении Ч. Диккенса. Ассоциация, в которую вошли Сэмюел Пиквик, Огастес Снодграсс, Треси Тапмен и Натэниел

⁴²⁹ См.: *Вайнштейн О. Б.* Указ. соч. С. 189.

⁴³⁰ См.: *The Gentlemen's Clubs of London*. P. 265.

⁴³¹ См. официальный сайт *The Travellers Club*: URL: <http://www.thetravellersclub.org.uk/about-us>

Уинкль, была создана с целью раздвижения границ путешествий мистера Пиквика и расширения сферы его наблюдений, что неизбежно должно было привести к прогрессу науки⁴³². Члены этого клуба, как положено, имели отличительный знак своего учреждения — собственный фасон фрака с прикрепленным позолоченным значком, изображавшим бюст мистера Пиквика и инициалы «П. К.». Каждый клуб имел свою специфику, что подчеркнул А. Конан Дойл в рассказе «Случай с переводчиком», изобразив членов клуба «Диоген» как сторонников проведения досуга в полной тишине⁴³³.

Клубным центром Лондона, получившим название *clubland*, стал квартал улиц Сент-Джеймс и Пэлл-Мэлл, которые располагались в Вест-Энде — аристократической части города⁴³⁴. Неслучайно члены клубов в этом районе одними из первых засвидетельствовали резкие перемены в жизни Лондона: с 1820-х годов, когда в столице Туманного Альбиона начали появляться мощные щербом улицы, первой из них стала Сент-Джеймсская площадь⁴³⁵, располагавшаяся рядом с Сент-Джеймс-стрит. Улица Пэлл-Мэлл стала первой, где было применено газовое освещение⁴³⁶.

Менее солидные и известные клубы находились в местах не столь приметных. Дорога к одному из таких клубов описана у Э. Бульвера-Литтона в романе «Пелэм»: «Он свернул в узкую улицу, затем провел нас по самым мрачным, глухим закоулкам, какие я когда-либо видал, и, наконец, остановясь у какой-то низенькой двери, дважды постучал»⁴³⁷. Клубы не имели ярко выраженных опознавательных знаков на улицах, так как предполагалось, что все джентльмены знали местонахождение своего клуба.

⁴³² См. подробнее: Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба. С. 10.

⁴³³ См.: Дойл А. К. Указ. соч. С. 172.

⁴³⁴ Вайнштейн О. Б. Указ. соч. С. 197.

⁴³⁵ См.: Flanders J. The Victorian City. P. 34.

⁴³⁶ См.: Путеводитель по Лондону. Лондон — Пэлл-Мэлл и Сент-Джеймс-Стрит. URL: <http://elondon.ru/dostoprimechatel-nosti/londonskie-zadvorki/london-pell-mell-i-sent-dzheims-strit.html> (дата обращения: 01.03.2017).

⁴³⁷ Бульвер-Литтон Э. Последние дни Помпей. С. 469.

Каждый клуб отличался своими правилами: одни были относительно доступны для солидных посетителей, другие устанавливали настолько жесткие правила приема, что доступ становился практически невозможным. В том же романе Э. Бульвера-Литтона мистер Гордон просит своих спутников подождать снаружи, пока он получит разрешение членом его клуба на допуск гостей, и, заплатив по шиллингу каждый, джентльмены получили право войти⁴³⁸. Джентльмены могли быть членами одновременно нескольких клубов. Об этом, например, говорит членство Э. Троллопа в «Артс Клуб», клубах «Атенеум», «Космополитан» и др.⁴³⁹ Вместе с тем, клубы могли и не принимать в свои ряды тех, кто не был готов разделять внутриклубную культуру, то есть в первую очередь вести себя так, чтобы не ставить под угрозу репутацию клуба. Свидетельством последнего является неоднократно упоминаемая в диссертации фигура маркиза Куинсберри, которого Э. Милн-Смит характеризует как «неклубного человека во всех отношениях»⁴⁴⁰.

Клубы занимали большое пространство и, впервые посетив такой клуб, можно было даже заблудиться в этих помещениях. Внутри взору джентльмена предстала парадная лестница, выполненная в стиле неоклассицизма или неопалладианства⁴⁴¹. Зайдя в гостиную (*morning room*), можно было увидеть просторную комнату с кожаными креслами, предназначенную для чтения газет или журналов. В клубах обыкновенно содержалась хорошая библиотека, пестрившая корешками книг по различным отраслям знаний и занимавшая отдельный зал. Если у джентльмена возникало желание утолить голод, то его путь лежал в столовую, однако, прежде чем приступить к трапезе, полагалось сменить парадную одежду на обеденную.

⁴³⁸ Там же. С. 470.

⁴³⁹ *Black B.* Op. cit. P. 91.

⁴⁴⁰ См.: *Milne-Smith A.* London Clubland. P. 59.

⁴⁴¹ *Вайнштейн О. Б.* Указ. соч. С. 197.

Из столовой джентльмены переходили в зал для карточных игр, который для кого-то становился поворотным пунктом в жизни, так как иногда за ночь проигрывались целые состояния. Особенностью клубов были книги, в которых велись записи заключенных джентльменами пари. Известна такая книга в клубе «Уайтс» (изданная в 1892 году), в которой велись записи с 1743 по 1878 год⁴⁴².

Расцвет клубной культуры в Англии не все воспринимали благожелательно. Хамфри Уорд передает слова основателя клуба «Атенеум» Джона Уилсона Крокера, считавшего, что «светские и военные клубы не только поглотили огромную часть общества, но и испортили все кофейни и таверны»⁴⁴³.

Несмотря на то, что изначально клубы были проявлением культуры высших кругов общества, появление новых таких заведений различной направленности способствовало привлечению аудитории как из числа знати, так и буржуазии. Например, клуб «Бифстейк» был известен тем, что его членом собирался стать принц Уэльский Георг (будущий Георг IV), чему помешал тот факт, что членство клуба было ограничено 24 персонами и на тот момент все места были заняты⁴⁴⁴. В последней четверти XIX века членом вновь открывшегося в 1876 году клуба «Бифстейк» был известный английский актер Генри Ирвинг, который в 1895 году вошел в историю тем, что стал первым актером, получившим рыцарский титул, а это, по выражению Дж. Ричардса, было высшим актом признания истеблишментом⁴⁴⁵. Таким образом, клубы подобно публичным школам объединяли в своих стенах людей разного социальной принадлежности, но схожих культурных взглядов.

⁴⁴² См. подробнее: *Карпухина М. А.* Указ. соч. С. 10.

⁴⁴³ *Ward H.* From London Coffee Houses to London Clubs. URL: <http://www.victorianweb.org/history/clubs.html>

⁴⁴⁴ См.: *The Gentlemen's Clubs of London.* P. 53.

⁴⁴⁵ См.: *Richards J.* Op. cit. P. 109.

Во второй половине XIX века в Англии широкое распространение получили шахматы. Основными шахматными заведениями были кофейни, между которыми проводились турниры. Публика кофеен была более демократичной по сравнению с клубами — там «джентльмены курили сигары, пили кофе, читали газеты и разговаривали о политике»⁴⁴⁶. В романе Ч. Диккенса «Домби и сын» описывается, как мистер Чик, муж сестры мистера Домби, окунувшись в веселый мир, проводил свободное время за обедами в клубах и кофейнях, курением табака, так что избавился от всех общественных связей и моральных обязанностей⁴⁴⁷. Среди наиболее известных лондонских кофеен исследователь быта викторианской Англии С. Чернов выделяет таверну «Великий Диван Симпсона», созданную на базе кофейни «Великий сигарный диван». Это было любимое место гурманов и любителей хорошей обстановки. В числе посетителей этого престижного заведения числились выдающиеся политики того времени У. Ю. Гладстон, Б. Дизраэли, писатель Ч. Диккенс⁴⁴⁸.

В. В. Овчинников отмечает дух коллекционирования, которым проникнута Великобритания⁴⁴⁹. Причину популярности этого занятия он усматривает в возможности отдохнуть от повседневных забот: к концу XIX столетия работа занимала значительное количество времени англичан, поэтому коллекционирование рассматривалось как занятие, приносящее покой и отдых. В высших кругах общества основанием для гордости коллекцией была сумма средств, потраченных на ее собирание.

Одним из классических способов проведения досуга английского джентльмена была охота. Роль этого занятия в жизни джентльмена, занимавшегося политикой, видна из письма лорда Дерби 3-му графу Малмсбери: «...мы были настолько увлечены охотой, что на политику не

⁴⁴⁶ Чернов С. Указ. соч. С. 137.

⁴⁴⁷ Dickens Ch. Dombey and Son. Ch. VIII.

⁴⁴⁸ См.: Чернов С. Указ. соч. С. 137.

⁴⁴⁹ Овчинников В. В. Указ. соч. С. 352.

осталось времени»⁴⁵⁰. В это время в Европе были распространены капсюльные ружья, и Англия здесь не была исключением. Алгоритм подготовки такого ружья к действию был следующим: порох с дульной части засыпался в ствол, затем забивался пыж, потом — пуля или дробь. Перед использованием ружья прикреплялся капсюль, который при срабатывании воспламенял порох. В английской охоте главенствующим стал спортивный стиль ружья с прямой ложей и прикладом без щеки. Помимо ружья, во время охоты джентльмены брали с собой охотничий хлыст, который использовал для разоружения преступника Шерлок Холмс в рассказе «Союз рыжих»⁴⁵¹.

Для охоты существовал специальный тип транспорта — охотничья двуколка, в которую джентльмены садились спиной друг к другу, а в ящик, располагавшийся под ними, помещалась охотничья собака⁴⁵².

Конечно, не все джентльмены разделяли восторг от этого занятия. «Говоря всерьез, охота — развлечение поистине варварское... долгая ходьба сама по себе пренеприятна, а уж когда ружье связывает вам руки, ноги вязнут в ботве и жизнь ваша зависит от милости плохих стрелков и свирепости хороших, — то, думается мне, вы не ощущаете ничего, кроме мучительной усталости, и силы вам придает только сознание, что вы, по всей вероятности, будете убиты»⁴⁵³, — такое мнение об охоте высказывает Генри Пелэм у Э. Бульвера-Литтона.

Помимо охоты существовали и более миролюбивые аристократические развлечения вроде стрельбы из ружей или лука, рыбалки и пр. Футбол и крикет, в которые в основном играли юноши в школе, среди взрослых пользовались небольшой популярностью⁴⁵⁴.

Джентльмены в XIX веке значительное количество времени посвящали спорту. Под этим словом подразумевались игры, как в помещении, так и на

⁴⁵⁰ Harris J. H. *Op. cit.* P. 385.

⁴⁵¹ См.: Дойл А. К. Указ. соч. С. 25.

⁴⁵² См.: Диккенс Ч. Указ. соч.

⁴⁵³ Бульвер-Литтон Э. Последние дни Помпей. С. 300—301.

⁴⁵⁴ См.: Ensor R. C. K. *Op. cit.* P. 164.

открытом воздухе, а также различного рода соревнования. В викторианскую эпоху спорт подразделялся на профессиональный и любительский. Императив типичного для джентльмена любительства присутствовал и в спорте, поэтому выбор в пользу любительского спорта вполне понятен. Джентльмены предпочитали командные виды спорта, выражавшие корпоративность этого слоя английской нации. В числе наиболее популярных видов спорта среди аристократов можно назвать фехтование, конный спорт, собачьи бега и крикет, а также, разумеется, футбол с регби. Д. Ливен отмечает, что любовь к скачкам у англичан появилась еще в XVI веке, а к XIX столетию конный спорт стал одним из наиболее почитаемых видов⁴⁵⁵. С 1870 года со зрителей даже взималась плата за вход на трибуну.

Джентльмен, занимавшийся спортом, был нацелен не на результат, как профессионалы, а, скорее, на моральное удовлетворение, получаемое от самого участия в играх. Любовь к спорту, пусть и любительскому, не могла не отражаться на физическом состоянии джентльменов, делая их крепкими, здоровыми и закаленными людьми.

Еще одним новшеством конца викторианской эпохи стал безопасный велосипед (современного вида) популярной конструкции Гарри Лоусона. Он имел колеса равного диаметра и был гораздо безопаснее своего предшественника, получившего название «пенни-фартинг» или «спайдер» из-за очень большого переднего и маленького заднего колес. Соотношение их размера напоминало викторианцам размеры монет в один пенни и один фартинг. Р. Энсор отмечает, что развитие велосипедной культуры в поздневикторианскую эпоху уравнило мужчин и женщин в возможности передвигаться на велосипедах (для последних ранее, когда основным видом велосипеда был «пенни-фартинг», это было практически невозможно в силу особенностей одежды, в частности юбок)⁴⁵⁶. Более того, велосипеды не только способствовали стиранию гендерных границ, но также некоторым

⁴⁵⁵ См.: *Ливен Д.* Указ. соч. С. 186.

⁴⁵⁶ См.: *Ensor R. C. K.* Op. cit. P. 166.

образом демократизировали досуг землевладельцев, которые пересаживались с лошадей как средства передвижения на велосипеды хотя бы потому, что передвижение на двухколесном транспорте было комфортнее и позволяло совершать поездки на более далекие расстояния⁴⁵⁷. В довершение всего в середине 1890-х годов появлялись и велосипедные клубы⁴⁵⁸.

В начале XIX века явно ощущался недостаток мостов через Темзу, поэтому около трех тысяч лодок были наготове перевезти пассажиров с одного берега на другой. В 1830-е годы джентльмен, прогуливаясь вдоль главной водной артерии Англии, мог слышать выкрики: «Перевозим, сэр! Перевозим!»⁴⁵⁹ Во второй половине XIX столетия распространение получили водные прогулки, которые даже породили особую речную моду: джентльмены должны были надевать легкую одежду светлого цвета, в основном белого⁴⁶⁰. Лодочные регаты на Темзе заканчивались празднествами на открытом воздухе — фейерверками, музыкальными представлениями и гуляниями⁴⁶¹. Однако речная картина Темзы даже в самом Лондоне была не везде одинаковой. В частности, в романе «Оливер Твист» показана Темза-труженица, по которой плавают груженные углем баржи, суда, черные от угольной пыли⁴⁶². В этом романе река предстает совершенно иной, чем та, которой суждено было навеки запечатлеться на холсте Джеймса Уистлера. «Его Темза — река тайны, та самая река, что колдовски завораживала романистов XIX и начала XX века»⁴⁶³, — пишет П. Акройд о творчестве Дж. Уистлера.

Отмечая общую тенденцию в части досуга англичан в поздневикторианскую эпоху, Р. Энсор указывает следующее: «К 1880-м годам подъем образованного класса, проживавшего в пригородах, нарушил

⁴⁵⁷ Ibid.

⁴⁵⁸ Mitchell S. Op. cit. P. 229.

⁴⁵⁹ См.: Flanders J. The Victorian City. P. 65.

⁴⁶⁰ См.: Акройд П. Указ. соч. С. 321.

⁴⁶¹ Там же. С. 323.

⁴⁶² Dickens Ch. Oliver Twist. Ch. L.

⁴⁶³ Акройд П. Указ. соч. С. 394.

эксклюзивность общества высшего класса внутри и вокруг крупных городов, хотя в сельской местности последние яростно бились за поддержание своей идентичности до конца века»⁴⁶⁴.

Таким образом, сфера досуга джентльменов на протяжении рассматриваемого в диссертации периода постепенно охватывала разнообразные способы развлекательных практик как знатных кругов, так и буржуазии. Вместе с тем в досуге землевладельцев проявлялась тенденция к его упрощению, в том числе на символическом уровне. Например, езда верхом как маркер аристократизма к концу XIX в. стала уступать место техническим средствам наподобие велосипеда. Здесь видны отголоски влияния на образ жизни знати промышленной революции. Джентльменский досуг постепенно приобретал черты однородности.

Питание и организация жилого пространства

Культура приема джентльменами пищи в 1820—1890-е годы также представляет исследовательский интерес, так как позволяет увидеть, как соотносились условия питания с положением человека в обществе, и какие перемены происходили в этой сфере.

Из предисловия книги И. М. Битон, в которой содержались советы женщинам среднего класса по ведению домашнего хозяйства следует, что проблема питания играла немалую роль в отношениях между супругами. Разнообразие досуга джентльменов позволяло им не ограничиваться приемом пищи лишь в домашних условиях, что заставляло хозяек конкурировать с кухней в общественных заведениях для того, чтобы удержать мужей дома⁴⁶⁵. Джентльмены могли питаться как дома, так и в общественных заведениях. Обстановка и время завтрака, обеда или ужина зависела от многих факторов, в числе которых были размеры семьи и

⁴⁶⁴ *Ensor R. C. K. Op. cit. P. 166.*

⁴⁶⁵ См.: *The Book of Household 1861. P. III.*

наличие в доме гостей⁴⁶⁶. В небольших семьях приемы пищи были, как правило, совместными. В случае приема гостей в больших семьях к завтраку каждый приступал тогда, когда был готов.

Н. Д. Крючкова пишет, что на завтрак обычно не приглашали гостей⁴⁶⁷, но другие исследователи с этим не согласны. С. Митчелл обращает внимание на то, что в случае наличия в доме гостей подавали изысканный завтрак⁴⁶⁸, а К. Пиль уточняет, что «гости, от которых ожидалась пунктуальность, собирались в гостиной...»⁴⁶⁹

В зависимости от обстоятельств время начала завтрака в семьях высших кругов общества приходилось на промежуток с 8 до 10 часов утра. Совместный с гостями утренний прием пищи начинался в 8 часов, но обычно в неформальной обстановке семья садилась к столу в 9 часов. Завтрак при официальных приемах, как правило, начинался в 10 часов утра⁴⁷⁰.

С. Митчелл описывает процедуру такого завтрака: «Люди накладывали себе еду, расположенную на буфете: яйца, горячие булочки, тосты, возможно немного холодного мяса. Другая еда, которую могли подавать на завтрак, состояла из рыбы, языка, мясных пирогов, ветчины, грибов, бекона...»⁴⁷¹ Для горячих блюд стол сервировали, но холодных блюда размещались на буфете рядом⁴⁷². Завтрак аристократов иногда не отличался от королевской трапезы. Королева Виктория в дневнике поездки в Шотландию описывает свой завтрак, состоявший из «хорошего чая, хлеба с маслом и... замечательной каши (овсяной. — *А. Д.*)»⁴⁷³. Сравнивая процедуру приема пищи знатного джентльмена с джентльменом-буржуа, С. Митчелл указывает, что завтрак джентльмена из среднего класса в ранневикторианскую эпоху был гораздо

⁴⁶⁶ *Mitchell S.* Op. cit. P. 127.

⁴⁶⁷ См.: Крючкова Н. Д. Указ. соч. С. 116.

⁴⁶⁸ См.: *Mitchell S.* Op. cit. P. 127.

⁴⁶⁹ *Early Victorian England.* P. 90—91.

⁴⁷⁰ *Ibid.* P. 90.

⁴⁷¹ *Mitchell S.* Op. cit. P. 127.

⁴⁷² См.: Чернов С. Указ. соч. С. 132.

⁴⁷³ *Leaves from the Journal of Our Life in the Highlands.* P. 139.

более скудным и проходил раньше⁴⁷⁴. Это замечание справедливо, скорее, в отношении средней прослойки буржуазии, так как представители состоятельного среднего класса могли позволить себе более или менее похожие условия с образом жизни знати.

Утро заканчивалось ланчем, или вторым завтраком, состоявшим в начале викторианской эпохи из холодных закусок. Ланч подавали в промежутке между часом и двумя часами пополудни, и в данном случае пунктуальность не была обязательной. Для знатного джентльмена ланч был, скорее, привычным элементом дневного питания и не имел практического значения, чего нельзя сказать о представителе среднего класса, который имел меньше возможностей завтракать не спеша и полноценно и проводил значительную часть дня на работе. Соответственно, его ланч был более калорийным и играл роль полноценного приема пищи⁴⁷⁵. В романе Ч. Кингсли «Элтон Локк» один из героев рассказывает: «Слуга удалился, а затем принес аппетитный ланч, серебряные вилки, белоснежные салфетки и элегантные тарелки, так что я почувствовал себя совсем как джентльмен»⁴⁷⁶.

Около 1865 года к ланчу начали подавать и горячие блюда. Если в первой трети XIX в. дети принимали пищу отдельно от взрослых, то уже в 1850—1860-е годы детей стали сажать за общий стол вместе со взрослыми⁴⁷⁷. В этом проявлялось изменение отношения англичан в целом к детям, в которых стали видеть полноценных членов общества.

Обед в среде высшего класса носил церемониальный характер. Особенностью организации питания англичан в викторианскую эпоху было то, что обед проходил с 6 до 8 часов вечера в отличие от обеда во многих современных странах, где этот прием пищи осуществляется около часа или двух дня. Допускалось не более чем 15-минутное опоздание⁴⁷⁸. В первые

⁴⁷⁴ *Mitchell S.* Op. cit. P. 127.

⁴⁷⁵ *Ibid.*

⁴⁷⁶ *Kingsley Ch.* Op. cit. P. 190.

⁴⁷⁷ *Early Victorian England.* P. 113.

⁴⁷⁸ См.: *Крючкова Н. Д.* Указ. соч. С. 116.

годы царствования королева Виктория обедала в 8 часов вечера, в то время как обед обычных людей устраивался с 6 до 7 часов. К концу викторианской эпохи среднее время обеда англичан было перенесено на половину восьмого⁴⁷⁹. Этот сдвиг во времени приема пищи большинства семей в викторианском обществе может объясняться увеличением количества джентльменов, проживавших в городе и вовлеченных в трудовую деятельность. Необходимость работать заставляла устраивать приемы пищи с учетом времени рабочего дня.

Если чай был традиционным напитком англичан во время застолий, то кофе начало появляться после ужина только с 1860-х годов притом, что эта практика не сразу прижилась среди викторианцев⁴⁸⁰. Одной из деталей викторианских застолий в больших домах было то, что после обеда джентльменам подавали кофе в обеденном зале, а леди — в гостиной⁴⁸¹.

Любопытной особенностью питания джентльменов, проживавших в сельской местности или в пригороде, был так называемый вечерний чай (*high tea*). Он устраивался воскресным вечером, и сидевшие за столом обслуживали себя сами, поскольку по воскресеньям слуг обычно отпускали после обеда. Эта трапеза представляла «странное сочетание горячей и холодной пищи, чая и вина»⁴⁸².

Понятие ужин (*supper*) имело в викторианскую эпоху разные значения. Ужином считался вечерний прием пищи в семьях, живших в пригородах. Ужин устраивался в тех случаях, когда джентльмены обедали днем в городе. Очень поздний прием пищи во время бала или вечернего приема также назывался ужином⁴⁸³.

В практику состоятельных викторианцев вошли церемониальные обеденные приемы, которые устраивались в половину восьмого или

⁴⁷⁹ См.: *Early Victorian England*. P. 98.

⁴⁸⁰ *Ibid.* P. 95.

⁴⁸¹ *Ibid.* P. 113.

⁴⁸² *Mitchell S.* Op. cit. P. 128.

⁴⁸³ *Ibid.* P. 129.

половину девятого вечера⁴⁸⁴. Специально для таких мероприятий составлялись меню, и гости выбирали из перечня предложенного блюда по желанию.

К. Пиль приводит описание жизни небогатых, но знатных викторианцев: «...приемы пищи включали завтрак в 9 часов утра, ланч в час дня и обед в 7 часов вечера <...> По воскресеньям мы обедали поздно, поскольку не было вечерней службы в церкви <...> Закуски не подавали до вечера, но по просьбе гостей приносили торт и вино»⁴⁸⁵.

Каждый джентльмен должен был обладать искусством разрезания поданных блюд, а в книге Битон указывалось, что эта практика являлась неотъемлемой частью образования джентльмена⁴⁸⁶. Разрезание не являлось исключительно мужским занятием, но джентльмен был обязан взять на себя эту работу в случае, если у женщины возникали трудности⁴⁸⁷.

Расстановка посуды и других предметов на столе была достаточно сложной. Стол в первую очередь покрывался скатертью, поверх которой накрывали очень популярную в викторианскую эпоху белую скатерть из камчатной ткани⁴⁸⁸. Под нее хозяйки зачастую подбирали салфетки, роль которых была достаточно важной. Учитывая большую стоимость тканей и одежды в XIX веке, викторианцы тщательно следили за тем, чтобы их одежда, в особенности парадная, была безупречно чистой, для чего пользовались салфетками⁴⁸⁹. Салфетки закрепляли разными способами — в петлице или за воротником либо раскладывали на коленях, однако руководства по этикету рекомендовали держать салфетку только последним способом⁴⁹⁰. Однако, несмотря на их востребованность, салфетки к ланчу

⁴⁸⁴ Ibid.

⁴⁸⁵ *Early Victorian England*. P. 100—101.

⁴⁸⁶ *Mrs. Beeton's Book of Household Management. A Guide to Cookery in All Branches*. L., 1907. P. VII.

⁴⁸⁷ *Routledge's Manual of Etiquette*. P. 59.

⁴⁸⁸ *The Habits of Good Society*. P. 309.

⁴⁸⁹ Ibid. P. 258.

⁴⁹⁰ См.: *Routledge's Manual of Etiquette*. P. 21.

получили распространение лишь после 1865 года⁴⁹¹. В конце трапезы скатерть убрали со стола, готовя его для подачи десерта.

Состоятельные викторианцы могли похвастать шикарным набором стеклянных бокалов, украшенных резьбой. Некоторые бокалы для вина имели эксклюзивный вид, так как изготавливались из красного или зеленого стекла. Ножка у таких цветных бокалов обычно была белой. Все же наиболее солидной составляющей столовой посуды был фарфор, украшение которого превосходило серебряную и стеклянную посуду. Чрезвычайно ценными марками фарфора были Краун Дерби, Челси, Рокингэм, Вустер, Споуд, Коуплэнд и Вэджвуд⁴⁹².

Роскошь викторианских застолий в 1860-е годы приобрела более скромный формат. Смерть принца Альберта в 1861 году побудила королеву Викторию вести почти аскетичный образ жизни, который постепенно стал распространяться в викторианском обществе и проявился в ужесточении норм морали и менее претенциозном укладе жизни даже в высших кругах.

Распространенный ранее способ обслуживания *а-ля франсез*, когда блюда подавались разом, начал уступать более экономичному варианту *а-ля рюс*, набиравшему популярность в 1850-е годы и ставшему основным с 1870-х годов. Этот способ предполагал сокращение количества блюд и поочередную их подачу⁴⁹³.

Наряду с домашним питанием в викторианскую эпоху была востребована кухня в общественных заведениях, среди которых лидировали кофейни и клубы. Рестораны и кулинария были по праву предметом гордости членов таких заведений. Независимо от того, находился ли джентльмен дома, в гостях или в клубе, в пять часов вечера он осуществлял традиционную процедуру чаепития (*five o'clock tea*), которая была возведена англичанами в ранг искусства. В пользу этого свидетельствует содержащееся в рассказанной мистером Пиквиком повести описание роскошного чайного

⁴⁹¹ *Early Victorian England*. P. 112.

⁴⁹² *Ibid.*

⁴⁹³ *Ibid.* P. 118.

сервиза: «Настоящий массивный серебряный чайник, молочник и сахарница красовались на столе, настоящие серебряные чайные ложки, настоящие фарфоровые чашки и такие же тарелки для печенья и гренок...»⁴⁹⁴ Чайная церемония регламентировалась особыми правилами «Tea Moralities», автором которых, по слухам, была сама королева⁴⁹⁵. Ровно в пять часов вечера в гостиных знатных английских домов подавался чай с бутербродами или сэндвичами. В аристократической среде к чаю подавались легкие закуски, в то время как низшие слои населения с учетом затраты физической силы нуждались в более сытной пище⁴⁹⁶.

Важное место в жизни джентльменов занимала «крепость англичанина» — его дом. Здесь джентльмены находились вдали от любопытных глаз окружающих и были ограждены от вмешательства соседей. В викторианскую эпоху обстановка в доме становилась комфортнее, появлялись новые предметы домашнего обихода. Дома джентльменов варьировались от загородного поместья до городского дома ленточной застройки.

В. И. Золотов констатирует, что для джентльмена как представителя знати еще с XV века считалось неподходящим жить в Лондоне, Кенте или Миддлсексе⁴⁹⁷, однако в викторианскую эпоху средневековые устои изменились. Размеры и комфорт жилища джентльмена зависели от его статуса и связанного с ним достатка. Джентльмен-аристократ в ранневикторианский период обычно проживал в поместье, которое подчеркивало аристократический статус. Общей тенденцией в XIX веке было то, что уровень урбанизации в первой половине столетия был еще невысок, что делало загородный образ жизни предпочтительным как для аристократов и джентри, так и для стремившихся им подражать буржуа. Они стремились подобно аристократам приобретать дома за городом и вести образ жизни землевладельцев. Меккой для жителей Бирмингема, например, стал его

⁴⁹⁴ Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба. С. 243.

⁴⁹⁵ Зброжек Е. В. Указ. соч. С. 35.

⁴⁹⁶ Чернов С. Указ. соч. С. 133.

⁴⁹⁷ Золотов В. И. Указ. соч. С. 106.

пригород Эджбастон, где лорд Кэлторп распродал участки земли, которые покупали буржуа для строительства вилл. Эта тенденция была связана еще и с тем, что в ранневикторианскую эпоху в рамках буржуазной культуры происходило разграничение домашней и рабочей сфер⁴⁹⁸. Виллы носили более скромный характер, чем резиденции знатных землевладельцев. Со второй половины столетия наблюдался и обратный процесс — переселение в города. Начавшаяся массовая застройка обусловила известную демократизацию статуса джентльмена, поскольку условия проживания джентльменов независимо от происхождения стали сближаться. К концу эпохи многие аристократы переселились в города, где появился другой тип жилья, так называемые дома ленточной застройки⁴⁹⁹.

Менялся и интерьер домов. В начале викторианской эпохи обстановка жилища джентльмена была унаследована от предыдущего периода Регентства. Георгианский стиль, который сохранялся, по сути, до Всемирной выставки 1851 года⁵⁰⁰, характеризовался использованием древесины красных пород, изящных изделий из стекла, отделки мрамором, лепнины, а также деревянной обшивки стен. После выставки начинает распространяться собственно викторианский стиль в домашнем оформлении, который с 1865 года безраздельно господствовал в домах. Его характерные черты таковы: полосатые обои, брюссельские ковры, диваны, расположенные спинками друг к другу, турецкие песочные часы, круглый стол и пр.⁵⁰¹

Планировка резиденции аристократа в сельской местности предполагала много различных помещений. Источниками для характеристики помещений джентльмена-аристократа в настоящей работе стала, прежде всего, серия публикаций в американском журнале «Декорэйтор энд Фёрнишер» конца XIX века⁵⁰². Очевидно, что многие черты домов аристократов

⁴⁹⁸ См.: *Flanders J.* Inside the Victorian Home. P. 6.

⁴⁹⁹ *Mitchell S.* Op. cit. P. 111.

⁵⁰⁰ См.: *Peel C. S.* Op. cit. P. 103.

⁵⁰¹ Ibid.

⁵⁰² *Sandier A.* The Modern House: Its Decoration and Furniture. IX. The Gentleman's Chamber // The Decorator and Furnisher. 1892. Vol. 20, No. 4. P. 130—133; *Poley E.W.* Op. cit.; *A Gentleman's Secretary* 1886.

воспроизводились и в жилищах джентльменов более низких сословий. Об интерьере поместья можно узнать из описания А. Конан Дойлом владения Генри Баскервиля: «Мы очутились в большом и очень высоком помещении с огромными балками под потолком из старого дуба... Затем мы увидели... дубовую обшивку, олени головы, гербы на стенах...»⁵⁰³

Обстановка типичной комнаты аристократа чаще всего отражала индивидуальные черты и привычки ее владельца — например, у охотника обычным делом было раскладывать на полу свои охотничьи трофеи, тигровая шкура могла лежать непосредственно у кровати. В литературе описан кейс некоего аристократа Рочестера, которому принадлежала большая комната с пурпурного цвета стульями, занавесками, турецким ковром и стенами, обитыми ореховым деревом⁵⁰⁴. И. Богьян, анализируя описание этой обстановки, показывает, что предметы в доме джентльмена отражали его статус подобно тому, как общая планировка внутридомового пространства отражала взаимоотношения между хозяевами и слугами⁵⁰⁵.

Комната джентльмена обычно располагалась над обеденным залом. При входе справа в комнате стоял письменный стол, дальше — кровать, по обеим сторонам которой возвышались прикроватные тумбы. В дальнем углу комнаты, противоположном входу, находилось бюро, в дальнем левом углу — камин. Оформление камина облицовкой, имитировавшей белый мрамор, показано А. Конан Дойлом в повести «Этюд в багровых тонах»⁵⁰⁶. В центре комнаты также помещался стол. За изголовьем кровати в отгороженном помещении было пространство для переодевания, гардеробная. Тяжелая мебель большей частью была изготовлена из дуба, пространство между балками было покрыто маслом. Стены покрывали полосатые обои. Над дверью были ввешены трофеи, старинное или современное оружие. Поверхность деревянной мебели покрывалась кожей. Для придания

⁵⁰³ *Conan Doyle A. The Hound of the Baskervilles. Ch. VI.*

⁵⁰⁴ *Boghian I. Reading Victorian objects: the inside of a Victorian house. URL: <http://www.upm.ro/ldmd/LDMD-01/Hst/Hst%2001%2032.pdf>*

⁵⁰⁵ *Ibid. P. 298.*

⁵⁰⁶ *Conan Doyle A. A Study in Scarlet. Ch. III.*

помещению декоративного вида использовались специальные гвозди, стилизованные под старинное серебро, которые имели круглую, квадратную или звездообразную форму.

На полках в комнате не выставляли хрупкие или дорогостоящие предметы, их место нередко занимали предметы рыцарской экипировки — шлемы, наручи и т. д. Возле бюро стояли два узких серванта для посуды, над ними или между ними располагалось большое зеркало, которое декорировалось кожей, обитой теми же декоративными гвоздями⁵⁰⁷.

В иных случаях в комнате джентльмена зеркало сочеталось вместе с письменным столом в форме туалетного столика. Ящики туалетного столика были предназначены для разных целей: верхний — для хранения головного убора, нижние — для щеток и других предметов быта⁵⁰⁸.

Туалетная комната джентльмена была обязательным элементом спальни комнаты, ее устройство должно было способствовать быстрой смене костюмов. Туалетная отделялась от основного пространства занавеской, потолок нередко украшался изображениями цветов⁵⁰⁹.

Кабинет, или библиотека джентльмена, более просторное помещение, чем спальня, который представлял собой комнату для деловых целей, в том числе для приема посетителей. В ней была удобная мебель для написания писем, подведения счетов, хранения бухгалтерских книг и других аналогичных нужд. Работа джентльмена с такими книгами хорошо отражена в рассказе А. Конан Дойла «Пустой дом». В личном кабинете сэра Рональда Адэра было обнаружено его тело с лежавшей рядом бумагой, на которой он фиксировал сумму выигрышей и проигрышей⁵¹⁰. Это могла быть и мебель ручной работы — покрытые лаком стулья из красного дерева известных мастеров и т. п.⁵¹¹

⁵⁰⁷ Sandier A. Op. cit. P. 130—131.

⁵⁰⁸ A Gentleman's Secretary... P. 50.

⁵⁰⁹ Sandier A. Op. cit.

⁵¹⁰ См.: Дойл А. К. Указ. соч. С. 207.

⁵¹¹ См. об этом подробнее: Poley E. W. Op. cit. P. 129; Boghian I. Op. cit.

Излюбленным местом времяпровождения джентльмена была курительная комната, такие помещения получили широкое распространение к середине столетия. Были также отдельные помещения для других нужд — например, для приготовления кофе — кофейная, в которой слуги мыли ценный фарфор, готовили кофе, чай, шоколад; швейная комната для починки одежды (обычно в верхней части дома) и др.

Поместье отличалось от городских домов также значительной площадью прилегающей территории. Высшая знать использовала ее для разных целей — прежде всего для того, чтобы роскошным образом жизни подчеркнуть статус владельца. Лорд Эгрмонт, например, имел в имении Петворт три сотни лошадей, герцог Рэтленд в Бельвуаре постоянно, днем и ночью держал наготове военный оркестр для утех гостей, а герцог Девоншир в поместье Четсворт осматривал владения, разъезжая в шестерке лошадей в сопровождении восьми фореиторов⁵¹².

Типичный лондонский викторианский особняк, который, вероятно, в течение долгого времени не подвергался модернизации и ремонту, имел помимо комнат кухню, кладовую, комнату для слуг, комнату дворецкого и спальни лакеев. Каждая комната в поместье находилась под контролем отдельного слуги, общую координацию всех слуг осуществлял дворецкий.

Часть окон выходила на улицу (фасад здания), а часть — на задний двор. Вентиляция осуществлялась посредством стеклянных форточек под потолком⁵¹³. Основным видом туалета был засыпной клозет — засыпаемая песком выгребная яма вне дома или (в начале викторианской эпохи) в доме, в небольшой комнате, примыкавшей к обеденному залу, бильярдной комнате или оружейной. Естественные недостатки вентиляции в таком туалете снижали уровень комфортности повседневной жизни джентльмена и его

⁵¹² Эти и многочисленные аналогичные примеры приводятся в литературе по истории викторианской Англии. См.: Александр Ф., де Л'Онуа Б. Указ. соч. С. 15.

⁵¹³ См.: Peel C. S. Op. cit. P. 83—84.

домочадцев. Современный вид выгребной ямы появляется в 1860 году, когда некий Г. Молл даже зарегистрировал на нее патент⁵¹⁴.

В конце георгианского периода и в начале викторианской эпохи ванная еще не была широко распространена в домах. В первой половине столетия не считалось неестественным мыться редко. Ванна представляла собой тазик, в которую наливали холодную или горячую воду. Горячая вода, как пишет Э. Троллоп в романе «Барчестерские башни», была необходимым элементом жизни в доме любого distinguished gentleman⁵¹⁵. К 1865 году среди состоятельных викторианцев ежедневный прием ванны становится обычным делом, для представителей среднего класса нормой был еженедельный прием ванны. Особая комната для ванны тоже появляется не сразу, ближе к середине эпохи, хотя Э. Бриггс утверждает, что даже в 1890-е годы некоторые богатые дома строились без ванной комнаты⁵¹⁶. В спальнях хранились банные принадлежности для того, чтобы умываться перед сном. В разных комнатах стояли специальные туалетные стойки. Вот описание типичной стойки для пары хозяев: по два больших фарфоровых тазика и кувшина, маленькие кувшин и тазик, два подстаканника для зубных щеток, два футляра для зубных щеток, две миски для губок⁵¹⁷. В каждой комнате был одинаковый набор на одну персону. В ранневикторианский период формирование такого набора еще не было общераспространенной практикой, но в средневикторианский период он приобрел широкую популярность в домах джентльменов.

Особняки джентри, естественно, были менее богатыми, хотя зачастую тоже достаточно большими. В статье К. Пиль описан типичный дом сквайра на примере жилища сквайра Хэмли (на 1856 год)⁵¹⁸. Его гостиная представляла собой комнату длиной в 40 футов и имела пять высоких окон. В

⁵¹⁴ Ibid. P. 86.

⁵¹⁵ Trollope A. Op. cit. Ch. V.

⁵¹⁶ Briggs A. Victorian Things. P. 250.

⁵¹⁷ Peel C. S. Op. cit. P. 87.

⁵¹⁸ Ibid. P. 102.

сервантах было большое количество предметов индийского фарфора, на полу — потертый ковер того же времени. В доме было много горшков с растениями, создававших особую атмосферу.

Среди других помещений дома джентри также насчитывали кухню, буфетную, помещение для мытья посуды, комнату отдыха, помещение для хранения запасов пищи (зачастую отдельно для мяса, отдельно для молочной продукции и для десертов), комнату мажордома (экономки), комнату носильщика, комнату для слуг, комнату для чистки одежды. Возле задней двери дома висел шнурок с колокольчиком, с помощью которого звали слуг⁵¹⁹.

Распространенный тип дома представителя среднего класса — это, в отличие от унаследованных аристократами и джентри поместий, обычно съемное жилье (как это описано в знаменитом цикле произведений А. Конан Дойла о Шерлоке Холмсе, который был вынужден делить арендуемое жилье с соседом). Срок для съема был фиксированным — три, пять, семь лет⁵²⁰. Съемщик должен был сам заботиться об обстановке комнаты, то есть о ее меблировке и украшениях, тогда как капитальный ремонт был, как это и в наших реалиях, зоной ответственности хозяина дома. Городские дома были узкими ввиду высокой стоимости земли в городе, однако они имели несколько этажей. Наиболее респектабельные дома располагались на центральной площади, менее солидные — вдоль улиц. Парадный вход на первый этаж (по-английски *ground-floor*) находился на небольшом крыльце, на нем располагались прихожая, кухня, обеденный зал и личное помещение съемщика (библиотека, кабинет или бюро)⁵²¹.

Лучше всего обставленные комнаты находились на втором этаже такого дома (по английскому счету, первый этаж), потому что они были больше защищены от уличного шума и от кухонных запахов. Большая часть второго этажа была занята гостиной, хотя в некоторых случаях в зависимости от

⁵¹⁹ Ibid. P. 89.

⁵²⁰ Mitchell S. Op. cit. P. 111.

⁵²¹ Ibid.

пространства и архитектуры дома второй этаж мог разделяться на две-три комнаты, разделенные дверями (галереи, комнаты для музыки и т. д.). Когда принимали гостей, слуга приглашал в дом, принимал одежду и провожал на второй этаж в гостиную, где их уже у лестницы встречала хозяйка.

На обед гости спускались на первый этаж в обеденный зал. Одним или двумя этажами выше гостиной располагались семейные спальни, в зависимости от размера и дизайна дома спальня съемщика могла иметь отдельные раздевалки для мужчин и женщин.

На самом верху здания пространство занимали спальни слуг. С. Митчелл предлагает описание дома представителей состоятельного среднего класса. Для семьи с большим количеством детей считался подходящим дом с десятью комнатами — кухня, обеденный зал, гостиная, библиотека, три спальни для членов семьи, детская, две комнаты для слуг. Прихожая должна была иметь каменный пол, восточные ковры, подставку для зонтов и один или два стула с высокими спинками. В обеденной комнате располагался стол на одной ножке, который позволял всем удобно сидеть за ним, не мешая друг другу. Предпочтение отдавалось кожаной обивке стульев (тканевая обивка вбирала в себя много пыли; кроме того, тканевая обивка вредила женским платьям). В серванте у стены располагались серебряные блюда и дорогой фарфор, запиравшиеся на ключ ящики с ликером и других алкогольных напитков. В больших городских домах была отдельная комната для того, чтобы семья собиралась по утрам, и тогда гостиная считалась женской комнатой, в которой находились удобные кресла и стулья, пианино, отдельный круглый стол, покрытый скатертью, для чаепитий⁵²².

Дольше других в моде держался готический или античный стиль меблировки домов, для которого было характерно использование тяжелого темного дерева с резными украшениями. Комнаты были наполнены цветами в горшках, иногда в них располагались клетки с птицами, на стенах — картины, семейные портреты, коллекции морских ракушек и другие

⁵²² Ibid. P. 113.

сувениры. Дж. Глог так описывает исключительный порядок, царивший в викторианском доме: «...интерьер викторианского дома был бы безнадежно хаотичен, если бы не продуманная расстановка бесчисленных предметов, занимавших все свободное пространство»⁵²³.

Мебель в спальнях была более скромной, даже в очень богатых домах. В первой половине века в домах не было вентиляции, но к середине столетия люди стали понимать необходимость проветривания помещений. В ряде случаев проветривание было жизненно необходимым, поскольку обои, которые после Всемирной выставки стали трендом в интерьере викторианского дома, содержали мышьяк. С середины XIX века модным стал зеленый цвет обоев, красителем в которых был как раз мышьяк и в непроветриваемом помещении испарения от таких обоев иногда приводили к тяжелым отравлениям, а в отдельных случаях и к летальным исходам⁵²⁴. В течение викторианского периода большие деревянные кровати с балдахинами заменялись на кровати с медной или железной основой⁵²⁵.

Бесспорным достоинством англичан, которое Н. А. Ерофеев отмечает, опираясь на свидетельства путешественников, была «четкая организация жизни и быта»⁵²⁶. Здесь показательны слова А. Г. Глаголева, который по всей видимости описывал быт состоятельных буржуа или знати: «Опрятность англичан... доходящая до щегольства и даже до тщеславия, в Лондоне бросается в глаза на каждом шагу. Она видна в их платье, в столе, в убранстве домов и даже в содержании улиц. Рубашки и столовое белье переменяются ежедневно, комнаты убираются каждое утро»⁵²⁷. Для поддержания здорового сна жильцов постель каждый день очищали от пыли, в спальне также находились отдельный шкаф для хранения одежды,

⁵²³ *Gloag J.* Op. cit. P. 40—41.

⁵²⁴ Их внешний вид показан в документальном фильме BBC «Скрытые угрозы викторианской эпохи» (режиссер Сюзанн Филипс, 2013), который доступен по URL: <http://www.youtube.com/watch?v=9W4COVXWhk4>.

⁵²⁵ См. подробнее: *Mitchell S.* Op. cit. P. 114.

⁵²⁶ *Ерофеев Н. А.* Указ. соч. С. 166.

⁵²⁷ Цит. по: там же. С. 168.

туалетный столик с зеркалом и умывальник. Утверждению этой черты в английском характере могла способствовать «теория миазмов», которая, как указывает Е. Коути, господствовала в викторианской медицине⁵²⁸ и предполагала распространение эпидемий заболеваний посредством зловонного запаха. Несмотря на ее абсурдность, теория миазмов способствовала очистке властями заваленных мусором улиц городов. Однако, несмотря на улучшавшиеся в целом санитарные условия в домах, проблемой вплоть до конца 1870-х годов оставались постельные клопы. На клопов жаловался даже личный слуга королевы, в чьи обязанности вменялась травля этих насекомых⁵²⁹.

Становится заметно, в первой половине XIX века в части быта у высшего и среднего класса существовали свои специфические черты. К ним можно отнести разную степень богатства стола и разный тип жилья (загородные особняки / городские дома). Однако во второй половине столетия совокупность факторов (мораль, процесс урбанизации) приводила к сближению бытовых условий высшего и среднего класса. Приемы пищи первого становились более умеренными, ослаблялся символизм типа жилья, так как часть аристократии и джентри постепенно перебиралась в города, и усваивали черты буржуазного образа жизни.

Внешний облик джентльмена

В викторианскую эпоху в обществе получил распространение миф о том, что в публичных местах ножки рояля драпировали тканью, чтобы скрыть малейшее сходство с женскими ногами⁵³⁰. Учитывая строгие нравы викторианской эры, не стоит удивляться тому, что одежде, скрывавшей тело, уделяли так много внимания. Одежда говорила о человеке порой больше, чем он сам.

⁵²⁸ См.: Коути Е. Недобрая старая Англия. С. 45.

⁵²⁹ См.: Briggs A. Victorian Things. P. 249.

⁵³⁰ См.: Коути Е., Харса Н. Указ. соч. С. 53—54.

Как отмечает О. Б. Вайнштейн, отношение джентльмена к собственной внешности было в достаточной степени равнодушным, и что порой приводило к некоторой неухоженности. Это подчеркивало мужественность и придавало легкий оттенок небрежности⁵³¹. Такое отношение диктовалось отсутствием необходимости что-либо доказывать окружающим при помощи внешнего вида. В то же время С. Митчелл обращает внимание на то, что одежда джентльмена шилась для него портным⁵³². Это обстоятельство, напротив, говорит о том, что джентльмену было важно, чтобы костюм сидел на нем идеально.

Несомненно, родовитое фамильное древо позволяло джентльменам в отношении одежды чувствовать себя свободнее, чем, например, денди, которые если не могли похвастать знатными предками, то самовыражались посредством модных костюмов. Вкусам первых отвечали, скорее, традиционные вещи. Несмотря на это, джентльмен все же отдавал дань викторианской моде. Дома он мог носить халаты разных цветов и из различных материалов — от необлицованного бобрика до мягкой шерстяной ткани *пейсли* — надетый поверх нижнего белья⁵³³. Так, в рассказе «Пустой дом» А. Конан Дойла таким «старым халатом Холмса» был задрапирован манекен, который должен был иметь вид самого детектива, сидящего у окна⁵³⁴.

К началу викторианской эпохи черный цвет стал использоваться для деловой одежды, но одежда для спорта, путешествий и приемов в домах могла иметь зеленый, коричневый, голубой и некоторые другие цвета⁵³⁵. Основу парадного костюма джентльмена викторианской эпохи составляли рубашка, брюки, «оксфордские» ботинки, жилет и верхняя часть костюма. Принципиальным было ношение головного убора вне помещения.

⁵³¹ См.: Вайнштейн О. Б. Указ. соч. С. 175.

⁵³² Mitchell S. Op. cit. P. 136.

⁵³³ См.: Чернов С. Указ. соч. С. 120.

⁵³⁴ См.: Дойл А. К. Указ. соч. С. 222.

⁵³⁵ Early Victorian England. P. XIV.

Составляющие костюма варьировались в зависимости от времени года. Руководства по этикету в конце викторианской эпохи требовали от джентльмена ношения летом сюртука, светлого жилета, шелкового цилиндра, серых перчаток и темно-серого галстука. Зимой предполагалось надевать черные сюртук и жилет, и серые брюки в полоску⁵³⁶.

Рубашки были, как правило, хлопчатобумажными. Детали одежды для викторианцев имели исключительную важность. Об этом говорит тот факт, что конструкция рубашек предусматривала сменные воротнички и манжеты⁵³⁷. Это позволяло в случае надобности заменить засалившиеся детали, не меняя самой рубашки.

Материал для брюк был в основном двух видов: шерстяная костюмная, либо фланелевая ткань. Предполагалось, что джентльмены будут носить брюки под фрак, поэтому они шились с высокой талией. Ремень не был предусмотрен и его роль играли подтяжки, ставшие непременным атрибутом костюма.

Викторианская мода регламентировала не только составляющие мужского костюма, но также фасон и цвет разных его элементов с учетом времени суток. С. Чернов отмечает: «Днем в городе полагалось носить традиционные ботинки с черным гладким носком оксфордского типа, со шнуровкой или застегивавшиеся на пуговицы, без декоративных дырочек и насечек, с замшевым верхом. Для вечера предназначались черные лакированные туфли»⁵³⁸.

Жилеты делились на однобортные и двубортные и имели четыре кармана. Обычно шились из того же материала, что и сам костюм. Верхняя часть костюма в зависимости от цели выхода и времени могла быть представлена фраком, пиджаком, кардиганом.

⁵³⁶ *Mitchell S.* Op. cit. P. 136.

⁵³⁷ См.: *Чернов С.* Указ. соч. С. 121.

⁵³⁸ Там же.

«Типичным англичанином любого класса в середине периода правления Виктории был человек с бородой и с трубкой»⁵³⁹, — писал Дж. М. Тревельян. Согласно ему, мода на курение и ношение бороды после длительного затишья стала вновь актуальной в Англии после Крымской войны. Для курильщиков существовала специальная куртка, которая надевалась для того, чтобы запах во время процесса курения не впитывался в одежду⁵⁴⁰. К. Пиль упоминает также о специальных головных уборах для курения, которые были призваны не допускать впитывания запаха табака в волосы⁵⁴¹.

Большое внимание англичане уделяли головным уборам, по которым можно было определять статус человека и даже род его занятий. В рассказе А. Конан Дойла «Голубой карбункул» шляпа незнакомца становится для Шерлока Холмса источником информации о человеке, на основе которой главный герой устанавливает его личность: «Совершенно очевидно, например, что владелец ее — человек большого ума и что три года назад у него были изрядные деньги...»⁵⁴² Типичными для джентльмена были цилиндр или котелок. Котелки в викторианскую эпоху были отличительным признаком людей из респектабельного общества, однако к концу века эта граница между буржуа и знатью все сильнее размывалась⁵⁴³.

Среди прочих аксессуаров были распространены перчатки, трости, галстуки или шейные платки, а также зонты. Так, распространенными цветами шейных платков были черный и белый. У Дж. Элиот в романе «Миддлмарч» старику Фезерстоуну был прописан постельный режим, и он, лежа в кровати, не выпускал из рук трость с золотым наконечником⁵⁴⁴. По мнению Дж. Уилдеблад, преимуществом ношения трости или зонта являлось то, что они позволяли занять руки джентльмена⁵⁴⁵. Джентльмен не должен

⁵³⁹ Тревельян Дж. М. Указ. соч. С. 548.

⁵⁴⁰ См.: Чернов С. Указ. соч. С. 124.

⁵⁴¹ См.: *Early Victorian England*. P. 99.

⁵⁴² Дойл А. К. Указ. соч. С. 68.

⁵⁴³ См.: Чернов С. Указ. соч. С. 129.

⁵⁴⁴ *Eliot G.* Op. cit. Ch. XXXII.

⁵⁴⁵ *Wildeblood J.* Op. cit. P. 240.

был использовать жесты во время разговора, соответственно его руки были свободны, а положение рук в карманах было признаком праздной беззаботности. Британский историк также утверждает, что в XIX веке джентльмен не использовал парфюмерию. В этот период это стало прерогативой леди или денди, иного культурного типажа. Для охоты джентльмен надевал охотничий костюм, отличительной особенностью которого было то, что он не сковывал движения.

Тем не менее джентльмены, будучи ценителями классических вещей, имели привычку носить какую-либо старую вещь, вышедшую из моды, но отличавшуюся удобством. «У каждого джентльмена есть любимая вещь, которая носится годами, и чем явственнее на ней следы времени, тем ценнее она в глазах хозяина»⁵⁴⁶, — писала О. Б. Вайнштейн. Она также описывала собрания аристократов, где можно было встретить джентльменов «в протертых чуть ли не до дыр твидовых пиджаках или в залатанных брюках»⁵⁴⁷.

Детальное описание внешнего вида джентльмена содержится в статье «Угасающий пожилой джентльмен»: «Его одежда, хоть и обветшала, аккуратно вычищена и надета с исключительной опрятностью. Подкладка его одежды чистая и яркого цвета, а его шейный платок, равно безупречный, повязан с замечательной точностью; для пожилого человека, каким он является, джентльмен не потерял и уже не потеряет тот вкус, который заставляет уделять подобающее внимание внешности»⁵⁴⁸.

Тем не менее, несмотря на важность одежды, узнаваемость джентльмена не была всецело обусловлена его костюмом. В повести «Собака Баскервилей» встречается такой портрет Генри Баскервиля: «На нем был красный твидовый костюм и у него было обветренное лицо человека, который проводил большую часть своего времени на открытом воздухе, и все же было что-то в его твердом взгляде и в спокойном уверенном поведении,

⁵⁴⁶ Вайнштейн О. Б. Указ. соч. С. 175.

⁵⁴⁷ Там же.

⁵⁴⁸ *The Decayed Old Gentleman, a Sketch* // *The Irish Penny Journal*. 1841. 13 March. P. 292.

что выдавало в нем джентльмена»⁵⁴⁹. Кроме того, с течением времени костюм претерпевал изменения. Так же, как и в 1850-е годы, двумя десятилетиями позже выходной костюм состоял из черного пальто фрачного типа, белых прямых и объемных брюк, а также цилиндра⁵⁵⁰. Но при этом одежда для досуга перестала включать в себя элементы выходного костюма. Англичане больше не надевали цилиндры во время игр в крикет, также как и выходное пальто не использовалось для прогулки в горах. Для велосипедных поездок брюки уже не были столь удобной одеждой, как для пеших прогулок, поэтому они были заменены на укороченный вариант с пряжками под коленями, парой к которым шла норфолкская куртка⁵⁵¹. В целом, тенденция изменения костюма высшего и среднего классов в 1870—1880-е годы предполагала более прагматичный выбор одежды для соответствующих занятий, основанный на принципе удобства.

Изучение бытовой стороны жизни джентльменов и их досуга показывает, что в этой части происходили процессы разного характера. С одной стороны, упрочивавшие свой социальный статус буржуа стремились соответствовать культурным стандартам высших кругов общества путем приобретения домов в сельской местности, а с другой — имела место общая демократизация досуга английского общества в целом и джентльменов разных социальных слоев в частности. Это проявлялось и на уровне развлечений, которые становились все менее классово выраженными, повседневного костюма, приобретающего черты прагматичности, и в повседневных клубных практиках, где представители знати делили одни пространства с буржуа, и в домашнем быте, где просматривается общая планировка домов джентльменов — с разделением пространств по их функционалу, с медленно эволюционировавшей в течение викторианской эпохи гигиеной, с единством стиля интерьера, который постепенно приобретал черты умеренности к концу XIX века.

⁵⁴⁹ Conan Doyle A. The Hound of the Baskervilles. Ch. 4.

⁵⁵⁰ Ensor R. C. K. Op. cit. P. 167.

⁵⁵¹ Ibid.

Итак, в культурном отношении джентльменство в период с 1820-х по 1890-е годы представляет собой довольно сложную картину. Размывание границ между знатью и буржуазией было тесно связано с формированием общего культурного фона. Это прослеживается как в части этики, так и в части бытовой стороны повседневности. Культурной основой джентльменства выступали в первую очередь общепринятые нормы поведения, составлявшие негласный кодекс джентльмена. Несмотря на то что эти нормы изначально формировались в среде высшего класса и, как отмечают исследователи, должны были соблюдаться по отношению к представителям своего круга, изучение повседневности XIX века позволяет увидеть, что буржуа стремились к усвоению норм джентльменского поведения и в свою очередь ожидали такого поведения по отношению к себе. Это позволяет сделать вывод о некоторой универсальности принципов джентльменского поведения по отношению к представителям разных категорий английского социума и, следовательно, отсутствия культурной отчужденности категории джентльменов от «простых людей». В то же время обладатели статуса джентльмена, в частности аристократы, в повседневной жизни вели себя по-разному, не всегда соблюдая нормы кодекса, что может объясняться и проявлением характера, например самоуверенности, которую аристократам придавало осознание своего независимого положения благодаря владению земельной собственностью. Подобные случаи указывают на существование разных культурных, в том числе поведенческих практик внутри категории джентльменов, что, с другой стороны, подтверждается и художественной литературой, предлагающей разные типы джентльменов по критерию происхождения / поведение.

Обращение к бытовой стороне жизни англичан также раскрывает культурное сближение высшего и среднего классов на уровне материальных ценностей. Причем этот процесс демонстрирует центростремительный характер — заметно не только упрощение быта знати, проявление

урбанистических черт в образе жизни ее представителей как в частичном переселении в города, так и в принадлежности к городской клубной культуре, но и рост качества жизни буржуазии, по крайней мере ее состоятельного слоя, который, наоборот, стремится подражать землевладельцам. Окончательно исчезает пространственная разделенность досуга знати и простых англичан, которые, например, нередко разделяют одни и те же публичные пространства. Совокупность этих черт позволяет делать вывод о тенденции к формированию универсальной джентльменской культуры.

Заключение

Джентльменство в Англии в 1820—1890-е годы представляет собой сложное явление, в котором тесно переплетались и социальные, и культурные характеристики. Корни этой сложности — в самой истории феномена джентльменства. Анализ использования слова *джентльмен* на протяжении столетий, предшествовавших девятнадцатому, показывает, что в позднем Средневековье акцент ставился, как правило, на социальных характеристиках — в первую очередь на происхождении, что в значительной мере, хотя и не всегда, обуславливало социальное положение человека. Однако уже на рубеже Средних веков и раннего Нового времени культурные аспекты джентльменства стали восприниматься идентифицирующим признаком наравне с социальными. Многие публицисты признавали, что в общественных отношениях ключевую роль играет не степень знатности человека, а иные характеристики, например поведение, которое согласовывается с нормами морали и, таким образом, является общественно приемлемым. По крайней мере к началу XIX века эта идея была уже далеко не новой и находила отклик в среде многочисленных буржуа.

Рассмотрение социальных аспектов джентльменства в 1820—1890-х годах показало, что категорию джентльменов по-прежнему составляли знатные англичане, к которым в социальном отношении приближалась состоятельная буржуазия. Возраставшая социальная мобильность в рамках общества в целом приводила к тому, что классовые границы теряли свою непроницаемость. Во-первых, этому способствовала активность прессы и публицистики, которые создавали отвечающий интересам среднего класса идейный фон, приводя описания случаев признания человека джентльменом на основании личных достоинств и осуждая «джентльменов», поступавших недостойно, в морализаторских статьях. Во-вторых, система образования, доступ к которой был все еще не у всех общественных групп, тем не менее

была в равной степени доступна знати и буржуазии. Публичные школы и университеты формировали новый тип англичанина, сочетавшего в себе культурные черты знатных кругов и буржуазии и признаваемого средним и высшим классами как джентльмен. Подобное сближение знати и верхушки среднего класса, как бы то ни было, не изменило гендерного порядка, остававшегося по-прежнему патриархальным. В этой сфере проявлялся консерватизм джентльменства, заключавшийся в неукоснительном соблюдении этических норм в отношении женщин. Это поддержание обеспечивалось механизмами контроля гендерного порядка в виде гражданских инициатив (обращения англичан в газеты для придания вопиющих случаев неджентльменского поведения огласке), деятельности судебных и полицейских институтов, активности прессы по дискредитации нарушителей норм. В конечном итоге джентльменство выступало как агент патриархального уклада — было нацелено на создание комфортной среды для женского пола и тем самым, как ни парадоксально, ограничивало пространство женской свободы.

Социальное сближение категорий английского общества происходило параллельно с ослаблением культурных барьеров. Общая тенденция к сближению быта и досуга знати и буржуазии проявлялась в ряде черт, к которым относились общность пространств, где взаимодействовали знатные люди и буржуа, более скромный характер образа жизни знати и, наоборот, подражательство ей представителей среднего класса, общие принципы планировки жилых помещений (разделений по функционалу) высшего и среднего классов, упрощение костюма, становившегося более практичным и менее классово выраженным, увеличение доступности массовых развлечений, в первую очередь спорта как вида развлечений прежде всего знатных людей и пр. На фоне универсализации внешних черт джентльменской повседневной культуры свою неизменность сохраняли принципы джентльменской этики в рамках джентльменского кодекса, однако и здесь ожидания буржуа достойных поступков со стороны людей,

обладавших статусом джентльмена, в частности честного поведения, демонстрирует, что представители среднего класса придавали джентльменской этике универсальный характер. Здесь также просматривается размывание образа джентльмена как аристократа, соблюдающего нормы поведения только в рамках круга равных себе по статусу. В то же время члены аристократических семей могли вести себя прямо противоположно заявленным в кодексе нормам. Это указывает на многообразие возможных практик джентльменства на этическом уровне. Разные типы художественных образов джентльмена в XIX веке, выявленных на основе комплексного критерия *происхождение / поведение*, поддерживают это наблюдение.

Все вышеизложенное побуждает воспринимать джентльменство в Англии в 1820—1890-е годы как явление, целостное представление о котором требует рассмотрения как его социальных, так и культурных аспектов. Комплексный анализ обеспечивает понимание джентльменства в рассматриваемый период как явления социально неоднородного, но тяготеющего к однородности в культурном плане. Такой подход позволяет проблематизировать различные характеристики джентльменства, которые представляются однозначными лишь в первом приближении.

Список источников и литературы

Источники

Словари

1. *A New English Dictionary on Historical Principles* / ed. by J. A. H. Murray. Oxford: Clarendon Press, 1901. Vol. 4. 532 p.
2. *A New General English Dictionary*. L.: R. Ware, 1735.
3. *A New Universal Etymological English Dictionary* / ed. by J. N. Scott. L.: T. Osborne, J. Bucland, R. Baldwin, W. Johnston, 1772. 1080 p.
4. *Bailey N.* The New Universal Etymological English Dictionary. 4th ed. L.: R. Ware, 1756.
5. *Barrere A., Leleland Ch.* A Dictionary of Slang, Jargon and Cant. L.: Ballantyne Press, 1889. Vol. 1. 528 p.
6. *Blount Th.* Glossographia Anglicana Nova. L.: D. Brown, 1707. 584 p.
7. *Bullokar J.* An English Expositor: Teaching the Interpretation of the Hardest Words Used in Our Language. L.: J. Legatt, 1656. Ca. 300 p.
8. *Cawdrey R.* A Table Alphabeticall. 4th ed. L.: I. Roberts for E. Weauer, 1617.
9. *Farmer J. S., Henley W. E.* A Dictionary of Slang and Colloquial English. L.: Routledge & Sons; N. Y.: E. P. Dutton & Co., 1905. 558 p.
10. *Johnson S.* A Dictionary of the English Language. Dublin: W. J. Jones, Th, Ewing, 1768.
11. *Kersey J.* A New Classical English Dictionary. 7th ed. Dublin: S. Powell, 1757. 340 p.
12. *Knowles J.* A Pronouncing and Explanatory Dictionary of the English Language. L.: F. De Porquet and Cooper; Edinburgh: Oliver and Boyd; Dublin: Webb, 1835. 813 p.

13. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. 4th ed., with corrections / ed. by A. S. Hornby; chief ed. A. P. Cowie. Oxford: Oxford University Press, 1992. 1579 p.

14. *Redding Ware J. Passing English of the Victorian Era: A Dictionary of Heterodox English, Slang, and Phrase*. L.; N.Y.: G. Routledge & sons, 1909. 271 p.

15. *Reid A. A Dictionary of the English Language*. Edinburgh: Oliver & Boyd, Tweeddale Court; L.: Simpkin, Marshall & Co., 1844. 563 p.

16. *Sheridan Th. A General Dictionary of English Language*. L.: J. Dodsley, C. Dilly, J. Wilkie, 1780. 1064 p.

17. *Sinclair J. Collins COBUILD English Language Dictionary*. L.: Collins, 1987. 1703 p.

18. *The Slang Dictionary, Etymological, Historical, and Anecdotal*. L.: Chatto and Windus, 1874. 382 p.

19. *Webster N. An American Dictionary of the English Language*. N.Y.: S. Converse, 1828. Vol. 1. 1026 p.

Публицистические произведения

20. *Allestree R. The Gentleman's Calling*. L.: R. Norton, 1673. 204 p.

21. *Anthony Ashley Cooper, Third Earl of Shaftesbury. An Inquiry Concerning Virtue or Merit // Anthony Ashley Cooper, Third Earl of Shaftesbury. Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times / Ed. by L. E. Klein*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 529 p.

22. *Brathwait R. The English Gentleman and the English Gentlewoman*. L.: John Dawson, 1641. 544 p.

23. *Calvert G. H. The Gentleman*. Boston: Ticknor and Fields, 1863. 159 p.

24. *Defoe D. The Compleat English Gentleman / ed. by K. D. Bülbring*. L., 1890. 295 p.

25. *Ferne J. The Blazon of Gentry*. L.: J. Windet, 1586. 512 p.

26. *Freeling A.* The Pocket Book of Etiquette. Liverpool: H. Lacey, 1837. 84 p.
27. *Gentlemen* // The Cornhill Magazine. L., 1862. Vol. 5. P. 327—342.
28. *Hobbes Th.* De Cive or the Citizen / ed. by St. P. Lamprecht. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1949. 211 p.
29. *Hughes Th.* The Public Schools of England // The North American Review. 1879. Vol. 128, No. 269. P. 352—371.
30. *Lieber F.* The Character of the Gentleman. 3rd and much enl. ed. Philadelphia: J. B. Lippincott & co., 1864. 121 p.
31. *Medieval English Political Writings* / ed. by J. M. Dean. URL: <http://d.lib.rochester.edu/teams/publication/dean-medieval-english-political-writings> (дата обращения: 20.02.2018).
32. *Mrs. Beeton's Book of Household Management.* A Guide to Cookery in All Branches. L.: Ward, Lock and Co., 1907. 2056 p.
33. *Nares E.* Heraldic Anomalies. L.: G. and W. B. Whittaker, 1823. Vol. 2. 372 p.
34. *Nichols Th.* How to Behave: a Manual of Manners and Morals. L.: Longmans, Green and Co., 1873. 230 p.
35. *Peacham H.* The Compleat Gentleman. Oxford: The Clarendon Press, 1906. 261 p.
36. *Principles of Politeness and of Knowing the World by the Late Lord Chesterfield* / ed. by J. Trusler. L.: J. Bell, 1775. 109 p.
37. *Routledge's Manual of Etiquette.* L.: Routledge, 1860. 234 p.
38. *Smiles S.* Self-Help; with Illustrations of Character and Conduct. L.: J. Murray, 1859. 343 p.
39. *Smith A.* The Theory of Moral Sentiments. L.: H. G. Bohn, 1853. 538 p.
40. *Smith Th.* De Republica Anglorum / ed. by L. Alston. Cambridge: The University Press, 1906. 210 p.
41. *Stevenson R. L.* Gentlemen // Scribner's Magazine. N.Y.; L.: Charles Scribner's Sons / F. Warne, 1888. Vol. 3, No. 5. P. 635—640.

42. *The Best Letters of Lord Chesterfield* / ed. by E.G. Johnson. Chicago: A.C. McClurg and Company, 1890. 312 p.
43. *The Book of Household Management* / ed. by I. Beeton. L.: S. O. Beeton, 1861. 1112 p.
44. *The English Gentleman: His Principles, His Feelings, His Manners, His Pursuits*. L.: George Bell, 1849. 152 p.
45. *The Gentleman's Library: Containing Rules for Conduct in all Parts of Life*. 4th ed. Corrected and Enlarged. Written by a Gentleman. L.: S. Birt; and D. Browne, 1744. 440 p.
46. *The Gentlemans Companion: or, a Character of True Nobility, and Gentility: in the Way of Eſſay*. By a Person of Quality. 2nd ed. L.: A. Bettesworth and J. Wilford, 1719. 264 p.
47. *The Habits of Good Society: a Handbook of Etiquette for Ladies and Gentlemen*. L.: J. Hogg & Sons, 1859. 378 p.
48. *Wilson Th. The State of England Anno Dom. 1600* / ed. by F.J. Fisher. L.: Camden Society, 1936. 47 p.

Периодическая печать

49. *A Gentleman, residing...* // *The Liverpool Mercury and Double Supplement*. 1853. 11 Nov. P. 2.
50. *A Gentleman's Secretary and Toilet Cabinet* // *The Decorator and Furnisher*. 1886. Vol. 8, No. 2. P. 50.
51. *Charge of Assault against the Marquis of Queensberry* // *Lloyd's Weekly Newspaper*. 1872. 8 Dec.
52. *Charge of Fraud* // *The Daily Telegraph*. 1871. 25 Dec.
53. *Charge of Fraud against a Gentleman* // *The Standard*. 1874. 30 July.
54. *Charge of Fraud against a Gentleman* // *The Western Times; Exeter*. 1895. 22 Oct.

55. *Charge of Fraud by a French Gentleman* // The Manchester Courier, and Lancashire General Advertiser. 1881. 26 May.

56. *Cowardly Conduct towards a Young Lady* // Worcestershire Chronicle. 1881. 17 Dec. P. 3.

57. *Douceur* // The Liverpool Mercury and Double Supplement. 1853. 11 Nov. P. 2.

58. *Fight between a Marquis and a Detective* // Reynolds's Weekly Newspaper. 1872. 8 Dec.

59. *Honesty Singularly Rewarded* // Bristol Daily Post. 1860. 26 Dec.

60. *Poley E. W. Odd Bits of Furnishing: The Study, or Gentleman's Room* // The Decorator and Furnisher. 1884. Vol. 4, No. 4. P. 129.

61. *Sandier A. The Modern House: Its Decoration and Furniture. IX. The Gentleman's Chamber* // The Decorator and Furnisher. 1892. Vol. 20, No. 4. P. 130—133.

62. *Serious Charge of Fraud against a Gentleman* // The Illustrated Police News. 1870. 10 Dec.

63. *Summary Chastisement of an Officer* // The Norfolk Chronicle and Norwich Gazette. 1861. 6 Apr. P. 7.

64. *The Decayed Old Gentleman, a Sketch* // The Irish Penny Journal. 1841. Vol. 1, No. 37. P. 292—293.

65. *The Disgraceful Conduct towards Ladies in a Railway Carriage* // The Englishman. 1864. 9 Jan. P. 6.

66. *The Penny Press in England* // The Hobart Town Daily Courier. 1857. 23 May. P. 2.

67. *Ungentlemanly Conduct* // The Sheffield Daily Telegraph. 1870. 12 Apr. P. 7.

68. *Ungentlemanly Conduct* // Wilts and Gloucestershire Standard. 1854. 4 Nov. P. 8.

69. *What is a Gentleman?* // The Carlisle Patriot. 1823. 7 June. P. 3

70. *What is a Gentleman?* // The Westmorland Gazette. 1823. 14 June. P. 4.

71. *What is "A Gentleman?"* // The Westmorland Gazette. 1834. 1 March. P. 4.
72. *What is a Gentleman?* // Lincolnshire Echo. 1894. 2 May. P. 3.
73. *What is a Gentleman?* // The Star. 1879. 2 Sep. P. 4.
74. *What is a Gentleman?* // Whitstable Times and Herne Bay Herald. 1888. 5 May. P. 3.
75. *What is a Gentleman? Replies in Aberdeen Small Debt Court* // Aberdeen Evening Express. 1889. 31 Oct. P. 3.
76. *What Makes a Gentleman?* // The Leicester Chronicle. 1835. 7 Nov. P. 1.

Художественная литература

77. *Бульвер-Литтон Э. Кенелм Чиллингги, его приключения и взгляды на жизнь.* М.: Правда, 1985. 576 с.
78. *Бульвер-Литтон Э. Последние дни Помпей. Пелэм, или Приключения джентльмена / послесл. А. А. Нейхардт.* М.: Правда, 1988. 768 с.
79. *Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба.* СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. 832 с.
80. *Дойл А. К. Малое собрание сочинений.* СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. 736 с.
81. *Марло К. Эдуард II* // Марло К. Сочинения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. 661 с.
82. *Теккерей У. Ярмарка тщеславия: Роман без героя.* М.: Эксмо, 2013. 928 с.
83. *Bulwer Lytton E. Pelham or Adventures of a Gentleman.* L.; N. Y.: J. B. Lyon, 1848. 402 p.
84. *Chaucer G. The Knight's Tale / ed. by J. A. W. Bennett.* L.: Harrap, 1954. 205 p.

85. *Conan Doyle A.* A Study in Scarlet. URL: <http://www.gutenberg.org/files/244/244-h/244-h.htm> (дата обращения: 27.02.2018).
86. *Conan Doyle A.* The Hound of the Baskervilles. URL: <http://www.gutenberg.org/files/3070/3070-h/3070-h.htm> (дата обращения: 27.02.2018).
87. *Dickens Ch.* Bleak House. URL: <http://www.gutenberg.org/files/1023/1023-h/1023-h.htm> (дата обращения: 27.02.2018).
88. *Dickens Ch.* Oliver Twist or the Parish Boy's Progress. URL: <http://www.gutenberg.org/files/730/730-h/730-h.htm> (дата обращения: 27.02.2018).
89. *Dickens Ch.* Dealing with the Firm of Dombey and Son, Wholesale Retail and for Exportation. URL: <http://www.gutenberg.org/files/821/821-h/821-h.htm> (дата обращения: 01.03.2017).
90. *Disraeli B.* Vivian Grey. L.: H. Colburn, 1826. Vol 1. 286 p.
91. *Eliot G.* Middlemarch. URL: <http://www.gutenberg.org/files/145/145-h/145-h.htm> (дата обращения: 01.03.2017).
92. *Fielding H.* The History of Tom Jones, a Foundling. L.; N.Y.: Macmillan & Co., 1904. 492 p.
93. *Gaskell E.* North and South. L.: Oxford University Press, 1934. 528 p.
94. *Kingsley Ch.* Alton Locke, Tailor and Poet. An Autobiography. In 2 vols. 2nd ed. L.: Chapman and Hall, 1851. Vol. 1. 326 p.
95. *Marlowe Chr.* The Tragical History of Doctor Faustus / ed. by I. Gollancz. L.: J. M. Dent, 1897. 112 p.
96. *Marlowe's* Edward II / ed. by W. D. Briggs. L.: D. Nutt, 1914. 221 p.
97. *Meredith G.* The Egoist. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/1684/pg1684.html> (дата обращения: 01.12.2017).
98. *Morrison A.* The Case of Mr. Foggatt. URL: <http://www.gutenberg.org/files/11252/11252-h/11252-h.htm#CH3> (дата обращения: 27.02.2018).
99. *Shakespeare W.* King Lear. N.Y.: The University Society, 1901. 207 p.

100. *Shakespeare's Hamlet* / ed. by J. L. Lowes. N.Y.: H. Holt and Co., 1914. 252 p.
101. *Sterne L. The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman*. L.: Grant Richards, 1903. 593 p.
102. *Swift J. Gulliver's Travels into Several Remote Nations of the World*. L.: The Temple Press, 1939. 291 p.
103. *The Proverbs of Alfred* / ed. by W. W. Skeat. Oxford: The Clarendon Press, 1907. 94 p.
104. *The Wife of Bath's Tale // The Canterbury Tales*. URL: <https://quod.lib.umich.edu/c/cme/CT/1:3.2?rgn=div2;view=fulltext> (дата обращения: 23.11.2018).
105. *The Works of Charles Dickens in Thirty Volumes*. N.Y.: Society of English and French Literature, 1890. Vol. 29.
106. *Trollope A. Barchester Towers*. URL: <http://www.gutenberg.org/files/3409/3409-h/3409-h.htm> (дата обращения: 01.03.2017).
107. *Works of Charles Dickens. Globe Edition. The Pickwick Papers. Four Volumes in One*. N.Y.: Hurd and Houghton, 1868.

Мемуары, дневники, корреспонденция

108. *Черчилль У. Мои ранние годы: 1874—1904*. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2012. 368 с.
109. *Dahl R. Boy: Tales of Childhood*. L.: Puffin Books, 1986. 176 p.
110. *Derby E. H. Disraeli, Derby, and the Conservative Party: journals and memoirs of Edward Henry, Lord Stanley, 1849—1869*. L.: Harvester Press, 1978. 404 p.
111. *Harris J. H., 3rd Earl of Malmesbury. Memoirs of an ex-minister. An autobiography*. L.: Longmans, Green, and co.; N. Y.: Scribner and Welford, 1885. 706 p.
112. *Knight P. A Victorian Gentleman*. Middletown: s. n., 2016. 176 p.

113. *Leaves from the Journal of Our Life in the Highlands, from 1848 to 1861* / ed. by A. Helps. L.: Smith, Elder and Co., 1868. 219 p.

114. *Stanley A. P., D. D. The Life and Correspondence of Thomas Arnold, D. D., Late Head-Master of Rugby School, and Regius Professor of Modern History in the University of Oxford. In Two Volumes. 10th ed.* L.: J. Murray, 1877. Vol. 1. 375 p.

115. *The Letters of Queen Victoria. A Selection from Her Majesty's Correspondence between the Years 1837 and 1861* / ed. by A. C. Benson. 1837—1843. L.: J. Murray, Albemarle Street, W., 1907. Vol. 1. 641 p.

116. *The Letters of Queen Victoria. A Selection from Her Majesty's Correspondence between the Years 1837 and 1861* / ed. by A. C. Benson. 1844—1853. L.: J. Murray, 1907. Vol. 2. 575 p.

Законодательные акты

117. CAP. II. An Act for the Attainder of Diverse Offenders in the Late Most Barbarous, Monstrous, Detestable and Damnable Treasons // *The Statutes at Large, of England and of Great Britain: From Magna Carta to the Union of the Kingdoms of Great Britain and Ireland. In 20 vols.* L.: G. Eyre and A. Strahan, 1811. Vol. 4. From 1 Mary. A.D. 1553 — To 16 Charles I. A.D. 1640. 834 p.

118. CAP. V. An Act that in every original Writ in which an Exigent should be awarded shall be written certain Additions // *The Statutes at Large, of England and of Great Britain: From Magna Carta to the Union of the Kingdoms of Great Britain and Ireland.* L.: G. Eyre and A. Strahan, 1811. Vol. 2. From 1 Ric. II A.D. 1377 — To 19 Hen. VII A.D. 1504. 808 p.

119. CAP. V. For Regulating Apparel // *The Statutes at Large, of England and of Great Britain: From Magna Carta to the Union of the Kingdoms of Great Britain and Ireland.* L.: G. Eyre and A. Strahan, 1811. Vol. 2. From 1 Ric. II A.D. 1377 — To 19 Hen. VII A.D. 1504. 808 p.

120. CAP. VII. What Sort of Men shall be Choofers, and who shall be chosen Knights of the Parliament // The Statutes at Large, of England and of Great Britain: From Magna Carta to the Union of the Kingdoms of Great Britain and Ireland. L.: G. Eyre and A. Strahan, 1811. Vol. 2. From 1 Ric. II A.D. 1377 — To 19 Hen. VII A.D. 1504. 808 p.

121. CAP. XI. An Act Against Destruction of Wild-Fowl // The Statutes at Large, of England and of Great Britain: From Magna Carta to the Union of the Kingdoms of Great Britain and Ireland. L.: G. Eyre and A. Strahan, 1811. Vol. 3. From 1 Hen. VIII A.D. 1509-10 — To 7 Edw. VI. A.D. 1553. 619 p.

122. CAP. XVIII. For Punishment of Captains detaining any part of their Soldiers Wages // The Statutes at Large, of England and of Great Britain: From Magna Carta to the Union of the Kingdoms of Great Britain and Ireland. L.: G. Eyre and A. Strahan, 1811. Vol. 2. From 1 Ric. II A.D. 1377 — To 19 Hen. VII A.D. 1504. 808 p.

123. Chap. 93. An Act to amend the Law relating to the Property of Married Women // The Public General Statutes Passed in the Thirty-Third and Thirty-Fourth Years of the Reign of Her Majesty Queen Victoria, 1870. L.: G. E. Eyre and W. Spottiswoode at the Queen's Printing Office, 1870. 764 p.

124. *Gomeney's and Weston' Cafe*, 1 Ric. 2 // A Complete Collection of State-Trials, and Proceedings for High-Treason, and other Crimes and Misdemeanours; from the Reign of King Richard II to the End of the Reign of King George I. In 6 vols. 2nd ed. L.: Printed for J. Walthoe, 1730. Vol. 1. 998 p.

Литература

125. *Абилова Ф. А.* Образ викторианского джентльмена в романе Т. Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» // Вестник Дагестанского государственного университета. 2013. Вып. 3. С. 78—83.

126. *Акройд П.* Темза: Священная река. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2009. 568 с.

127. *Александр Ф., де Л'Онуа Б.* Королева Виктория. М.: Молодая гвардия, 2007. 495 с.
128. *Аристова Н. С.* К этимологии лингвокультурного понятия «джентльмен» // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. Вып. 22. С. 154—158.
129. *Безкоровайная Г. Т.* Эволюция концепта «джентльмен»: становление «английскости» // Вестник ЦМО МГУ. 2009. № 4. С. 41—46.
130. *Беккер С.* Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 344 с.
131. *Бёрк П.* Что такое культуральная история? / пер. с англ. И. Полонской; под науч. ред. А. Лазарева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 240 с.
132. *Браун Е. Д.* Войны Роз: История. Мифология. Историография. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 208 с.
133. *Браун Е. Д.* Джентри и античное наследие. Казус Уильяма Уорчестера // Шаги. 2018. № 4 (2). С. 23—37.
134. *Вайнштейн О. Б.* Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 640 с.
135. *Винокурова М. В.* Мир английского манора (на материалах земельных описей графств Ланкашир и Уилтшир второй половины XVI — первой трети XVII вв.). М.: Наука, 2004. 649 с.
136. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.
137. *Демурова Н. М.* Портрет английского джентльмена между двумя мировыми войнами (Рассказ У.С. Моэма «В львиной шкуре») // Одиссей. Человек в истории. 1994. М.: Наука, 1994. С. 219—231.
138. *Диттрич Т. В.* Повседневная жизнь викторианской Англии. М.: Молодая гвардия, 2007. 382 [2] с.

139. *Дмитриева О. В.* Английское дворянство в XVI — начале XVII в.: границы сословия // Европейское дворянство XVI — XVII вв.: границы сословия / под ред. В. А. Ведюшкина. М.: Археографический центр, 1997. С. 11—34.
140. *Ерофеев Н. А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. М.: Наука, 1982. 319 с.
141. *Загер П.* Оксфорд и Кембридж. Непреходящая история. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2012. 640 с.
142. *Зброжек Е.В.* Викторианство в контексте культуры повседневности // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. 2005. №35. Вып. 9. С. 28—44.
143. *Золотов В. И.* Сквайры и джентльмены в меняющемся обществе английской монархии XV века // Вестник Брянского государственного университета. 2012. Вып. 2. С. 103—107.
144. *История частной жизни: под общей ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Т. 4: от Великой французской революции до I Мировой войны / под. ред. М. Перро; пер. с фр. О. Панайотти. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 672 с.*
145. *Карпухина М. А.* Британское высшее общество эпохи Регентства и казус Браммела: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2012. 22 с.
146. *Киселёва М. П.* Особенности лингвокультурного типажа «джентльмен» // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2013. № 1. С. 55—62.
147. *Козеллек Р.* Введение // Словарь основных исторических понятий: избранные статьи в 2-х т. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. С. 23—44.
148. *Козеллек Р.* К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета: сборник статей под редакцией Х.Э. Бёдекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 21—33.

149. *Кончакова С. В.* Проблема национальной идентичности в позднем творчестве Ч. Диккенса («Большие надежды», «Наш общий друг», «Тайна Эдвина Друда»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 24 с.
150. *Коути Е.* Недобрая старая Англия. СПб.: БХВ-Петербург, 2013. 320 с.
151. *Коути Е., Харса Н.* Суевория викторианской Англии. М.: Центрполиграф, 2012. 474 с.
152. *Коути К.* Английское воспитание. URL: http://samlib.ru/k/kouti_k/englishvice_1.shtml (дата обращения: 27.01.2018).
153. *Кром М. М.* Историческая антропология: пособие к лекционному курсу. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 168 с.
154. *Крючкова Н. Д.* Образ жизни британской элиты в третьей четверти XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004. 247 с.
155. *Кулиничева Е.* Кроссовки. Культурная биография спортивной обуви. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 376 с.
156. *Лавровский В. М., Барг М. А.* Английская буржуазная революция. Некоторые проблемы Английской буржуазной революции 40-х годов XVII века. М.: Соцэкгиз, 1958. 366 с.
157. *Лебина Н. Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.
158. *Ливен Д.* Аристократия в Европе. 1815—1914. СПб.: Академический проект, 2000. 364 с.
159. *Лотман Ю. М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.
160. *Овчинников В. В.* Сакура и дуб. М.: АСТ, Астрель, 2011. 605 с.
161. *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987. 528 с.
162. *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 528 с.

163. *Райтсон К.* «Разряды людей» в Англии при Тюдорах и Стюартах // Средние века. 1994. № 57. С. 46—61.
164. *Ретина Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2009. 320 с.
165. *Тревельян Дж. М.* Социальная история Англии. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 607 с.
166. *Уваров П. Ю.* Старый порядок социальных именовании во французских нотариальных актах: нобилитет и нотабли // Средние века. 2008. № 69 (1). С. 56—67.
167. *Чернов С.* Бейкер-стрит и окрестности. Эпоха Шерлока Холмса. М.: ФОРУМ, 2012. 480 с.
168. *Чернова Л. Н.* Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV—XVI вв. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 366 с.
169. *Шарифжанов И. И.* Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. 240 с.
170. *Яблочков М. Т.* История дворянского сословия в России. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1876. 680 с.
171. *Adams J. E.* Gentleman, Dandy, Priest: Manliness and Social Authority in Pater's Aestheticism // English Literary History. 1992. Vol. 59, No. 2. P. 441—466.
172. *Antinucci R.* A Hero in Transition: the Victorian Gentleman as a Revisited Paradigm of Masculinity // Figures in the Carpet: Studi di Letteratura e Cultura Vittoriana. Sassari: Tracce, 2012. P. 75—89.
173. *Barrow R. J.* Rape on the Railway: Women, Safety, and Moral Panic in Victorian Newspapers // Journal of Victorian Culture. 2015. Vol. 20, Issue 3. P. 287—307.
174. *Berberich Chr.* The Image of the English Gentleman in Twentieth-Century Literature: Englishness and Nostalgia. Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 2007. 218 p.

175. *Best G.* Mid-Victorian Britain 1851—75. L.: Fontana, 1989. 350 p.
176. *Black B.* Room of His Own: A Literary-Cultural Study of Victorian Clubland. Athens, OH: Ohio University Press, 2013. 328 p.
177. *Boghian I.* Reading Victorian objects: the inside of a Victorian house. URL: <http://www.upm.ro/ldmd/LDMD-01/Hst/Hst%2001%2032.pdf> (дата обращения: 01.03.2018).
178. *Bourcier P. G.* “In Excellent Order”: The Gentleman Farmer Views His Fences, 1790—1860 // *Agricultural History*. 1984. Vol. 58, No. 4. P. 546—564.
179. *Boyd K., McWilliam R.* Introduction: Rethinking the Victorians // *The Victorian Studies Reader* / ed. by K. Boyd and R. McWilliam. L.; N. Y.: Routledge, 2007. P. 1—48.
180. *Brander M.* The Victorian Gentleman. L.: Gordon Cremonesi, 1975. 215 p.
181. *Briggs A.* Victorian Cities. N. Y.: Harper & Row, 1965. 424 p.
182. *Briggs A.* Victorian People: a Reassessment of Persons and Themes, 1851—1867. Chicago: University of Chicago Press, 1955. 312 p.
183. *Briggs A.* Victorian Things. L.: Batsford, 1988. 448 p.
184. *Buckle H. Th.* History of Civilization in England. N.Y.: D. Appleton and Company, 1884. Vol. 1. 677 p.
185. *Bülbring K. D.* Introducion [sic!] // Defoe D. The Compleat English Gentleman. L.: D. Nutt, 1890. P. XIII—LXXXIV.
186. *Carpenter Chr.* Locality and Polity: A Study of Warwickshire Landed Society, 1401—1499. Cambridge, 2009. 812 p.
187. *Carr R.* The Gentleman and the Soldier: Patriotic Masculinities in Eighteenth-Century Scotland // *Journal of Scottish Historical Studies*. 2008. Vol. 28, No. 2. P. 102—121.
188. *Castronovo D.* The English Gentleman: Images and Ideals in Literature and Society. N.Y.: Ungar, 1987. 171 p.
189. *Collins T.* A Social History of English Rugby Union. L.; N. Y.: Routledge, 2009. 277 p.

190. *Coss P.* The Origins of the English Gentry. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 348 p.
191. *Dentith S.* Society and Cultural Forms in Nineteenth Century England. L.: St. Martin's Press, 1998. 206 p.
192. *Denton W.* England in the Fifteenth Century. L.: George Bell and Sons, 1888. 337 p.
193. *Dettmar K. J. H.* Bookcases, Slipcases, Uncut Leaves: The Anxiety of the Gentleman's Library // NOVEL: A Forum on Fiction. 2005. Vol. 39, No. 1, Victorian Structures of Feeling. P. 5—24.
194. *Early Victorian England, 1830—1865* / ed. by G. M. Young. L.: Oxford University Press, 1934. Vol. 1. 414 p.
195. *Emotions in the History of Witchcraft* / ed. by L. Kounine and M. Ostling. L.: Palgrave Macmillan, 2016. 321 p.
196. *Ensor R. C. K.* England. 1870—1914. Oxford: Clarendon Press, 1985. 634 p.
197. *Flanders J.* Inside the Victorian Home: A Portrait of Domestic Life in Victorian England. N. Y.; L.: W. W. Norton & Company, 2004. 499 p.
198. *Flanders J.* The Victorian City: Everyday Life in Dickens' London. L.: Atlantic Books, 2012. 520 p.
199. *Gillingham J.* Thegns and Knights in Eleventh-Century England: Who Was Then the Gentleman? // Transactions of the Royal Historical Society. 1995. Vol. 5. P. 129—153.
200. *Gilmour R.* The Idea of the Gentleman in the Victorian Novel. L.: George Allen and Unwin, 1981. 190 p.
201. *Gloag J.* Victorian Comfort: a Social History of Design from 1830—1900. L.: Adam and Charles Black, 1961. 252 p.
202. *Greenfield J.* Arthur Morrison's Sherlock Clone: Martin Hewitt, Victorian Values, and London Magazine Culture, 1894—1903 // Victorian Periodicals Review. 2002. Vol. 35, No. 1. P. 18—36.

203. *Harrison J. F. C.* Early Victorian Britain, 1832—1851. Glasgow: Fontana Press, 1988. 192 p.

204. *Harrison J. F. C.* Late Victorian Britain. 1870—1901. Glasgow: Fontana Press, 1990. 265 p.

205. *Howard Sh.* Gentlemen and Interpersonal Violence in Seventeenth-Century Britain. Доклад на конференции “Icons and Iconoclasts: The Long Seventeenth Century, 1603 to 1714” 20—22 июля 2006 г. в Университете Абердина. URL: <http://sharonhoward.org/archive/c17-gents-behaving-badly-final.pdf> (дата обращения: 05.07.2018).

206. *Howarth J.* Gender, Domesticity and Sexual Politics // The Nineteenth Century: The British Isles, 1815—1901 / ed. by C. Matthew. N.Y.: Oxford University Press, 2000. 342 p.

207. *Hughes K.* The Middle Classes: Etiquette and Upward Mobility // Discovering Literature: Romantics and Victorians [2014]. URL: <https://www.bl.uk/romantics-and-victorians/articles/the-middle-classes-etiquette-and-upward-mobility> (дата обращения: 23.07.2018).

208. *Hyde H. M.* Lord Alfred Douglas: a Biography. N.Y.: Dodd, Mead and Company, 1985. 366 p.

209. *James A.* ‘To Knowe a Gentilman’: Men and Gentry Culture in Fifteenth-Century Yorkshire. PhD diss. University of York [York], 2012. 334 p.

210. *Jones T.* Chaucer’s Knight. The Portrait of a Medieval Mercenary. Revised edition with new materials. L.: Methuen, 1994. 322 p.

211. *Keen M.* Origins of the English Gentleman: Heraldry, Chivalry and Gentility in Medieval England, c. 1300—c. 1500. Stroud: Tempus Publishing Ltd, 2002. 224 p.

212. *Kelso R.* The Doctrine of the English Gentleman in the Sixteenth Century. Urbana: University of Illinois Press, 1929. 288 p.

213. *Korfmacher W. Ch.* The ‘Gentleman’ as the Romans Knew Him // The Classical Weekly. 1946. Vol. 39, No. 18. P. 138—141.

214. *Kronenberger L.* Oscar Wilde. Boston: Little, Brown and Company, 1976. 236 p.
215. *Ladow G. P.* A Critical View of British Public Schools. URL: <http://www.victorianweb.org/history/education/eh4.html> (дата обращения: 27.01.2018).
216. *Lee P.-A.* Play and the English Gentleman in the Early Seventeenth Century // *The Historian*. 1969. Vol. 31, No. 3. P. 360—380.
217. *Lejeune A.* The Gentlemen's Clubs of London. L.: Bracken Books, 1984. 296 p.
218. *Lieven D. C. B.* The Aristocracy in Europe. N. Y.: Columbia University Press, 1992. 308 p.
219. *Lorimer D. A.* Colour, class and the Victorians. Leicester; N. Y.: Leicester University Press / Holmes & Meier Publishers, Inc., 1978. 330 p.
220. *Macaulay's* History of England from the Accession of James II. In 4 vols. L.: J. M. Dent & Sons; N.Y.: E. P. Dutton & Co., 1953. Vol. 1. 621 p.
221. *MacKenzie J. M.* The Victorian Vision. L.: V&A Publications, 2001. 360 p.
222. *Mason Ph.* The English Gentleman: The Rise and Fall of an Ideal. N. Y.: William Morrow and Company, 1982. 240 p.
223. *Masterson M.* Dueling, Conflicting Masculinities, and the Victorian Gentleman // *Journal of British Studies*. 2017. Vol. 56, Issue 3. P. 605—628.
224. *McIntire M.* Odds, Intelligence, and Prophecies: Racing News in the Penny Press, 1855—1914 // *Victorian Periodicals Review*. 2008. Vol. 41, No. 4. P. 352—373.
225. *Milne-Smith A.* London Clubland: a Cultural History of Gender and Class in Late Victorian Britain. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2011. 296 p.
226. *Milne-Smith A.* Queensberry's Misrule: Reputation, Celebrity, and the Idea of the Victorian Gentleman // *Canadian Journal of History*. 2013. Vol. 48, No. 2. P. 277—306.

227. *Mitchell S.* Daily life in Victorian England. Westport: Greenwood Press, 2009. 336 p.
228. *Mitchell Sh. C.* Moral Posturing: Body Language, Rhetoric, and the Performance of Identity in Late Medieval French and English Conduct Manuals. PhD diss. The Ohio State University [Columbus], 2007. 356 p.
229. *Morgan D. A. L.* The Individual Style of the English Gentleman // Gentry and Lesser Nobility in Late Medieval Europe. N.Y.: St. Martin's Press, 1986. P. 15—35.
230. *Newman J. H.* The Idea of a University Defined and Illustrated in Nine Discourses Delivered to the Catholics of Dublin. URL: <http://www.gutenberg.org/files/24526/24526-pdf.pdf> (дата обращения: 16.01.2018).
231. *Ossowska M.* Ethos Rycerski i Jego Odmiany. Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1973. 223 p.
232. *Paxman J.* The English. A Portrait of a People. L.: Penguin Books, 1999. 320 p.
233. *Peel C. S.* Homes and Habits // Early Victorian England, 1830—1865 / ed. by G. M. Young. L.: Oxford University Press, 1934. Vol. 1. P. 79—151.
234. *Perkin H.* The Origins of Modern English Society. 2nd ed. L.; N. Y.: Routledge, 2005. 486 p.
235. *Price R.* Should We Abandon the Idea of the Victorian Period? // The Victorian Studies Reader / ed. by K. Boyd and R. McWilliam. L.; N. Y.: Routledge, 2007. P. 51—66.
236. *Rainard R. L.* The Origins and Development of the Gentlemanly Ideal in the South: 1607—1865. PhD diss. The Louisiana State University and Agricultural and Mechanical College [Baton Rouge], 1981. 270 p.
237. *Reed A. W.* Chivalry and the Idea of a Gentleman // The Social History of Chivalry / ed. by F. Cornish. L.; N. Y.: Routledge, 2010. P. 207—228.
238. *Richards J.* Sir Henry Irving: a Victorian Actor and His World. Hambleton; L.; N. Y.: Bloomsbury, 2005. 508 p.

239. *Robert Cawdrey's A Table Alphabeticall*. URL: <https://www.bl.uk/collection-items/robert-cawdreys-a-table-alphabeticall> (дата обращения: 25.01.2018).

240. *Robin Letwin Sh. The Gentleman in Trollope: Individuality and Moral Conduct*. L.; Basingstoke: The Macmillan Press, 1982. 303 p.

241. *Sampson A. The New Anatomy of Britain*. L.: Hodder and Stoughton, 1971. 731 p.

242. *Sedgwick H. D. In Praise of Gentlemen*. Boston: Little, Brown, and Company, 1935. 195 p.

243. *Sitwell G. R. The English Gentleman // The Ancestor*. L., 1902. № 1. P. 58—103.

244. *Smythe-Palmer A. The Ideal of a Gentleman, or a Mirror for Gentlefolks, a Portrayal in Literature from the Earliest Times*. L.: George Routledge & Sons Limited, 1908. 539 p.

245. *Stone L. The Anatomy of the Elizabethan Aristocracy // The Economic History Review*. 1948. Vol. 18, No. 1/2. P. 1—53.

246. *Stone L., Fawtier Stone J. C. An Open Elite? England, 1540—1880*. Oxford: Clarendon Press, 1984. 566 p.

247. *Strachey L. Eminent Victorians*. Garden City, N. Y.: Garden City Publishing Co., Inc., 1918. 351 p.

248. *Sutherland D. The English Gentleman*. L.: Debrett's Peerage Ltd, 1978. 77 p.

249. *Sweet M. Inventing the Victorians*. L.: Faber & Faber, 2002. 263 p.

250. *Tawney R. H. The Rise of the Gentry, 1558—1640 // The Economic History Review*. 1941. Vol. 11, No. 1. P. 1—38.

251. *The Norton Anthology of English Literature / Ed. by S. Greenblatt*. N.Y.; L.: W. W. Norton & Company, 2006. 3072 p.

252. *Theodore Hoppen K. The Mid-Victorian Generation, 1846—1886*. Oxford: Clarendon Press, 1998. 808 p.

253. *Thompson F. M. L.* Gentrification and the Enterprise Culture: Britain 1780—1980. N. Y.: Oxford University Press, 2003. 232 p.

254. *Tocqueville A.* L’Ancien Régime et la Révolution. Paris: Michel Lévy Frères, 1856. 490 p.

255. *Tosh J.* Gentlemanly Politeness and Manly Simplicity in Victorian England // Tosh J. *Manliness and Masculinities in Nineteenth-Century Britain*. Harlow: Pearson Longman, 2005. P. 83—102.

256. *Trevelyan G.M.* English Social History: a Survey of Six Centuries, Chaucer to Queen Victoria. L.; N.Y.; Toronto: Longmans, Green and Co., 1946. 628 p.

257. *Trevor-Roper H.R.* The Elizabethan Aristocracy: An Anatomy Anatomized // *The Economic History Review, New Series*. 1951. Vol. 3, No. 3. P. 279—298.

258. *Ward H.* From London Coffee Houses to London Clubs. URL: <http://www.victorianweb.org/history/clubs.html> (дата обращения: 01.03.2018).

259. *Wheeler M.* English Fiction of the Victorian Period 1830—1890. L.; N. Y.: Longman, 1985. 284 p.

260. *Wiener J. H.* The Dawn of the Cheap Press in Victorian Britain: The End of the “Taxes on Knowledge”, 1849—1861 by Martin Hewitt (review) // *Victorian Periodicals Review*. 2016. Vol. 49, No. 3. P. 522—525.

261. *Wildeblood J.* The Polite World. A Guide to English Manners and Deportment From the Thirteenth to the Nineteenth Century. L.: Oxford University Press, 1965. 291 p.

262. *Wilkinson R.H.* The Gentleman Ideal and the Maintenance of a Political Elite. Two Case Studies: Confucian Education in the Tang, Sung, Ming and Ching Dynasties; and the Late Victorian Public Schools (1870—1914) // *Sociology of Education*. 1963. Vol. 37, No. 1. P. 9—26.

263. *Wilkinson Sh.* (Re)Making the Gentleman: Genteel Masculinities and the Country Estate in the Novels of Charlotte Smith, Jane Austen, and Elizabeth Gaskell. PhD diss. Marquette University [Milwaukee], 2014. 181 p.

264. *Wrightson K.* 'Sorts of People' in Tudor and Stuart England // *The Middling Sort of People: Culture, Society and Politics in England, 1550—1800* / ed. by J. Barry and Chr. Brooks. Basingstoke: Macmillan; N. Y.: St. Martin's Press, 1994. P. 28—51.

265. *Young A.* *Culture, Class and Gender in the Victorian Novel: Gentlemen, Gents and Working Women.* N. Y.: St. Martin's Press, 1999. 240 p.